

Очень интересная книга Жаклин Симпсон по истории викингов
выпущенная издательством **«Центрполиграф»**.

В этой же серии «Быт религия культура» вышли: "Ацтеки", "Традиционная Япония", "Инки", "Первобытные люди", "Китай династии Хань", "Этрусски", "Кельты язычники", "Древняя Индия" и др.. (всего около 20 книг)

[Все книги в интернет-магазине издательства >>>](#)

(смотри в разделе: «Всемирная история. История цивилизаций», подраздел «Быт, религия, культура»)

Рекомендуем к приобретению для своей домашней библиотеки
(цена 90 руб. за книгу)

Содержание:

[Предисловие переводчика](#)

[Глава 1. Головорезы или герои?](#)

[Глава 2. Викинги и их завоевания](#)

[Глава 3. Жизнь на суше](#)

[Глава 4. Корабли и плавания](#)

[Глава 5. Купцы](#)

Симпсон Жаклин

Викинги. Быт, религия, культура

Пер. с англ. Н.Ю. Чехонадской

Художник И.А. Озеров

Центрполиграф, 2005

Тираж: 7.000 экземпляров

[Глава 6. Оружие и войны](#)

[Глава 7. Семья и общество](#)

[Глава 8. Игры, искусство и поэзия](#)

[Глава 9. Религиозные и погребальные обряды](#)

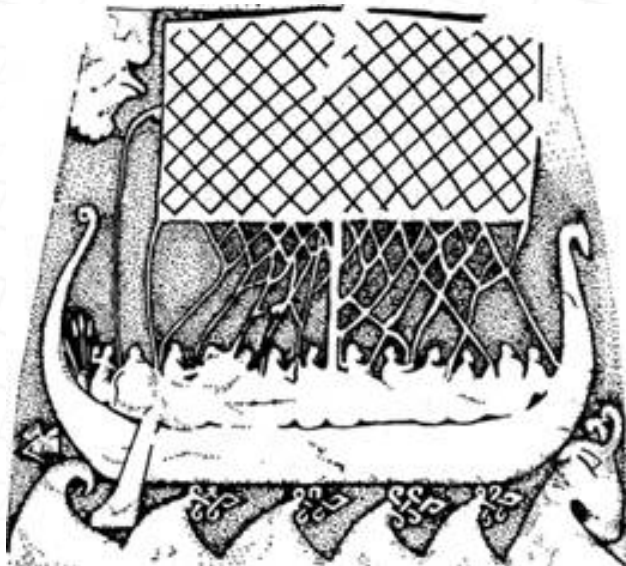

лучшие книги от издательства ЦЕНТРПОЛИГРАФ

[РЕКОМЕНДУЕМ: лучшие книги от издательства ЦЕНТРПОЛИГРАФ>>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ВИКИНГИ

Быт, религия, культура

Предисловие переводчика

Н. Чехонадская

Жаклин Симпсон — один из крупнейших современных британских специалистов по культуре и фольклору скандинавов и англичан, почетный секретарь Британского Фольклорного общества, а в 1993—1996 годах — его председатель. В течение четырнадцати лет она была редактором всемирно известного журнала «Фольклор».

Ж. Симпсон прекрасно знакома с исландской и другими скандинавскими литературами. В 1965 году она выпустила книгу «Викинги говорят», включавшую переводы многих исландских саг. За ней последовали «Исландские народные сказки и легенды» (1972), «Легенды об исландских волшебниках» (1975), «Датские легенды» (2004). Кроме того, ей принадлежит множество работ по английскому фольклору, в том числе «Фольклор Суссекса» (1973), «Фольклор валлийского пограничья» (2003), а также «Словарь английского фольклора» (2000), подготовленный в соавторстве со Стивом Рудом. Особенно популярна ее работа «Британские драконы».

Эта книга пользуется заслуженной известностью как в Англии, так и в США. Рассказывая о жизни скандинавов, прежде всего исландцев, автор находится в своей стихии, и ее рассказ читается с неослабевающим интересом. Конечно, российский читатель не может не обратить внимания на порою вольное обращение Ж. Симпсон с источниками, касающимися истории других, не скандинавских стран — прежде всего России, а также Великобритании и Ирландии, на то, что автор излишне однозначно трактует спорный вопрос о влиянии викингов на историю этих стран. Однако в большинстве случаев такая необъективность достаточно очевидна и, по нашему мнению, почти не требует особых комментариев. Все это, конечно, не снижает очевидных достоинств популярной и весьма информативной книги Жаклин Симпсон.

«Викинги. Быт, религия, культура» Жаклин Симпсон

[Следующая страница >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

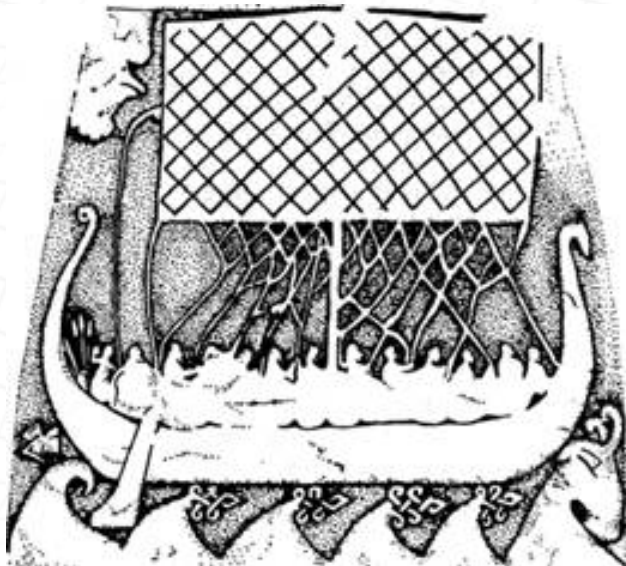
[Оглавление книги >>>](#)

лучшие книги от издательства ЦЕНТРПОЛИГРАФ

[РЕКОМЕНДУЕМ: лучшие книги от издательства ЦЕНТРПОЛИГРАФ>>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ВИКИНГИ

Быт, религия, культура

Глава 1. Головорезы или герои?

В средневековых скандинавских языках слово «vikingr» означало «пират, корсар» — человек, который сколотил себе состояние или совершая морские набеги на берега чужих стран, или нападая на мирных путешественников в своих водах. Было и отвлеченное понятие viking, которое обозначало сам процесс разбоя за морем. Строго говоря, викингами следовало бы называть только тех людей, для которых разбой становился профессией. К обычным скандинавским крестьянам, купцам, поселенцам или ремесленникам того времени, да и к дружинникам, участвовавшим в династических войнах своих князей или в собственных «разборках», это слово вряд ли подходит. Тем не менее, именно скандинавские морские разбойники оказали наибольшее влияние на Европу того времени, и именно они с тех пор привлекают наибольшее внимание историков. Поэтому период скандинавской истории, начавшийся в 790-х годах (время первых известных набегов в Западной Европе), обычно называют «эпохой викингов». Этот период завершается примерно в середине XI века, когда набеги и переселения прекратились, обитатели поселений за пределами Скандинавии практически слились с местными жителями, а социальные изменения в самой Скандинавии привели к наступлению подлинного Средневековья. Слово «викинг» стало удобным термином для обозначения характерной культуры того времени, и поэтому мы теперь говорим не только о кораблях и об оружии викингов, но и об искусстве викингов, домах викингов и даже о сельском хозяйстве викингов, хотя людям той эпохи такие выражения показались бы совершенно бессмысленными. Современники также не называли разбойников-викингов «викингами». Англосаксы именовали их данами — по стране, откуда те пришли, франки звали Nortmanni — люди севера, германцы — людьми ясеня, возможно имея в виду их корабли, хотя корабли делали из дуба, ирландцы же употребляли или слово Gaill, что означает иностранцы, или Lochlannaigh — северяне; при этом они порой различали датчан и норвежцев: первые были черными чужеземцами, вторые — белыми чужеземцами. Испанские арабы звали викингов Majus — язычники, а на востоке славяне, арабы и византийские греки называли их Rus или Ros (возможно, первоначально это было финское название шведов). Сами же скандинавы считали себя обитателями какого-то определенного места — «людьми из Вест-фольда», «людьми из Хордаланда», «людьми с возвышенностей» и так далее. Однако постепенно у них зародилось чувство национального единства; появились названия национальностей. Они также использовали слово Nord-menn — «северяне», иногда в ограниченном значении «норвежцы», но чаще в общем смысле «скандинавы»; второе значение привело к появлению в современном английском языке общих терминов Northmen, Norsemen и Norse. Происхождение самого слова vikingr неясно и весьма спорно. Наиболее общепринятое предположение — это то, что оно происходит от слова vik — «ручей, бухта, фьорд» и появилось потому, что пираты обычно прятались в бухтах и устьях рек, чтобы нападать на проплывающие мимо

корабли и обеспечить себе базу для набегов вдоль побережья.

Изучению эпохи викингов зачастую мешают традиционные представления о свирепых и безжалостных варварах, сеющих страх и разрушение в постоянных поисках добычи, и поэтому многие менее сенсационные, но столь же важные аспекты этого периода оказались вне сферы внимания. В основном это происходит потому, что европейские летописцы того времени дают весьма одностороннюю картину: они (что вполне понятно) считали викингов только разбойниками и вымогателями дани. Эти авторы почти ничего не знали, да и знать не хотели, о жизни викингов, об их культуре и торговле и даже о том, почему и откуда они приходят. Хотя сведения в летописи могут быть вполне подлинными, общая картина оказывается

искаженной как из-за эмоций летописца, так и из-за того, что он не упоминал о некоторых фактах, которых либо не знал, либо не считал нужным записывать. «Англосаксонская хроника» гораздо полнее других летописей, и ее авторы были информированы гораздо лучше, чем большинство хронистов, однако и там речь идет почти исключительно о войнах. Только одно или два случайных предложения говорят о заселении Дэнло1, которое проходило в тот же период и имело гораздо более сложные и далекоидущие последствия. Нередко тщательное исследование названий мест и лингвистических данных — единственный способ заполнить пробелы в источниках.

Более поздние средневековые писатели часто оказываются куда пристрастней. Автор ирландского текста XII века «Война гойделов с чужеземцами» (то есть ирландцев с викингами), вспоминая об ужасах набегов викингов (которые он отнюдь

не собирался преуменьшать), восклицает: «Верно, хоть бы сто голов — равно прочных, железных — было на одной шее, и сто языков — острых, хорошо подвешенных, с приятной речью, медных, нержавеющей — в каждой голове, и сто голосов — громозвучных, хрустальных, неослабевающих в каждом языке, не могли бы они перечислить, или поведать, или перечесть, или рассказать, сколько претерпели все ирландцы вместе — и мужи, и жены, и миряне, и священники, и старцы, и юноши, и благородные, и подлые — мучений и тягот, и издевательств в каждом доме от этого войска жестокого, злобного, чужестранного, совершенно языческого».

Конечно, современные историки понимают, что средневековые авторы были небеспристрастны и многое преувеличивали, однако их собственные суждения порой оказываются не менее эмоциональными. Еще в 1930 году сэр Томас Кендрик, хотя и признавая, что некоторые поселенцы-викинги занимали свою землю вполне мирно, постоянно использовал такие выражения, как «грубые варвары», «грабители-головорезы», «бич окраин цивилизованного мира», «кровожадные и омерзительные варвары, враги общества, повинные в позорных и непростительных преступлениях — поджогах и резне». Единственное, что сэр Томас мог сказать в пользу викингов — это похвалить их ремесленное мастерство, о котором он говорит, что, «увидев сам корабль [из Усеберга]... уже никто не сможет более считать викингов IX столетия абсолютно гнусными и бездушными варварами». Многие книги о викингах содержат похожие суждения, хотя, возможно, облеченные и не в такие сильные выражения. Тем не менее, существует и другая школа — в основном среди исследователей скандинавской литературы, чем среди тех, кто занимается

европейской историей. Основываясь на героической поэзии скандинавов и исландских прозаических сагах, эти ученые рисуют достаточно положительный портрет викингов и их образа жизни, считая их чуть ли не средоточием всех добродетелей — отваги, выносливости, верности, любви к свободе и чувства чести. Действительно, в литературных источниках мы видим много героев, в полной мере одаренных этими качествами, которые, несомненно, вызывали восхищение в скандинавском мире. Очевидно и то, что в жизни исторические достижения викингов требовали много отваги и предприимчивости. Некоторые авторы так далеко зашли в своем поклонении викингам, что стали приписывать все положительное в характере англичан тому, что среди их предков были викинги, о которых Р.Л. Бреммер в 1923 году писал: «...Отважное и выносливое племя, простые и героические мужчины и женщины. Сильные телом, хорошо сложенные, статные люди, по большей части красивые, зачастую — подлинно античной красотой. Их манеры были откровенны и безыскусны, их ум живо откликался на все возвышенные человеческие ценности — любовь, рыцарство, отвагу, свободу, справедливость... [Мужчины] в любом обществе были откровенны и веселы, верны слову, они не торопились впасть в гнев, в битве были бесстрашны, в дружбе — верны... Три великие добродетели — честь, рыцарство и любовь к свободе — часть бессмертного наследия, которое мы получили от наших скандинавских пращуров». Сия блистательная картина, как уже было сказано, во многом основана на информации, почерпнутой из скандинавской литературы. И хотя эта литература во многих отношениях дает исключительно ценную информацию о духовном мире скандинавов, она также таит в себе ловушки для историка, который использует ее слишком некритически. Собственно эпохой викингов датируется только поэзия, и значительная ее часть (где постоянно говорится о воинской доблести, верности, чести, щедрости и несгибаемой отваге перед лицом Судьбы) выражает идеалы поведения героя, которыми восхищались аристократы и их дружинники, — идеалы, которые не имели прямого отношения к повседневной жизни крестьянина или купца, хотя, наверное, и могли вдохновить его в момент опасности. Хотя такие легендарные герои, как Сигурд Вэльсунг, и были постоянной темой для поэтов и художников, это отнюдь не значит, что каждый викинг хотел стать Сигурдом. Что касается исландских саг, то они во многом — самые интересные из доступных нам источников. Однако их внешняя объективность и трезвый, реалистический тон скрывают много подводных камней. Ни одна из этих саг не была записана ранее XII века, и большинство из наиболее прекрасных и наиболее известных относятся уже ко второй половине XIII века. Наиболее ценные для историка саги делятся на две группы: биографии и другие рассказы о подлинных событиях, прежде всего жизнеописания норвежских королей и рассказы о ранней истории самой Исландии, и «семейные саги», где описываются жизнь и особенно междоусобицы отдельных исландцев, которые жили в X — начале XI века. Саги первого типа считались подлинной историей, если даже иногда там встречались неточности или легендарные сведения, а «семейные саги» представляли собой художественную интерпретацию прошлого, так что зерно традиции, на которой они выросли, вполне могло оказаться искаженным. Люди, которые сочиняли эти саги, нередко были горячими почитателями древностей; они дорожили мельчайшим обрывком информации, стараясь заполнить пробел в 200 лет между своим временем и временем, когда жили те люди, о которых рассказывали. Но сам тот факт, что они так любили прошлое, заставляет задуматься: насколько же они его идеализировали? И разумеется, рассказчики его упрощали. Например, заселение Исландии часто объясняли только гордостью и гневом норвежских князей, чьей независимости угрожал король Харальд Прекрасноволосый. На самом деле заселение было частью гораздо более крупного движения, в котором решающую роль, возможно, играло экономическое давление. И все-таки при критическом

использовании саги могут стать незаменимым источником по истории Скандинавии. Величайшим достижением в области исторических сочинений стал «Круг земной», великолепное собрание саг о королях Норвегии, составленное Снорри Стурлусоном в 1220-х годах. Снорри также многое знал о языческих мифах и древней поэзии, и без его работ на эти темы наши знания о скандинавской религии оказались бы гораздо более скудными.

В сагах мимоходом упоминаются многие стороны повседневной жизни — еда, одежда, сельское хозяйство, закон и многое другое. Эти сведения очень ценны: они как бы изнутри показывают обычную, негероическую сторону скандинавской жизни. Однако всегда есть риск, что автор мог быть бессознательно введен в заблуждение обычаями, принятыми в его собственное время. Иногда такие анахронизмы очевидны, а иногда их можно различить, только имея данные археологических изысканий. Вот хороший пример, связанный с домами. В «Саге о Греттире» ясно говорится, что в эпоху викингов дома состояли из одной большой комнаты, где происходила вся домашняя жизнь. Но один исландский ученый, уверенный в том, что в тот период столь примитивные обычаи уже не могли существовать, проанализировал термины, использованные во многих других сагах, и пришел к выводу, что все описанные дома содержали несколько комнат с разными названиями. Позднее археологические раскопки показали, что «Сага о Греттире» говорит правду. В других сагах содержались неточные описания домов, возникшие под влиянием устройства домов той эпохи, когда составлялись саги, а в третьих использовались настолько туманные выражения, что только открытие подлинных остатков позволило понять, что же они в действительности означают.

Другой недостаток «семейных саг» как источников знаний по эпохе викингов заключается в том, что их интерес сосредоточен исключительно на самой Исландии. Если один из героев отправляется за море, то это всегда лишь интерлюдия, о которой говорится в двух словах («он отправился в Норвегию, где король любезно принял его», или «тем летом он отплыл в Ирландию; там совершал набеги три года и вернулся домой с большим богатством»). Если о похождениях героев рассказывается подробнее, то обычно это стандартная приключенческая история, которая мало что говорит о жизни в то время. Есть и исключения, прежде всего «Сага об Эгиле», однако в общем и целом герои «семейных саг» решают свою судьбу дома. Саги многое рассказывают о жизни внутри скандинавского общества, однако они мало что говорят о взаимодействии между Скандинавией и остальной Европой.

Таким образом, сформировать объективное представление о викингах на основе письменных источников чрезвычайно трудно. Кажется, что европейские летописи и скандинавская литература описывают два разных народа. И тех, и других можно подозревать в излишней пристрастности: одни видят врагов — сплошь в крови и в дыму пожарищ, другие — собственных идеальных предков в золотом сиянии героизма и возвышенных чувств. К счастью, некоторые современники, общавшиеся с викингами, смогли посмотреть на них более беспристрастно, и часто эти краткие, случайные сообщения оказываются наиболее полезными. Церковные историки, описывая деятельность миссионеров, иногда случайно рассказывают что-нибудь об условиях торговли или путешествий или сообщают некоторые факты о языческой религии; арабские географы дают замечательные описания обычаев шведских торговцев в России; византийский император рассматривает сезонные передвижения викингов вдоль торгового пути на Днепре. Перед нами открывается мир, конечно, не свободный от насилия, но здесь авторы, по крайней мере, отдают себе отчет в экономических факторах и не считают викингов каким-то мистическим бичом Божьим (как иногда казалось измученным жителям Запада).

Сверх того, археологи обнаружили множество материальных остатков, которые дают прямые и косвенные данные, позволяющие нам лучше понять эпоху викингов. Одним из главных археологических источников являются тысячи раскопанных погребений, поскольку большинство (хотя и не все) скандинавов снабжали умерших перед тем, как похоронить или сжечь, одеждой, оружием, инструментами и другими предметами. При благоприятном составе почвы погребения дают исчерпывающую информацию. Погребальный инвентарь может варьироваться от одного или двух простых предметов до роскошной обстановки княжеских погребальных курганов — кораблей со всей оснасткой, продуктов, кухонной посуды, саней, сбруи и множества других предметов повседневной необходимости богатого хозяйства. Курганы в Гокстаде и Усеберге (Норвегия) заслуженно считаются самыми знаменитыми из этих роскошных погребений, и дальше мы много будем говорить о том, что там было найдено. Однако все это богатство не должно затмевать бесчисленные небольшие могилы, содержимое которых говорит очень многое о быте средних слоев населения.

Дома раскапывают значительно реже, чем могилы, поскольку в большей части поселений викингов жизнь продолжалась в течение всего Средневековья, продолжается и сейчас; таким образом, для современного археолога особенную ценность представляют заброшенные поселения. Таких поселений много в Гренландии, где целых два поселения в Средние века полностью вымерли, а эскимосы не стали трогать их развалины. Есть еще одна исландская долина, которая после того, как расположенные в ней фермы в 1300 году уничтожил вулкан, уже больше не была заселена, и некоторые из этих ферм восходят к началу X века. Дома викингов рассеяны тут и там — по Оркнейским, Шетландским и Гебридским островам; особенно замечательна прекрасная группа построек в Ярлсхофе на Шетландских островах: здесь передвижение песков «запечатало» дома, предохранив от последующих вмешательств.

Еще более интересны раскопки целых городов с их кладбищами, гаванями и защитными земляными сооружениями. Автор любой книги об эпохе викингов будет многим обязан тем археологам, которые изучали поселения в Бирке, Хедебю, Каупанге и Хельгё. Эти небольшие городки были прежде всего торговыми центрами, и поэтому обнаруженные там предметы бросают свет на экономические аспекты жизни общин викингов, показывая, какие товары импортировались и экспортировались и какими ремеслами занимались в самих городах. Изучение таких городов — длительный процесс. Требуется много сезонов раскопок и глубокий анализ, так что даже уже известные нам места раскопок могут дать новую информацию, не говоря уж о тех, что могут быть открыты в будущем. Другой тип крупного поселения, известный пока только в Дании, — это укрепленный военный лагерь, который, возможно, служил чем-то вроде казарм, предназначенных для армии, собравшейся для вторжения в Англию в начале XI века. Существует четыре таких лагеря, самый известный из них — Треллеборг.

Обнаружено более тысячи погребенных под землей кладов серебряных изделий — от небольших находок двух-трех монет и нескольких обломков украшений до целых груд сокровищ, которые весят 15 и более фунтов и состоят из нескольких тысяч монет, тяжелых колец или и того и другого. Такие клады находят не в погребениях, не на раскопках и не на местах, где стояли дома; для пущей безопасности их прятали в чистом поле, часто у подножия скалы или дерева, рядом со старым курганом или в каком-то другом подобном месте, которое владелец клада мог легко узнать, когда приходило время его вырыть. Если какая-то область особенно богата кладами, то это означает не только то, что ее обитатели были богаты, но и то, что они жили в постоянном страхе войны и пиратских набегов и что многим из них не удалось откопать спрятанное сокровище. Поскольку

монеты легко датировать, то они точно показывают, в какой именно период происходили эти смуты. Иногда серебряные клады — это единственное свидетельство важности того или другого региона. Например, остров Готланд у побережья Швеции упоминается в письменном тексте периода викингов один-единственный раз, однако обнаруженные там сокровища доказывают, что это было богатейшее место во всей Скандинавии. Сама Скандинавия не производила серебра и вплоть до XI века не имела монетных дворов. Поэтому практически все обнаруженные там монеты иностранные — арабские, английские, франкские, германские — и пришли из-за границы в ходе торговых отношений, как добыча грабежа, как данегельд¹ или как плата наемникам. Количество монет и место, откуда они были привезены, служат важными путеводными нитями, по которым можно проследить контакты викингов с остальным миром.

Наконец, следует упомянуть о резных камнях или камнях с надписями, поставленных в качестве памятников умершим, причем не над их могилами, а в таком месте, где их могло видеть как можно больше прохожих — у брода, древней дороги или в месте для собраний. Такие камни встречаются во многих областях Скандинавии, но два региона и две эпохи особенно ими богаты. Первый — это Готланд в IX веке (возможно, и в VIII веке, ибо дата является спорной), когда были выполнены изящные графические изображения (см. вклейку), в том числе много человеческих фигур, битвы, процессии, плывущие корабли, всадники. Значение изображений зачастую остается загадкой, однако они являются очень ценными источниками для изучения внешнего вида мужчин и женщин того времени, поскольку реалистичные изображения человеческих фигур — большая редкость в искусстве викингов. Вторая группа происходит из Швеции XI века. Здесь изображений как таковых мало, однако в орнаментальных надписях (рис. 12, 67) упоминается имя умершего и того, кто воздвиг данный памятник, и нередко приводятся еще какие-либо подробности, например о личных качествах умершего, о том, какое положение он занимал в жизни, и о месте и обстоятельствах его кончины. Такая информация помогает нам понять общество викингов, хотя новые исторические сведения дает лишь изредка. Используя все эти многообразные типы источников, мы можем рассмотреть различные аспекты эпохи викингов. Конечно, в наших знаниях есть пробелы; есть и спорные моменты. Рассуждая на такие темы, я стараюсь четко показать, является ли какая-то одна из существующих интерпретаций общепринятой, или по этому поводу существует несколько одинаково приемлемых точек зрения. Цель этой книги — показать викингов не как кровожадных головорезов и не как белокурых и голубоглазых героев, а попытаться связать деятельность этих людей с тем, что известно о материальной стороне их жизни. Общество, которое возникает перед нами, отличается от общества остальной Европы. Во многих отношениях оно, возможно, было более архаично, однако нет никаких оснований считать его примитивным, неорганизованным или исключительно жестоким.

«Викинги. Быт, религия, культура» Жаклин Симпсон

[Следующая страница >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

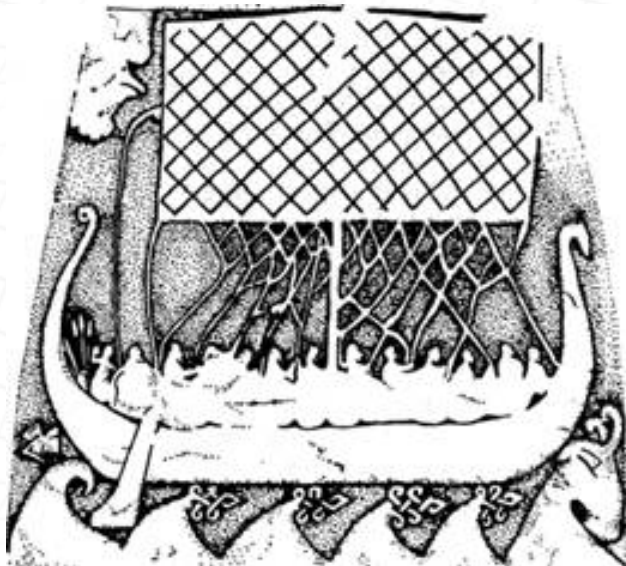
[Оглавление книги >>>](#)

лучшие книги от издательства ЦЕНТРПОЛИГРАФ

[РЕКОМЕНДУЕМ: лучшие книги от издательства ЦЕНТРПОЛИГРАФ>>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ВИКИНГИ

Быт, религия, культура

Глава 4. Корабли и плавания

Викинги стали владыками морей — об этом говорит вся их история. Торговля, пиратство, прибрежные рейды, долгие путешествия поселенцев — все это стало возможным благодаря техническим достижениям кораблестроителей и моряков, искусство которых не знало себе равного в Европе. Корабли викингов стали вершиной многовекового развития, стадии которого можно изучить по древним изображениям на скалах, по некоторым обнаруженным в болотах и курганах кораблям, которые древнее, чем эпоха викингов, и по изображениям на резных камнях с Готланда. Ключевым элементом в прогрессе кораблестроительства стало изобретение паруса и увеличение его размеров, усовершенствование характерного для скандинавских кораблей руля, который располагался с правого борта около кормы, и постепенное развитие настоящего и очень мощного кия. К концу VIII века корабли викингов уже могли пересекать Северное море, и Запад ужаснулся, оказавшись в полной власти разбойников, само появление которых поражало и страшило.

Корабли викингов были предназначены для различных целей. Отнюдь не все они были одного и того же размера и типа. Три наиболее известных и лучше всего сохранившихся корабля происходят из норвежских курганов, которые лежат вокруг Осло-фьорда — в Гокста-де, Усеберге и Туне. Корабль из Гокстада сопровождали три шлюпки. Пять других больших кораблей более позднего периода были подняты в 1962 году со дна Роскильде-фьорда в Дании. Все эти корабли (вместе с другими, менее хорошо сохранившимися, остатки которых обнаружили в различных погребениях) в основном имеют схожую конструкцию, но в них видны и заметные различия. Очевидно, что и среди военных, и среди купеческих кораблей существовало множество различных типов. Это подтверждается большим количеством различных наименований кораблей в письменных источниках.

Из трех упомянутых норвежских кораблей корабль из Гокстада (см. вклейку) лучше всего помогает нам понять, каким был типичный корабль викингов IX века, хотя он и несколько меньше, чем те суда, которые строили позднее. Он был обнаружен в кургане в 1880 году в толстом слое голубой глины, которая почти полностью сохранила прекрасную резьбу по дереву. Корабль послужил гробом для мужчины средних лет крепкого телосложения. Погребение датируется примерно 900 годом.

Длина корабля из Гокстада составляет около 23 метров от кончика носа до кормы. Киль сделан из одного куска дуба. От него поднимаются элегантные крутые изгибы носа и кормы. Отсутствуют только самые высшие точки корабля — они выступали поверх защитного слоя глины и находились в обычной земле, поэтому сгнили. 16 поясов обшивки образуют корпус. Наибольшая ширина его составляет 5,25 метра, а глубина в середине корабля — около 2 метров; осадка корабля составляла чуть меньше метра. Корабль был обшит «внакрой», то есть каждый пояс обшивки перекрывал нижележащий пояс и был приклепан к нему. В большинстве поясов толщина планок не превышает дюйма, однако десятый пояс, находившийся у ватерлинии, и

четырнадцатый, в который вделаны уключины, были немного толще, что позволяло этим планкам выдерживать дополнительную нагрузку. Планшир был очень мощным. Все пазы и стыки — заделаны шнурами, слабо сплетенными из щетины и шерсти.

Внутреннюю структуру корабля образовывали 19 шпангоутов, находившихся на расстоянии около метра друг от друга, на которых лежали поперечные балки. Под ватерлинией обшивка корабля была не прибита, а привязана к этим балкам. Обвязка была сделана из корней ели и пропущена через клинья, оставленные в досках, когда их вырубали. Благодаря этой технологии корабль оказывался достаточно гибким, чтобы идти по бурному морю не разбиваясь: при более жестком соединении дерева должно было бы быть гораздо толще, чтобы выдержать нагрузку, и корабль лишился бы всех преимуществ, которые давали ему легкость и высокая скорость. В некоторых областях Скандинавии обвязку использовали еще более широко, чем на корабле из Гокстада: мы узнаем, что зимой 1138/39 года Сигурд Слембидьякон (претендент на трон Норвегии) приказал нескольким лапландским кораблестроителям построить для него два корабля, и «они были скреплены оленьими жилами, без гвоздей, и прутьями ивы вместо скреп, и каждый корабль мог везти 12 человек».

У корабля из Гокстада нет фиксированной палубы; на нем были сосновые половицы, которые свободно лежали на поперечных балках, не будучи ничем закреплены. Приподнимая их в любом месте, легко было и вычерпывать трюмную воду, и вынимать хранившиеся под досками вещи. На этом и других кораблях были обнаружены ковши для вычерпывания воды; использовались и ведра, а насосы были неизвестны.

Возможно, самой странной деталью корабля викингов, на взгляд современного человека, был его руль, но на самом деле этот руль — одно из величайших технических достижений той эпохи. Он выглядел как очень широкое и массивное весло, прикрепленное к кормовой части, и в нормальном своем положении на 18 дюймов выступал ниже линии киля, давая хорошее боковое сопротивление воде. Однако глубину руля было легко приспособить и к мелководью. Главным местом прикрепления руля служил дубовый блок, намертво с помощью планок приделанный к особо упроченному шпангоуту. Кроме того, руль был прикреплен ремнем, который соединял его с планширом, и, когда рулевой высвобождал ремень и в то же время подбирал канат, прикрепленный к нижнему концу руля, канат накручивался на дубовый блок и таким образом поднимался со дна. Румпель можно было отсоединить; на корабле из Гокстада он более ярда длиной и украшен прекрасной головой зверя (рис. 37).

Корабль из Гокстада был предназначен как для гребли, так и для хода под парусом. Мачта была сделана из сосны толщиной почти 30 сантиметров, всаженной в тяжелый дубовый блок длиной около 3,5 метра, который лежал на дне корабля. Кроме того, существовал еще более длинный блок, лежавший на поперечных балках, — специально для того, чтобы удерживать мачту в вертикальном положении; в этом блоке имелся паз, с помощью которого можно было поднимать и опускать мачту. Общая высота мачты точно неизвестна, поскольку часть ее была отрублена и положена на палубу с тем, чтобы она не выступала из кургана, а часть сгнила; возможно, ее высота составляла около 12 метров. Все, что осталось от паруса, — гряда беловатой шерстяной материи с красными полосами и фрагментов конопляного каната.

По каждому борту корабля было 16 уключин. Из каждой выходила небольшая прорезь, через которую можно было протащить лопасть весла внутрь корабля. В каждой уключине также была небольшая деревянная заслонка, которую можно было закрыть, когда корабль шел под парусом, чтобы уключины не пропускали воду. Весла изготовлены из сосны; длина их различна — от 5 до 6

метров, так, чтобы все они могли одновременно ударять по воде, несмотря на крутой изгиб корпуса корабля. Весла очень легкие, с тонкими, суживающимися к концу лопастями. Те весла, что не использовались, вместе с другими деревянными балками хранились на Т-образных подставках, которые более чем на 2 метра поднимались над палубой и, таким образом, не мешали людям ходить по кораблю. Единственная проблема, касающаяся гребли, — это та, где, собственно, сидели гребцы: скамей для гребцов обнаружено не было, однако высота, на которой расположены уключины по отношению к половицам, исключает возможность того, что гребцы стояли. Было высказано предположение, что они сидели на своих матросских сундучках, а таких сундучков на погребенном в кургане корабле найдено не было потому, что они были личной собственностью моряков, а не частью корабельной оснастки.

Над рядом уключин, как раз под планширом, находилась легкая перекладина, с которой свисали щиты; все они висели на внешней стороне корабля. Их 64, по 32 с каждой стороны, и они покрашены попеременно в черный и желтый цвет. Висели они таким образом, что каждый щит отчасти перекрывал соседний и каждая пара соответствовала одной уключине. Из саг явствует, что щиты выставляли напоказ, когда корабль находился в гавани, а иногда — в тот момент, когда боевой корабль готовился к атаке, но их, разумеется, не стали бы вывешивать в открытом море, поскольку они были прикреплены очень свободно, и первая мощная волна легко смыла бы их.

Красота корабля из Гокстада — трезвая и практичная; это красота мощных, сильных линий и великолепно рассчитанной конструкции. Декоративная резьба сведена к минимуму — несколько легких штрихов на половицах и заслонках для уключин, голова зверя на румпеле. Возможно, головы животного или другие украшения увенчивали утерянные нос и корму. Сохранились следы простой и эффектной раскраски: черный и желтый цвет щитов перекликаются с линиями краски на голове зверя, украшающей румпель, где видны следы красного, и те же самые три цвета — на резной, с головами зверей отделке палатки на корабле (рис. 41), одеялах и покрывале постели, на которой лежало тело владельца. Фигура на носу корабля, возможно, соответствовала остальной резьбе по стилю и цвету, и вся эта цветовая схема, как простой геральдический символ, помогала сразу узнать корабль и его владельца.

Рис. 37. Румпель корабля из Гокстада

Поразительно контрастирует с аскетичным убранством корабля из Гокстада роскошное великолепие корабля, обнаруженного в 1903 году в Усеберге (см. вклейку). В целом конструкции двух этих кораблей похожи; корабль из Усеберга лишь немного короче, на нем только на одну пару весел меньше, однако общее впечатление от него совершенно другое, поскольку глубина корабля посередине не достигает и 1 метра. Поднимаясь от длинных, низких бортов, нос и корма высоко взмывают над водой, и взлетающий изгиб носа завершается спиралью — изогнувшейся змеей. Полосы богатой резьбы с узором из волнообразных

завитков очерчивают две кромки с обеих сторон носа; при ближайшем рассмотрении оказывается, что это не просто завитки, а ряды переплетающихся зверей. Тот, кто стоял на палубе лицом к носу, мог видеть еще одну панель с резьбой — более гротескной и даже шуточной по стилю, где маленькие получеловеческие фигурки с выпученными глазами и телами головастика карабкаются друг на друга (рис. 38).

Однако, как бы богато ни был отделан корабль из Усеберга, он никогда не предназначался для плавания по открытому морю. У него слишком низкая осадка, тонкий киль, в ключинах отсутствуют заслонки; на корме и в самом корпусе из-за пазов в обшивке есть слабые места, и почти все доски палубы прибиты гвоздями, так что в случае необходимости нельзя было бы даже вычерпать воду. Такой корабль подходил только для спокойной воды закрытого фьорда; видимо, его использовали для развлекательных поездок или, поскольку многие найденные в нем предметы могли быть связаны с культом, корабль служил религиозным целям и использовался в культе какого-нибудь божества.

Погребение состоялось примерно в середине IX века, однако корабль уже был старым и изношенным, когда попал в курган. Его киль почти пришел в негодность; блок, удерживавший на месте мачту, когда-то раскололся, и его чинили; румпель отсутствовал; весла, руль и мачта были не частью первоначальной оснастки, а заменами — действительно, некоторые весла даже не были закончены. Судя по всему, корабль не использовался уже несколько лет, и на нем отсутствовала часть такелажа, так что его пришлось спешно оснащать с тем, чтобы он оказался достоин своей последней задачи.

Третий норвежский корабль происходит из Туне. Его обнаружили в 1867 году, и он сохранился не так хорошо, как два первых. Корабль относился примерно к тому же периоду, что и корабль из Гокстада (ок. 900 года). Длина его около 20 метров, максимальная ширина — 4,35 метра, и пубина в середине — 1,3 метра, однако в разрезе он выглядит гораздо более плоскостным, чем корабль из Гокстада; два широких шпангоута над ватерлинией заметно выгнуты наружу. Мощные блоки поддерживали мачту на этом корабле, и, возможно, на нем было 10 или 11 пар весел. Низкий, широкий корпус должен был сделать его очень устойчивым, а мелкая осадка подходила для использования в устьях рек или среди отмелей.

Мореходность кораблей викингов была доказана без всяких сомнений в 1893 году, когда капитан Магнус Андерсен на корабле — точной копии своего собрата из Гокстада — пересек Атлантику. Корабль вышел из Норвегии 30 апреля и достиг Ньюфаундленда 27 мая, пережил множество штормов без всяких повреждений и достигал под парусом максимальной скорости 10 или 11 узлов. Капитан был в восторге от эластичности и легкости корабля и от того, с какой гибкостью его деревянный корпус встречал нагрузки во время плавания по океану. Кроме того, по мнению Андерсена, боковой руль способствовал легкому и эффективному управлению кораблем.

Принято считать, что корабли викингов из-за их квадратных парусов могли плыть только по ветру (на фордевинд). На этот случай капитан Андерсен снабдил свой корабль стакселем, который в эпоху викингов еще был не известен. Однако с тех пор более тщательное исследование корабля из Гокстада показало, что фактически нижнюю часть паруса можно было растянуть с помощью бона, вбитого в гнездо на палубе. Это устройство (возможно, в сочетании с булинем) могло позволить кораблю плыть в крутой бейдевинд, а возможно, и поворачивать на другой галс. Все это было воспроизведено на другой копии корабля из Гокстада, изготовленной в 1949 году, которая таким образом могла плыть в крутой бейдевинд в пределах 5,5— U румбов к ветру.

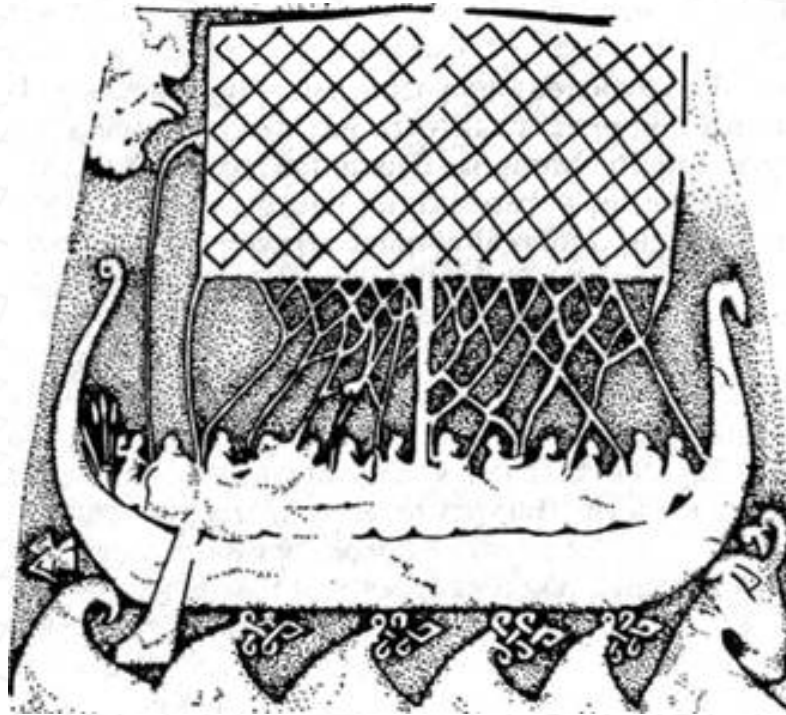

Рис. 39. Корабль под парусом на камне из Готланда

Какой такелаж мог быть на кораблях викингов, не совсем ясно, тем более что верхушка мачты из Гокстада пропала, и поэтому нельзя сказать, имелись ли там отверстия, через которые можно было бы пропустить бакштаг. В общем и целом кажется вероятным, что использовались оттяжки и ванты, а пара деревянных блоков, обнаруженных на корабле, должна была помочь их натягивать. Рея, на которую поднимали парус, полностью не сохранилась, однако, возможно, длина ее составляла около 11 метров; площадь паруса должна была составлять около 105 квадратных метров.

Камни с изображениями с Готланда донесли до нас множество изображений кораблей, плывущих с развернутым парусом, что вызывает ряд интересных вопросов (рис. 39). Оттяжки и булины иногда показаны, иногда нет. Сами паруса, как правило, покрыты узором из ромбов, в то время как письменные источники утверждают, что паруса раскрашены полосками контрастных цветов. То ли готландцы предпочитали другие узоры, то ли, что более вероятно, ромбы изображают сеть из канатов или кожаных ремней, которая покрывала поверхность слабо сотканного паруса, укрепляя его. Куски каната, найденные вместе с остатками паруса корабля из Гокстада, могут быть остатками такой сети.

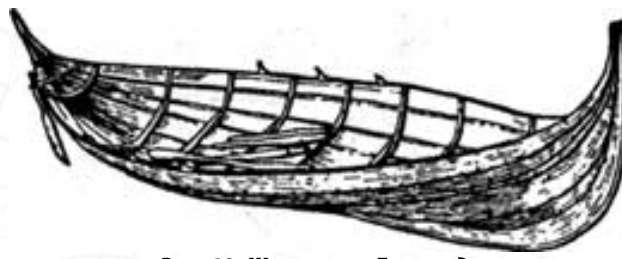

Рис. 40. Шлюпка из Гокстада

На изображениях из Готланда также есть любопытные перекрещивающиеся линии, которые выходят из нижней части паруса; их держат члены команды. Иногда кажется, что эти линии продолжают сетку на самом парусе, однако чаще они выглядят как отдельный набор канатов, перекинутых через нижнюю рею. Вероятно, это были лини, предназначенные для того, чтобы двигать нижнюю рею и уравнивать парус, а возможно, рифы, проходившие сквозь петли, вшитые в сам парус, использовавшиеся для того, чтобы поднимать и опускать парус быстро и ровно; в этом случае изображения на камне могут показывать тот момент, когда парус только что опущен в начале путешествия.

На кораблях обычно были небольшие лодочки, которые использовали как шлюпки; их тянули на буксире или хранили на палубе. Три такие шлюпки найдены в Гокстаде (рис. 40). Самая большая из них — изящная, обшитая внакрой лодка длиной более 9 метров с тремя парами весел, вставленных в уключины с тонкой резьбой. Эти лодки напоминают нам, что на озерах и реках викинги должны были использовать множество маленьких, легких судов для рыбной ловли и других коротких повседневных путешествий по побережью. Обычно следы именно таких маленьких лодок обнаруживаются в сотнях норвежских погребений в кораблях.

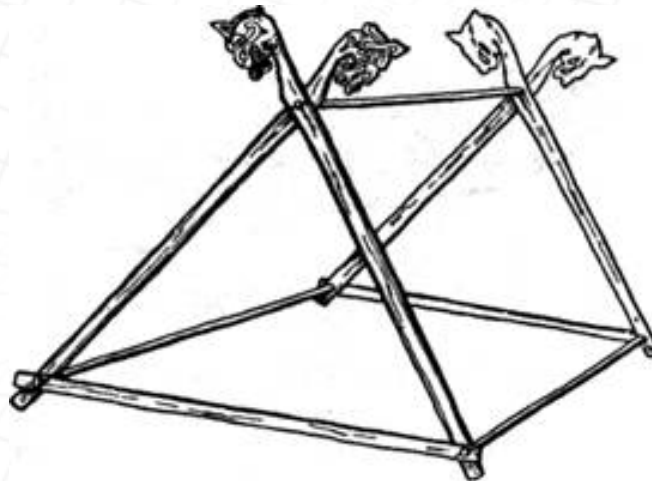

Рис. 41. Рама для палатки из Гокстада

На кораблях также были палатки — рамы для них найдены как в Гокстаде, так и в Усеберге (рис. 41). Рамы изготовлены из ясеня, и на досках, образовавших «коньки» над палаткой, вырезаны звериные головы, которые выступали над тканью палатки.

Предназначение их — охранять спящих людей от зла. Звери из Гокстада были раскрашены в цвета корабля — желтый, черный и красный. Найдены и рамы от разобранных постелей (рис. 69), некоторые из них с головами зверей, очень похожими на зверей с палатки; очевидно, палатка и кровати являлись гарнитуром. Палатки бывали очень просторными: палатка из Усеберга — длиной 5,18 метра, шириной 4,38 метра и высотой 3,43 метра, в то время как другая лишь чуть меньше и высота ее составляет 2,63 метра. Такие палатки иногда раскладывали на палубе, когда корабль пришвартовывался, но чаще во время путешествий вдоль побережья люди каждый вечер выходили на берег и раскладывали палатку на земле. Те, у кого не было постелей, пользовались кожаными спальными мешками, часто одним на двоих для тепла.

Ночь на берегу давала возможность заняться приготовлением пищи. Среди кухонной посуды, найденной на корабле из Усеберга, — два железных котла с цепями и крюками для подвешивания, ложки, ножи, топоры, деревянные миски, бочки и тарелки, а также ручная мельница для перемалывания зерна; на двух досках лежала туша вола. В Гокстаде был обнаружен огромный бронзовый котел и множество деревянных тарелок, досок для рубки мяса, небольших бочонков, чашек, мисок и ложек; нашли даже два подсвечника. В других кремированных или погребенных кораблях, где деревянные вещи не сохранились, всегда находят котел. Разумеется, среди предметов, найденных в погребении с кораблем, были и многие предметы из дома умершего, однако очевидно, что хорошее кухонное оборудование должно было быть неотъемлемой принадлежностью любого корабля. Возможно даже, что во время долгих путешествий могли готовить и на море, используя большой ящик с песком, чтобы безопасно разводить огонь. В любом случае можно было найти и продукты, не требовавшие готовки: сушеная рыба, копчености, сухари, фрукты, орехи, коробки с домашним сыром и соленым маслом и бочки с элем и медом. Путешествие по океану в течение нескольких недель должно было быть для викинга обычным делом.

Однако не следует полагать, что все долгие путешествия по открытым морям совершались на кораблях, подобных кораблю из Гокстада. Купцы с тяжелым грузом, таким, как лес или ткани, поселенцы со своим скотом и даже разбойники, такие, как те, что в 893 году перевезли своих лошадей из Франции в Англию, нуждались в более тяжелых, широких и высоких кораблях, где было больше места для хранения груза. Во многих сагах говорится о таких судах, но до недавнего времени единственным материальным доказательством их существования был массивный четырехметровый руль из Ребека в Дании. Затем, в 1962 году, в одном из протоков Роскильде-фьорда была исследована своеобразная «плотина» из обломков затонувших судов. Оказалось, что она состоит из пяти кораблей XI века (см. вклейку). Они пока не восстановлены, но один из них, без сомнения, является наиболее массивным кораблем из когда-либо обнаруженных в Скандинавии. Его длина — 26,4 метра; он очень широк и имеет толстую сосновую обшивку, способную выдержать самую суровую бурю. Другой корабль, сделанный из дуба, сильно поврежден подводными течениями. Третий представляет собой маленький торговый корабль с фиксированной палубой на носу и корме и открытым хранилищем для груза посередине корабля. Все три были чистыми парусниками, на которых отсутствовали уключины. Кроме того, был обнаружен гораздо более узкий и легкий корабль, на котором имелись и уключины, и крепление для мачты; судя по всему, это был старый военный корабль, который несколько раз чинили. И наконец, был найден плоскодонный корабль из сосны с удивительно тонкой мачтой. Он мог служить чем-то вроде паромы для плавания по устьям рек и мелким закрытым водам.

Самыми знаменитыми кораблями викингов были, конечно, те корабли, на которых плавали налетчики, грабившие Англию и

европейский континент, — «длинные корабли» и «корабли-драконы» (драккары). Сначала, во времена короля Альфреда, они, вероятно, были ненамного больше, чем корабль из Гокстада с его 16 парами весел, если судить по одному известному пассажиру из «Англосаксонской хроники». Там рассказывается, как Альфред построил корабли «некоторые с шестьюдесятью веслами, а некоторые и больше», чтобы сражаться с викингами, и говорится, что английские корабли были «почти что в два раза больше, чем те». Таким образом, предполагается, что корабли викингов имели 30—40 весел (15—20 пар).

Деталь резного украшения повозки из Усеберга

Хотя корабли викингов в IX веке, видимо, были совсем небольшими, но в последующие века они — по крайней мере корабли королей и князей — стали намного более крупными и роскошными. В источниках XI века упоминаются корабли с 25, 30 и 35 парами весел. Типичным кораблем такого типа был знаменитый «Великий Змей», построенный зимой 999/1000 года для короля Олава Трюггвассона. Согласно рассказу Снорри, на нем было 34 пары весел и плоская часть одного только киля была длиной почти 33 метра, включая нос и корму. Когда команда была полностью укомплектована для сражения, на каждом весле сидели по 8 человек и 30 стояли на носу, то есть всего на борту находилось 574 человека. Такие цифры кажутся маловероятными, и, судя по всему, это легендарное преувеличение. Более разумными кажутся цифры, которые приводятся относительно команд средневековых кораблей, где достаточно было трех гребцов на одно весло: один греб, другой прикрывал гребца, а третий фактически сражался. Конечно, викинги, пересекавшие Северное море с целью грабежа, не стали бы рисковать, так сильно перегружая свой корабль.

Неизвестно, из скольких кораблей в среднем мог состоять флот викингов, отправившихся грабить заморские страны. В летописях часто фигурируют очень большие цифры, но всегда можно подозревать, что это преувеличение. Кроме того, хронисты не делают никаких различий между большими военными судами и сопровождавшими их маленькими шлюпками. Хороший, достаточно достоверно зафиксированный пример — это флот, с которым Олав Трюггвассон отправился завоевывать Винланд в 1000 году: у него было 60 кораблей, из которых по меньшей мере 14 имели 30 или больше пар весел, на других — по 20 пар, а остальные были «маленькими лодками и судами с продовольствием». Когда Харальд Хардрад (в традиционном написании — Гаральд Гардрад) вторгся в Англию в 1066 году, его флот состоял из 200 военных кораблей плюс небольшие суда.

Однако, если число судов и не было таким огромным, как можно подумать, читая некоторые хроники, нельзя сомневаться в том, что вид кораблей викингов внушал ужас. Вот как описывается флот, который привел Кнут в Англию в 1015 году, в одном латинском тексте: «Столь великолепно были украшены эти корабли, что они ослепляли смотрящих, и тем, кто смотрел

лучей, в одном месте блистало оружие, в другом — сверкали подвешенные щиты. На носках кораблей пылало золото и искрилось серебро. Воистину, столь велико было великолепие этого флота, что если бы его господин пожелал завоевать любой народ, то одни корабли устрашили бы врага еще до того, как воины смогли бы вступить в сражение. Ибо кто смог бы смотреть на вражеских львов, ужасавших свечением золота, кто мог бы смотреть на людей из металла, угрожавших своими золотыми лицами, на этих быков на кораблях, угрожавших смертью, рога которых сияли золотом — не почувствовал ужаса перед королем подобного войска?»

Щиты, роспись и позолота были характерны для кораблей викингов. Типичными были и носы, украшенные головами людей или животных, в связи с чем корабли викингов и стали называть «кораблями-драконами», а отдельным кораблям давали такие имена, как «Великий Змей», «Зубр», «Журавль», «Человечья голова». Корабли, украшенные головами животных, имеют долгую

историю в Скандинавии: еще на ранних камнях из Готланда показаны корабли, носы которых сделаны в форме лошадиных голов, а более поздние похожи на змей.

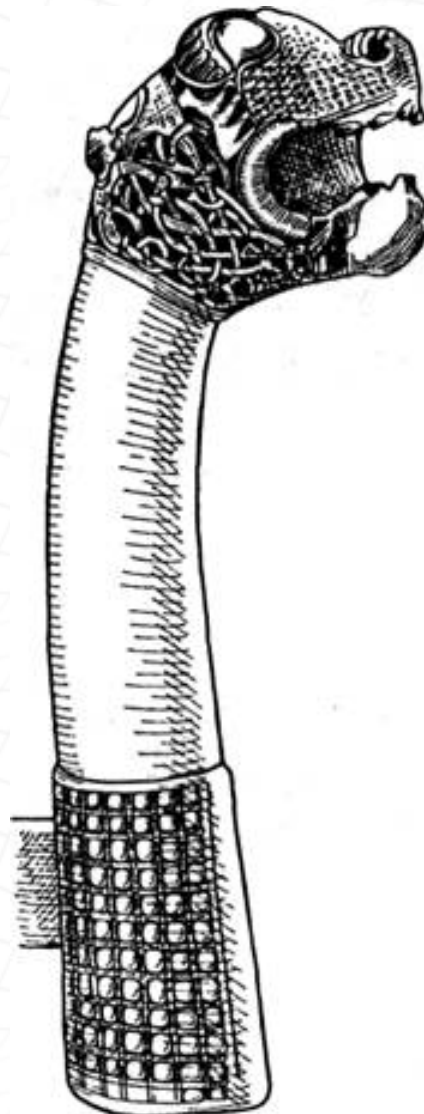

Рис. 43. Столб с головой зверя, Усеберг

Резные столбы, оканчивающиеся головами животных с разинутой пастью, которые были найдены на дне реки Шельды, возможно, некогда украшали небольшие суда, и считается, что они древнее, чем эпоха викингов; другие подобные столбы были найдены в погребальной камере на борту корабля из Усеберга (рис. 43), хотя мы и не знаем, частью какого предмета они были. Эта голова змея — с самого Усебергского корабля, и она была постоянной частью его корпуса, однако из других источников мы знаем, что

фигуры на носах кораблей могли быть съёмными. Исландские законы гласят, что их нужно снимать при приближении к берегу — чтобы не напугать добрых духов земли. На гобелене из Байе показано, что флот Уильяма отплывает с фигурами на носах (рис. 44), однако те же самые корабли на берегу показаны «безголовыми».

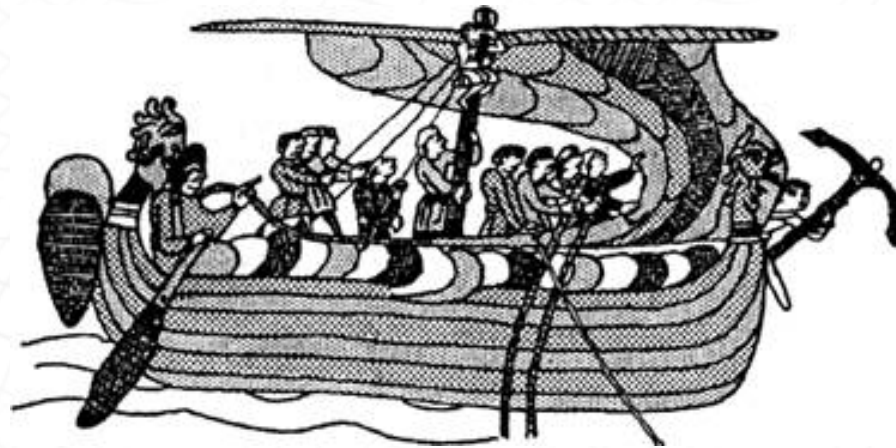

Рис. 44. Корабль приближается к земле. С гобелена из Байе

Другой необходимой принадлежностью кораблей позднего периода был флюгер из позолоченной бронзы, также богато украшенный фигурами зверей и завитками (рис. 45). Сохранилось множество прекрасных образцов XI века, поскольку они были принесены в дар церквям в качестве благодарности за безопасное путешествие. Где эти флюгеры располагались на корабле, точно неизвестно. Естественнее всего представить их себе на мачте, однако тонкая и детальная работа по металлу была бы невидима на такой высоте, так что, более вероятно, речь идет об особом столбе на палубе или даже о самом носе корабля (рис. 46). Многие флюгеры поцарапаны и пробиты — возможно, стрелами, которые попадали в них в сражениях.

О технике кораблестроителей известно мало; мы знаем только то, о чем говорят сами корабли. Кораблестроением занимались зимой, что вполне естественно — земледельцу приходилось сооружать свой корабль для рыбной ловли или торговли тогда, когда сезон работы на земле заканчивался, но, судя по всему, так же поступали и ремесленники, которые строили суда для королей. Лес выбирали и валили за много месяцев до начала постройки, грубо обрубали и хранили в заболоченных озерах, чтобы древесина оставалась достаточно мягкой до тех пор, пока не придет время начать работу над кораблем. Должно было потребоваться много дуба, и только самых больших деревьев могло хватить, чтобы сделать киль из одного куска дерева, а также массивные блоки для мачты.

Рис. 45. Флюгер

В эпоху викингов Норвегия была богата дубами, однако за целые века Кораблестроения лесам был нанесен такой ущерб, что, когда в 1893 году сооружалась копия корабля из Гокстада, было трудно Найти В Норвегии дуб, чтобы сделать блок для мачты, а бревно для кия пришлось везти из Канады. Существует мнение, что из одного бревна можно сделать только две доски: бревно раскалывают посередине, а потом топорами и долотами из каждой половины вырубают доску. На самом деле доски в разрезе имеют клиновидную форму, и, видимо, они изготавливались более экономным способом — бревно раскалывали по радиусам, примерно так, как вырезают ломтики из торта.

На строительстве такого большого корабля, как «Великий Змей», должно было работать множество людей — «некоторые валили лес, другие обрубали, некоторые возили бревна». Киль положили на помост, следы которого еще можно было видеть 200 лет спустя, когда писал Снор-ри. К нему прикрепляли нос и корму, затем следовала боковая обшивка. На этой стадии Торберга, мастера-кораблестроителя, куда-то позвали, и вернулся он только тогда, когда обшивка корабля была закончена. Все, в том числе и король Олав, были весьма удовлетворены работой; однако на следующий день король увидел, что все плотники стоят без дела и твердят, что корабль погиб: ночью кто-то прошелся от носа до кормы, делая глубокие зарубки на обшивке. Оказалось, что это сделал сам Торберг. Когда Олав пригрозил ему смертью, если он не возместит ущерб, Торберг не стал делать новую обшивку, но продолжал обрубать дерево до глубины своих зарубок, пока обшивка не стала совсем гладкой. Новая обшивка так понравилась королю, что он попросил мастера сделать то же самое и с другого боку. Эта история показывает, насколько викинги ценили в кораблях легкость и тонкость и как прославился мастер, у которого хватило смелости отрубить еще на палец лишнего материала.

Европу дивили не только сами корабли викингов, но и те путешествия, которые они совершали. Большинство моряков могли плавать только вдоль берега, гребя от одного ориентира к другому. Конечно, скандинавы также пользовались этим методом

(как можно видеть по истории норвежского торговца Охтхере, см. главу 5), однако они еще и пересекали Северное море и широкие просторы Атлантики. Саги меньше, чем хотелось бы, говорят нам о том, как происходили такие плавания, повествуют о них кратко, походя, и это само по себе показывает, что они были обычным, повседневным делом для всех скандинавов. Тем не менее, в сагах есть некоторые ценные свидетельства, и их можно дополнить на основании практического опыта современных моряков, которые изучали корабли викингов и плавали на их копиях.

В плаваниях викингов не было ничего случайного, непродуманного. Действительно, традиционные рассказы об открытии новых земель — Исландии, Гренландии, Америки — приписывают в каждом случае первое открытие тому, что землю случайно увидели с борта корабля, который сбился с курса вследствие шторма или тумана. Однако в каждом случае первооткрыватель, не испытавший энтузиазма при виде новой неведомой земли, возвращался домой, и только позднее другие люди специально отправлялись в плавание, основываясь на добытых им сведениях, чтобы исследовать и заселить эти новые области. Так как же в то время, когда еще не знали магнитного компаса, эти первые поселенцы находили дорогу? И как впоследствии корабли постоянным потоком ходили туда-сюда между Норвегией и Исландией, Исландией и Гренландией и даже через просторы океана между Норвегией и Гренландией?

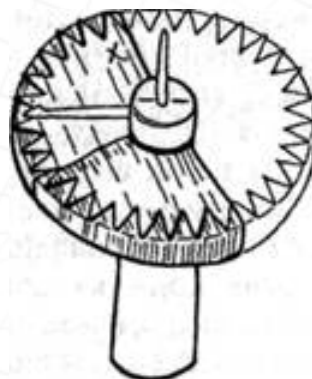
До некоторой степени еще можно было следить за ориентирами на берегу; один поздний средневековый текст дает такие инструкции для плавания в Гренландию: «От Хернара в Норвегии плыви прямо на запад на Хварф в Гренландии. Ты должен плыть к северу от Шетландских островов так, чтобы видеть их в ясную погоду, а к югу от Фарерских островов так, чтобы склоны гор были как бы наполовину прикрыты морем, и правь к югу от Исландии так, чтобы ты мог видеть исландских птиц и китов». Вершины гор, конечно, были полезными ориентирами в ясную погоду, и, даже когда сама земля была за горизонтом, по определенным признакам можно было узнать, в каком она направлении: по форме облаков, по тому, как на небе виден свет, отразившийся от ледяных полей, по присутствию некоторых видов морских птиц и направлению их полета. Может быть, поселенец, который выпустил двух воронов, чтобы они вели его к земле, поступил так не только для того, чтобы почтить Одина, но и по практическим соображениям: он подумал, что голодный ворон, летящий высоко, сможет найти землю, которую люди на уровне моря пока еще не видят.

Однако такие наблюдения можно было сделать только при соответствующих условиях, и в любом случае для долгих плаваний по океану, вдали от любой земли, они не годились. Здесь ключевым принципом навигации было плавание по широтам, как видно из только что процитированных инструкций для моряков: те, кто плывут в Гренландию, должны были отправляться не из какого-то места на берегу Норвегии, но из точки, расположенной примерно в 30 милях к северу от Бергена, которая лежит на той же широте, что и одна из областей на западном побережье Гренландии примерно в 80 милях к северу от ее южной оконечности. Если корабль постоянно держался на одной и той же широте, он, безусловно, должен был достичь пункта своего назначения.

Рис. 46. Флот викингов: носы кораблей на норвежском наскальном рисунке

Викинги ясно понимали связь между максимальной высотой солнца в полдень и широтой места, откуда производится наблюдение, они могли ее точно вычислять и даже делать скидку на время года. Есть исландские таблицы, где приведена высота солнца в полдень для каждой недели в году, рассчитанная для севера Исландии. Они приписываются человеку по прозвищу Стар-Одди, который жил в конце X века. Эти замечательно точные подсчеты выражены в единицах под названием «полуколеса», то есть половины видимого диаметра солнца. Человек, который держал на расстоянии руки палку, размеченную в таких или других удобных единицах, мог зафиксировать высоту солнца в любом месте, где бы он ни находился, и таким образом определить широту, сравнивая эту высоту с другими известными местами. При необходимости можно было использовать и другие, более грубые методы — например, измерить длину тени, отброшенной в полдень. Можно было пользоваться и звездами, как поступил один исландец, совершивший паломничество в Палестину примерно в 1150 году: он сообщил, что река Иордан находится на такой широте, что, когда он, лежа на ее берегу на спине, поднял колено, положил на колено кулак и поднял большой палец, Полярная звезда была как раз напротив кончика его пальца, и никак не выше. На самом деле произвести такие вычисления по Полярной звезде легче, чем по солнцу, однако в северных широтах летом ночное небо слишком яркое и звезд порой не видно. Следовательно, можно думать, что, когда викинг видел незнакомую страну, он мог вычислить ее широту. Те, кто шел за ним, не должны были опираться на туманные указания типа «где-то на западе» и плыть куда-то в неведомую голубую даль со слабой надеждой когда-нибудь наткнуться на эту землю: они точно знали, насколько севернее или южнее она находится. С помощью ежедневных проверок путешественники удостоверались, что высота солнца в полдень остается той же самой. Если они попадали в бурю или туман, то, пока не покажется солнце, оставались беспомощными, однако, как только им удавалось продолжить свои наблюдения, они понимали, что если солнце теперь стоит слишком высоко в небе, то их отнесло слишком далеко на юг, если слишком низко — то на север. Путешественники не могли узнать, насколько далеко к западу или к востоку находятся, однако это не имело такого большого значения; если уж они оказались на нужной широте и затем поворачивали на запад, то рано или поздно, безусловно, должны были достичь пункта назначения.

Рис. 47. Реконструкция пеленгаторного компаса

Для того чтобы идти по курсу, викинги должны были иметь пеленгаторный компас, который помогал им найти страны света по солнцу или Полярной звезде, если она была видна. В древненорвежском языке есть названия для восьми направлений: северо-восток и юго-восток называются буквально «к земле на север» и «к земле на юг», а северо-запад и юго-запад — «наружу на север» и «наружу на юг»; «наружу» означает «в море». Такие обозначения должны были появиться у моряков на пути, где на востоке находились большие просторы земли, а на западе — открытое море, как это и было у берегов Норвегии. В языке не было специальных терминов для таких мелких подразделений, как северо-северо-восток, — видимо, на старых компасах обозначали только восемь направлений.

Однако в 1948 году в Гренландии в руинах, относящихся примерно к 1200 году, был обнаружен деревянный диск с нарезками. Если бы диск был полным, то нарезок было бы 32, что соответствует 32-частному делению компаса, которое, как известно, использовалось в позднем Средневековье, поэтому было высказано предположение, что викинги использовали более совершенную систему пеленгации, чем предполагалось до сих пор, и что этот предмет — пеленгаторный компас викингов. В центре диска есть отверстие: в него можно было вставить ось, которая могла служить ручкой, и на такой оси могли быть, кроме того, укреплены стрелка солнечных часов и подвижная стрелка-указатель, которая могла отмечать курс, что было полезно, хотя, конечно, не необходимо (рис. 47). Две насечки, находящиеся под прямым углом друг к другу, судя по всему, чем-то отличались от других; на них заметны царапины. Возможно, они обозначали две главных стороны света, например север и запад.

Чтобы определить свое местоположение с помощью такого компаса (или даже более грубого, с 8 или 16 делениями), моряк должен был только поворачивать его, пока зарубка, обозначавшая север, не указала бы на точку, где вертикальная линия, прочерченная от полуденного солнца, пересекала горизонт. Тогда он сразу понимал, где находятся другие стороны света, и мог менять свой курс, пока нос корабля не оказывался в одном направлении с точкой, указывавшей в нужную сторону. Ночью, если была видна Полярная звезда, он мог сориентировать по ней зарубку, указывавшую на север. Если по опыту знал, в каком именно месте в это время года поднимается солнце, то он мог и не ждать до полудня, а произвести наблюдения на рассвете, соотнеся нужную зарубку с восходящим солнцем; у него могли даже быть с собой таблицы для таких вычислений, поскольку Стар-Одди составил для этого таблицы по временам года, а также таблицы полуденной высоты солнца. Возможно, некоторые люди могли определять положение солнца в пасмурный день, рассматривая небо через кусочек исландского шпата, который обладает естественной способностью поляризовать свет, — в некоторых сагах упоминается использование для этой цели «солнечного камня». Благодаря мастерству своих моряков и искусству кораблестроителей викинги были повелителями морей, и их смелые указания мореплавателям продолжают уверенно звучать сквозь века: «От Хернара в Норвегии плыви прямо на запад, в Гренландию...»

«Викинги. Быт, религия, культура» Жаклин Симпсон

[Следующая страница >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

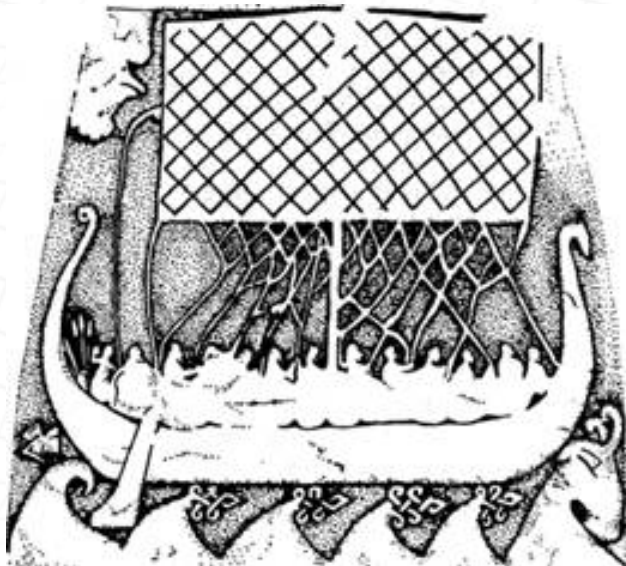
[Оглавление книги >>>](#)

лучшие книги от издательства ЦЕНТРПОЛИГРАФ

[РЕКОМЕНДУЕМ: лучшие книги от издательства ЦЕНТРПОЛИГРАФ>>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ВИКИНГИ

Быт, религия, культура

Глава 5. Купцы

Воинская слава скандинавов нередко затмевает тот факт, что значительная часть их богатств была, безусловно, приобретена торговлей — торговлей, основными статьями которой отчасти являлись природные ресурсы их собственных стран, но отчасти и товары, полученные в качестве дани от соседних племен, и захваченные силой рабы. Богатство, приобретенное двумя первыми способами, хорошо показано в истории одного норвежского вождя из Халогаланда, который посетил двор короля Альфреда в 870-х годах и чей рассказ о его родине и путешествиях был включен в англосаксонский перевод «Всемирной истории» Орозия. Англосаксонская форма имени этого человека — Охтхере, что соответствует скандинавскому «Оттар»; он немного занимался земледелием, разводил северных оленей, охотился на китов и моржей, собирал дань с лапландцев и также, очевидно, был купцом. «Он был очень богат тем, в чем состоит для них богатство, то есть дикими животными. Кроме того, как он ответил королю, ему принадлежало шестьсот прирученных оленей, которых он не покупал. Этих оленей они называют «храна» [северные олени]; были еще шесть «стэлхрана» [«подсадных» оленей] — они очень ценятся у финнов, так как с их помощью они заманивают диких оленей. Он был в числе первых людей этой страны: хотя у него было всего двадцать голов крупного скота и двадцать овец и двадцать свиней; а то немного, что он пахал, он пахал на лошадях. Но доход его состоит в основном из податей, которые платят ему финны. Эта подать состоит из оленьих шкур, и из птичьих перьев, и из моржовой кости, и из канатов, сделанных из моржовой кожи, и из тюленей. Каждый платит согласно его происхождению. Самый знатный должен платить пятнадцатью шкурками куниц и пятью ездовыми оленями, и одной медвежьей шкурой, и десятью мерами пера, и шубой из медвежьей шкуры или шкуры выдры, и двумя канатами, каждый по шестьдесят локтей длиной, один, сделанный из моржовой кожи, другой — из тюленьей»¹.

Охтхере рассказал о двух своих путешествиях. Во время первого он отправился на север вдоль берега Норвегии, дальше самых северных китобойных угодий, затем на восток вдоль берега, где жили только кочевые племена, и так добрался до Белого моря. Это, как он сказал, было исследовательское путешествие, «чтобы узнать, как далеко земля простирается на северо-восток и живет ли кто-нибудь на север от этой пустыни», однако он отправился также «за моржами, потому что у них на зубах очень хорошая кость — несколько таких зубов они привезли королю — и их кожа очень хороша для канатов». Невольно возникает подозрение, что и его приезд в Англию был попыткой найти новый рынок для тех самых товаров, которые он так расхваливал: конечно, и на то и на другое был спрос. Моржовые и тюленьи канаты (их делали, срезая шкуру зверя непрерывной спиралью от загривка к хвосту) действительно были очень прочными, а моржовые клыки прекрасно заменяли слоновую кость и служили как для изготовления церковной утвари, такой, как распятия и посохи, так и для мирских вещей, таких, как ларцы и рукояти мечей.

Охтхере был явно не единственным, кто интересовался этими арктическими областями, поскольку археологические находки показывают, что норвежцы проявляли там большую активность, как до этой эпохи, так и после нее. В сагах также рассказывается о выгодной торговле шкурами на дальнем севере и о гневе местных вождей в ответ на требования Харальда Прекрасноволосого, чтобы налог с лапландцев стал королевской монополией. Могло быть и так, что Англия стала постоянным рынком сбыта для товаров из Арктики: в «Саге об Эгиле» рассказывается, что Торольв, сын Квельдульва, тоже из Халогаланда, привез груз мехов и сушеной рыбы в Англию и обменял их там на мед, пшеницу, вино и ткани.

Второе описанное Охтхере путешествие он, безусловно, должен был совершить много раз: он отправился из Халогаланда и отплыл на юг по побережью Норвегии: «На юге той страны есть торговый город [port], который называется Sciringes Heal. Он сказал, что туда можно доплыть за месяц, если каждую ночь выходить на берег и разбивать там лагерь и если каждый день будет попутный ветер, и так можно все время плыть вдоль земли... На юге от Sciringes Heal в землю входит очень большое море!

люди называют ж/ Нжрит, он находится между вендами и саксами, и англами, и принадлежит данам».

Названия мест, приведенные в англосаксонской форме, соответствуют Скирингссалю и Хедебю; последний долго славился как первостепенный торговый центр у основания полуострова Ютландия, а первый был небольшой областью на западной стороне Осло-фьорда, где недавно в небольшой деревне под названием Каупанг действительно был обнаружен рынок того времени.

Раскопки в этих местах показали, насколько хорошо известной была та дорога, по которой плыл Охтхере.

Рис. 48. Ирландское ведро из Усеберга

Каупанг находится у входа в небольшую бухту, которая образует прекрасную гавань, и защищен от морских набегов целым лабиринтом островков и мелких протоков в ее устье. Со стороны земли здесь нет никаких укреплений, возможно, потому, что

высокие горы за поселком считались достаточной защитой. У подножия гор было разбросано несколько домиков. Между ними и берегом находился низкий покатый луг, на котором заезжие купцы могли раскинуть свои палатки. Из саг мы знаем, что ни норвежские купцы, которые плыли в Исландию, ни местные крестьяне не нуждались в постоянных постройках в торговых центрах; все, что им было нужно, это стены из торфа: когда корабль приходил, их чинили, покрывали тканью — и получалась палатка. Пока еще нельзя сказать, было ли так в Каупанге, поскольку район поселения все еще раскапывается и, возможно, будут обнаружены и другие дома.

В окрестностях поселка обнаружено много погребений, содержимое которых указывает на контакты между Каупангом и странами к югу и западу от него: франкское стекло, керамика из Рейнской области и множество предметов с Британских островов. Не обязательно это добыча разбойников: рассказы об Охтхере и Торольве показывают, что между норвежцами и англичанами могли существовать хорошие отношения — даже в Уэссексе, в то время как тот факт, что до конца X века большинство английских монет, обнаруженных в Норвегии, происходили из монетных дворов Йорка и Честера, возможно, указывает на торговлю между Норвегией и поселениями никингов в Северной Англии. Что касается ирландских предметов в Норвегии, то уже было отмечено, что вещи, относящиеся к началу эпохи викингов, — это, как правило, разбитые раки для мощей или застежки для книг, грубо приспособленные в качестве украшений для людей или лошадей. Столь неучтивое обращение с ними красочно показывает нравы захватчиков. Наоборот, в конце IX—X веках Норвегия получала множество изящных кельтских предметов из тонкой оловянистой бронзы — котлы, небольшие ведра, весы и разновесы (рис. 48, 53) — в таком прекрасном состоянии, что они, видимо, аккуратно транспортировались купцами, чей доход зависел от безопасной перевозки таких хрупких товаров.

Купцы, которые прибывали в Каупанг с дальнего севера, безусловно, встречались тут с богачами, готовыми приобрести предметы роскоши из Арктики; лишь за несколько миль отсюда находятся роскошные погребения в кораблях в Усеберге и Гокстаде, и другие могилы с богатым инвентарем также показывают, насколько зажиточным был этот регион. Другие торговцы, как и сам Охтхере, могли предпочитать отвезти свои товары южнее, в Хедебю. Было высказано предположение, что такие люди собирались в Каупанге перед тем, как отплыть целым караваном, что в кишевших пиратами морях у восточных берегов Ютландии обеспечивало им взаимную защиту.

Из этого центра торговцы южной Норвегии могли отправиться и на континент со своими собственными товарами — изделиями из железа, птичьими перьями и пухом, а возможно, и сушеной рыбой (хотя мы точно не знаем, отправляли ли норвежские рыболовы свою продукцию на экспорт в столь ранний период). Разумеется, экспортировались изделия из стеатита, который добывали в многочисленных в этих местах каменоломнях. Стеатит (мыльный камень) часто использовали для грузил, веретен, ламп, чашек, кухонных горшков и форм для отливания металла. Стеатит — очень выгодный материал: его легко резать и в то же время он очень жаропрочный. Чтобы его добыть, даже не надо было копать ямы или штреки: порода выходила на поверхность и образовывала вертикальную стенку, так что предметы можно было вырубать прямо из такой скалы. С помощью длинной стамески рабочий мог вырезать из скалы заготовку в форме, например, чашки, сделав ее несколько крупнее, чем исходное изделие, причем основание чашки находилось внутри скалы. Потом он начинал обрубать основание: получалось что-то вроде «гриба», который затем можно было выломать. Наконец, чашку выдалбливали, обрабатывали поверхность более

тонкой стамеской и полировали шкуркой. Нередко последние стадии обработки производили уже дома, и у подножий некоторых скал и сегодня можно видеть неоконченные чашки, которые почему-либо не успели увезти (рис. 49). Стеатитовую посуду продавали в больших количествах в другие районы Норвегии, в Данию и в Исландию; Каупанг должен был быть важным центром этой торговли. Итак, из Каупанга Охтхере отправился в Хедебю, один из самых процветающих городов северной Европы, располагавшийся на пересечении нескольких важнейших торговых путей (рис. 52). Он находился у озера близ истоков судоходной реки Шлея, у основания полуострова Ютландия; менее чем в 12 милях к западу находился Холлингстед на реке Трине, которая также была судоходной для кораблей с Северного моря. Таким образом, вся торговля между северной Францией, Нидерландами и северной Англией, с одной стороны, и Швецией, побережьем Прибалтики и Россией — с другой, проходила через Хедебю и Холлингстед. Протащить корабли несколько миль волоком было удобнее, чем проходить через проливы Скагеррак и Каттегат, кишевшие пиратами, и вдоль западного побережья Ютландии, где воды были чрезвычайно опасны для кораблей. Хедебю был удобно расположен и для сообщения по суше, поскольку он лежал на древней дороге с севера на юг, которая связывала Ютландию и Германию. Хедебю был уже старинным поселением, когда туда прибыл Охтхере; он, возможно, существовал уже более 100 лет, хотя в первое время это был всего лишь небольшой поселок. В 808 году король Дании Годфред уничтожил славянский город под названием Рерик (возможно, вблизи современного Любека), вынудив тем самым купцов перенести оттуда свою деятельность в Хедебю (который тогда назывался Слиторп). За век поселение существенно разрослось. Позднее Хедебю был укреплен мощной полукруглой оградой, которая, как считается, была сооружена около 900 года, когда городом владели шведы. Сюда он был защищен валом короля Годфреда — Даневирке. К середине X века почти вся земля внутри вала была застроена; новые дома выросли над старыми могилами и поселениями, и это был период величайшего процветания Хедебю. Постепенно город стал увядать, и после того, как в 1050 году его захватили норвежцы, а в 1066 году он был сожжен вендами, поселение было заброшено, и его роль перешла к Шлезвигу, который лежал несколько севернее. Старейшими жилищами в Хедебю были большие бревенчатые длинные дома, но вскоре здесь появились и квадратные дома поменьше, со стороной примерно 3—4 метра, которые к X веку практически вытеснили старый тип. Некоторые из этих длинных домов стояли рядами по сторонам аккуратно построенной деревянной дороги, причем дома были отделены друг от друга огороженными дворами со своими воротами и дорожкой. Другие постройки стояли на берегах речушки, которая протекала через главную часть города, и в таких домах были ступени, которые вели к воде. Во дворе почти каждого дома был колодец. Кроме того, в Хедебю обнаружены кладбища различных периодов со многими тысячами погребений, в том числе значительное количество погребений женщин и детей. Очевидно, часть здешних людей весь год жили в городе со своими семьями, но часть приезжала сюда в определенный сезон. Не все могилы относятся к скандинавскому типу: среди них много фризских и саксонских. Постоянное население появилось потому, что Хедебю был не только рынком, но и центром ремесла. Ремесленники имели собственные дома. Один из древнейших домов (по найденной в нем монете он датируется серединой VIII века) принадлежал ремесленнику, после которого остались куски необработанного янтаря и несколько недоделанных бус. Кроме янтаря (как

местного ютландского типа, так и импортированного с побережья Прибалтики), в Хедебю для обработки привозили и другие материалы. Среди них были рога оленей, как обычных, так и северных, из которых делали гребни, булавки, ручки ножей и фигурки для различных игр; клыки моржей; бронза, олово и свинец; большие партии железной руды (речь идет о руде высокого качества, происходившей из озер Швеции, а не о местной, низкокачественной). Были здесь и стеклодувы: в их печах находят кусочки ярко окрашенного стекла, которое использовали для бус. Много работали по металлу: археологи обнаружили значительное количество разбитых форм для отливки, которые показывают, что здесь в больших количествах изготавливались определенные модели «черепаховидных» брошей (рис. 50), а также сложный тип трехлепестковой броши, кое-какие круглые броши, подвески

тонкая техника. Наконец, присутствие грузил для прялок показывает, что здесь изготавливались ткани, хотя нельзя сказать, предназначались ли они только для местных нужд. Сельскохозяйственных орудий было найдено совсем немного: судя по всему, жители покупали еду где-то еще, хотя, видимо, держали свиней.

Женская
черепаховидная
брошь

С юга и запада в Хедебю прибывали различные товары: жернова из района Кобленца, грецкие орехи и большие двуручные кувшины из Рейнской области — в них, возможно, было растительное масло или вино, а также франкское стекло. Отсюда их импортировали в другие области Скандинавии. Вероятно, континентальные лезвия мечей, помеченные такими именами, как «Ульвберхт» или «Инглерий», так же по дороге в Норвегию проходили через Хедебю, как и тонкая ткань, обнаруженная в Каупанге, Бирке и в других местах, но во всех этих случаях точный маршрут данного товара остался неизвестным.

Скандинавы могли продавать не только меха из Арктики и другие вышеупомянутые товары: они были еще и весьма успешными работниками, и часть такой торговли проходила через Хедебю. Самый большой спрос на рабов в ту эпоху был среди арабов по всему побережью Средиземноморья от Испании до Ближнего Востока. В прежние времена в рабы продавали пленников, должников и преступников из Западной и Центральной Европы, однако после того, как эти области стали христианскими, Церковь постаралась уничтожить этот вид торговли — не столько потому, что она возражала против рабства как такового, но лишь для того, чтобы мусульмане не становились владельцами рабов-христиан.

подвеска

Так что, когда шведам удалось наладить поставку рабов-славян, захваченных во время набегов в Прибалтике или России, которые были, несомненно, язычниками, ничего не мешало провозить их через христианские страны, чтобы продавать арабам. Большая часть торговли шла на восток по российским рекам к Каспийскому и Черному морям, но значительная часть проходила и через Хедебю и шла (с помощью франкских и иудейских купцов) по старому пути работорговцев в Марсель и оттуда к арабам Испании и Африки. Так, араб Ибн Хордадбех, который писал примерно в 844 году, перечисляет типично скандинавские товары, которые франки продавали мусульманам: «евнухов, рабов, рабынь, шкуры бобров и куниц и другие меха», в то время как Ибн Хаукаль в 977 году упоминает о славянских евнухах, которых продавали из Испании в Египет.

Кроме того, датские и норвежские викинги захватывали рабов и во время набегов на Западную Европу, особенно в Ирландии. Поскольку эти рабы с 50. были христианами, их нельзя было продавать так же, как других, поэтому викингам приходилось оставлять их у себя в основном для работы на земле. Примерно в 870 году архиепископ Римберт из Гамбурга проезжал через Хедебю, и ему стало так жаль многих христианских рабов в этом городе, что он потратил большую часть собственных денег и продал

принадлежавшие церкви корабли, чтобы выкупить пленников. Однажды мимо него проходила большая группа скованных цепью рабов, которых охраняли вооруженные люди. Рабы закричали, что они христиане, и одна девушка сказала ему, что она монахиня, и даже спела в доказательство несколько псалмов.

Тогда Римберт отдал свою лошадь хозяевам, чтобы выкупить пленницу. Возможно, эти христианские рабы прибыли с Запада и их захватили, чтобы продать землевладельцам из южной Норвегии и Швеции.

Возможно даже, что иногда арабы лично приезжали в Хедебю, чтобы приобрести рабов, — в противном случае трудно себе представить, как араб из Кордовы, Ибрахим ибн Ахмед ат-Тартуши оказался там в 950-х годах. Судя по всему, ему совершенно не понравился этот «очень большой город за самым дальним концом океана», и он ошибочно принял некоторые из принятых там обычаев за признаки крайней бедности. Несмотря на это, его рассказ весьма интересен: «В городе есть колодцы с чистой водой. Жители города почитают звезду Сириус, за исключением нескольких, которые являются христианами и у которых здесь есть церковь. Жители отмечают праздник, на который все собираются, чтобы почтить своего бога, поесть и выпить. Тот, кто убивает животное в жертву богу, ставит у двери своего дома шест и вешает на него животное — будь то вол, баран, козел или свинья; и люди знают, что этот человек сделал приношение, чтобы почтить своего бога. Город беден добром и сокровищами. Основная пища жителей — рыба, ее там очень много. Если родится ребенок, они часто бросают его в море, чтобы не тратиться на него. Женщины у них имеют право требовать развода, и женщина может устроить свой развод, когда только пожелает. Еще здесь есть искусно приготовленная косметика для глаз; когда они используют ее, красота их не меркнет, а напротив, увеличивается. Никогда не слышал я такого гнусного пения, как пение людей в этом городе: это вой, который идет из горла, подобный лаю собак, и даже больше похож на голос дикого зверя, чем собачий лай».

Помимо Каупанга и Хедебу, был и третий скандинавский город, который достиг пика своего расцвета примерно в конце IX века: Бирка на острове Бьёркё на озере Мелар в Швеции. Это огромное озеро в течение столетий оставалось жизненно важным

элементом коммерческой жизни Швеции. Другой остров на этом озере, Хельгё, уже стал центром торговли и ремесла в VIII веке, а позднее, в XI веке, на его берегах вырос новый город — Сигтуна. Закрытые со всех сторон мелкие воды озер и устьев рек были в тот период идеальны для плаваний: они набирали мало воды, могли перевозить компактные грузы из предметов роскоши, не требовали сложных пристаней и причалов для разгрузки. Небольшие корабли можно было вытащить на покатый берег, большие — пришвартовать к столбам, стоящим в неглубокой воде, для разгрузки — подплывать к ним на небольших шлюпках или просто подходить вброд. В Бирке как раз были такие побережья и бухточки, которые подходили для кораблей любого типа. Сам город Бирка покрывал площадь около 30 акров. На большей части этой территории кипела жизнь, причем так долго, что почва стала темной от органических отходов, и это до сих пор видно невооруженным глазом. Пока лишь незначительная часть этой территории раскопана, и уже то, что известно на данный момент, показывает, насколько широкими были контакты Бирки — стекло и керамика из Рейнской области (см. вклейку), тонкая шерстяная ткань, зачастую покрашенная в синий цвет вайдой, — это могла быть та самая «фризская ткань», которой так восхищались в Европе в ту эпоху; шелка и гобелены из Византии, тончайший шелк из Китая, кожаные пояса с металлическими заклепками из Персии; небольшие стеклянные фишки для игр с Ближнего Востока; аметистовое кольцо с арабской надписью; монеты — большинство из Западной Европы, но очень многие и из мусульманских халифатов Востока. Местные богатства Скандинавии также оставили здесь свой след: янтарь, клыки моржа, рога северных оленей и фрагменты шкур медведей, бобров, куниц, песцов и выдр. Возможно, что именно отсюда железная руда, такая, как та, что была найдена в Хедебю, экспортировалась на континент.

Бирка была защищена не только своим географическим положением, весьма отдаленным от открытого моря, но также и укрепленным скалистым холмиком высотой около 30 метров примерно в четверти мили к югу, с которого открывался прекрасный вид на все подходы к городу. На одной из сторон этого холма была отвесная скала; три другие были отгорожены земляными валами. Неподалеку глубокие наносы пепла в укрытой со всех сторон ложине над озером, возможно, говорят о том, что здесь находились маяки. Ориентируясь на них, корабли находили дорогу по протокам от берега. Позднее, уже в X веке, город был со стороны земли огорожен частоколом, поставленным на низкой каменной стене, возможно, с деревянными башнями на расстоянии примерно 100 ярдов друг от друга.

Древнейшее упоминание о Бирке встречается в «Житии святого Анскария», написанном архиепископом Римбертом около 870 года. Анскарий был монахом-миссионером, который приложил огромные усилия к тому, чтобы обратить данов в христианство. Несколько лет он прожил в Хедебю, откуда около 829 года отправился в Бирку, чтобы попытаться обратить и шведов. Путешествие оказалось опасным: «На полдороге они наткнулись на морских разбойников. И хотя купцы, которые путешествовали вместе с ними, отважно защищались и сначала одерживали победу, тем не менее, при второй атаке они были побеждены и сокрушены пиратами, которые забрали их корабль и все, что у них было. С огромным трудом они добрались до земли и спасли свою жизнь. Им пришлось оставить королевские дары [подарки от франкского императора Людовика Благочестивого], которые они хотели привезти в Швецию; спасти удалось лишь несколько мелких предметов, которые они смогли взять с собой, прыгая за борт. Среди прочих вещей, они потеряли почти 40 книг, которые были предназначены для богослужения и которые попали в руки разбойников».

Тем не менее, в Бирке Анскария принял король Бьёрн, который позволил ему построить здесь церковь, и святой пробыл здесь

около двух лет, пока его не отозвали, чтобы сделать архиепископом Гамбурга.

Около 850 года Анскарий снова посетил Бирку, и из жития снова становится ясно, какой огромной проблемой был морской разбой в ту эпоху. В ходе собрания, где шведы обсуждали религиозные проблемы, один из купцов Бирки напомнил им об их прошлых поездках в Дорестад, крупный фризский торговый центр у устья Рейна, где многие из них были готовы принять христианство, однако теперь «появилось много трудностей, и этот путь стал для нас весьма опасен вследствие нападений пиратов». Возможно, имеются в виду многочисленные нападения викингов на этот город начиная с 834 года.

В «Житии святого Анскария» речь прежде всего идет, естественно, о связях между Биркой и христианским Западом, однако на самом деле наиболее важная торговля у Бирки шла с Востоком, через те длинные торговые пути по рекам России, которые уже давно открыли шведы. Это был удобный центр экспорта мехов, которые добывали в северной Швеции. Более того, удачливые купцы, возвращавшиеся с Востока, привозили с собой сотни серебряных монет, и рынок в Бирке был, безусловно, одним из основных мест, где эти деньги тратились и расходились по всей остальной Швеции.

Восточный путь лежал вдоль Финляндского залива, далее — по Неве через северорусские области вокруг озера Ладога. В то время в этих местах жили народы, говорившие на финноугорских языках, так что шведам, которые в IX веке нередко сталкивались с финнами в ходе своей экспансии в восточную Прибалтику, было довольно легко с ними объясниться. Само название «Русь», возможно, — испорченное слово Ruotsi, финское название шведов, которое в устах славян, мусульман и византийцев начало обозначать шведских торговцев в России или людей из смешанных шведско-славянских общин, которые начали появляться вдоль Днепра.

Близ современного города Старая Ладога находился город, который был основан финнами, но, судя по всему, в IX—X веках заселен и шведами. В погребениях этого региона зачастую находят украшения и другие предметы из Швеции. Спорный вопрос, были ли это действительно могилы шведов или финнов, которые торговали со шведами. Если речь идет о шведах, то следует считать, что Ладога была областью, где шло широкомасштабное расселение и колонизация, причем шведы жили бок о бок с финнами; образовались сельскохозяйственные общины, и два племени постепенно ассимилировались.

Как бы то ни было, несомненно, что Ладога была очень важной отправной точкой для торгового пути по воде. Отправившись на северо-восток по Свири, можно было дойти до озера Онега, а оттуда — до областей вокруг Белого моря, которые служили изобильными охотничьими угодьями для торговцев шкурами. Однако главная дорога шла на юг, по реке Волхову до озера Ильмень и крепости Новгород (которую скандинавы называли Хольмгард). Население Новгорода было в основном славянским, однако правила там скандинавская династия. Миновав озеро Ильмень, надо было идти к югу вверх по реке Ловать, одному или нескольким ее притокам, затем тащить корабли волоком через водораздел и снова спускать их на воду у истока одной из двух могучих рек — Днепра, который впадает в Черное море и ведет в Византию, или Волги, которая впадает в Каспийское море и приводит путешественников к караванным дорогам на Восток. Это были основные пути, которыми пользовались для своих операций скандинавские купцы.

Деятельность шведов в России началась, видимо, в первой половине IX века. Франкские «Вертинские анналы» говорят, что в 839 году в свите византийских посланников, прибывших ко двору императора Людовика Благочестивого, были какие-то купцы шведского происхождения, которые называли себя Rhos; они были посланы своим правителем на севере России в Византию

(видимо, вниз по Днепру), но не могли вернуться обратно тем же путем, поскольку дорогу захватили дикие варварские племена, и поэтому, чтобы попасть домой, они должны были сделать огромный крюк через Францию.

«Анналы» не говорят, что «росы» были купцами, однако араб Ибн Хордадбех ясно говорит, что «русы» — торговцы; он говорит, что они «вид славян», однако, несмотря на эту путаницу, он почти определенно имел в виду шведов. Он рассказывает, как они путешествуют по реке, «вывозят бобровый мех и мех черной лисицы и мечи из самых отдаленных частей страны славян к Румскому [Черному] морю» и платят за свои товары пошлину византийскому императору. Могли они плыть и по «Танаису» (Дон или верховья Волги), проходить через хазарский город на Волге (и платить пошлину там). Затем они достигали Каспийского моря, которое пересекали на корабле, а иногда довозили свои товары на верблюдах до самого Багдада. Из этого подробного рассказа очевидно, что оба великих торговых пути регулярно использовались еще до середины IX столетия.

С течением времени на Днепре появились укрепленные города: Смоленск, Чернигов и Киев. Ими управляла воинская аристократия скандинавского происхождения, хотя до сих пор неясно, была ли основная часть обитателей славянами или скандинавами. Естественно, отношения между этими народами были очень сложными. С одной стороны, скандинавы брали со славян дань и возили многих из них в рабство, с другой — они сами все больше и больше становились славянами, соблюдая славянские обычаи и женись на славянках.

Образ жизни этих купцов в долине Днепра описан византийским императором Константином Багрянородным, который около 950 года писал¹: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступает ноябрь месяц, тотчас же их архонты [князья] выходят со всеми росами из Киавы и отправляются в полюдь, что именуется «кружением», а именно в... [далее Константин перечисляет различные славянские племена, которые являются «пактиотами» (данниками или союзниками) росов]. Кормясь так в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киаву».

Для путешествий по реке скандинавы не нуждались в собственных мастерски построенных кораблях: они использовали местные лодки, более грубые и меньшего размера. Император продолжает: «Славяне же... рубят в своих горах моносилы [вид лодки-однодревки] во время зимы и, снарядив их с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти водоемы входят в реку Днепр, то и они из тамошних мест входят в эту самую реку и отправляются в Киаву. Их вытаскивают для оснастки и передают росам. Росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моносилы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство, снаряжают их. И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются к Витичеву, который является крепостью-пактиотом [союзником] росов, и, собравшись также в течение двух-трех дней, пока собираются все моносилы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр».

Главная трудность в плавании по Днепру — ряд крутых порогов и стремнин, где Днепр пробивается сквозь гранитные ущелья вблизи Днепропетровска. Император Константин рассказывает о семи таких порогах, указывая как их скандинавские, так и славянские имена;

некоторые — например, первый — еще не слишком опасны: «Посредине его имеются обрывистые высокие скалы, торчащие наподобие островков. Поэтому набегающая и приливающая к ним вода, низвергаясь оттуда вниз, издает громкий страшный гул. Ввиду этого росы не осмеливаются проходить между скалами, но, причалив поблизости и высадив людей на сушу, а прочие вещи оставив в моносилах, затем нагие, ощупывая своими ногами дно, волокут их, чтобы не натолкнуться на какой-либо камень. Так

они делают, одни у носа, другие посредине, а третьи у кормы, толкая ее шестами, и с крайней осторожностью они минуют этот первый порог по изгибу у берега реки. Когда они пройдут этот первый порог, то, снова забрав с суши прочих, отплывают и приходят к другому порогу...»

Однако для того, чтобы пройти другие пороги, нужно потратить гораздо больше усилий:

«Четвертый порог... у этого порога все причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они неусыпно несут стражу из-за пачинакитов [печенегов]. А прочие, взяв вещи, которые были у них в моносилах, проводят рабов в цепях по суше на протяжении шести миль, пока не минует порог. Затем также одни волоком, другие на плечах, переправив свои моносилы по сю сторону порога, столкнув их в реку и внося груз, входят сами и снова отплывают».

Когда пороги успешно преодолены, путешественники могут на некоторое время остановиться, передохнуть и совершить благодарственное жертвоприношение: ,

«После того как пройдено это место, они достигают острова, названного Св. Григорий. На этом острове они совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и стрелы вокруг дуба; а другие — кусочки хлеба, мясо, что имеет каждый, как велит их обычай.

Бросают они и жребий о петухах: или зарезать их, или съесть, или отпустить живыми».

Наконец, они добирались до устья Днепра и до острова Березань, где в 1905 году археологи обнаружили камень с рунами, поставленный жителем Готланда по имени Грани в память о своем товарище Карле. Отсюда они следовали вдоль побережья Черного моря в Византию.

Судя по огромному количеству арабских и персидских монет, обнаруженных в Швеции и на севере России, по волжскому пути торговля шла гораздо более бойко, чем по пути в Византию. На Волге существовали два каганата (независимые империи): царство булгар, изначально кочевников тюркского происхождения, которые поселились вокруг большой излучины Волги, и их город под названием Булгар стал важным торговым центром, и Хазарский каганат. Хазары обосновались в южном течении Волги; их столица находилась в Итиле, там, где Волга впадает в Каспийское море. Эти два народа контролировали всю торговлю по Волге: они находились в тесном контакте с Багдадским халифатом, и к ним часто приезжали купцы с юга и востока. Именно этим арабам скандинавы продавали своих рабов и товары с севера за серебро, а иногда — в обмен на шелк и специи.

Многие мусульманские авторы X века упоминают об этих торговцах-«русах», и два описывают их достаточно подробно. Один, географ Ибн Русте, пишет следующее:

«Что же касается ар-Русийи, то она находится на острове, окруженном озером [Новгород на озере Ильмень?]. Остров, на котором они (русы) живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как последняя трясется из-за обилия в ней влаги. У них есть царь, называемый хакан русов. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар [и то, и другое — на Волге] и там продают. Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян... И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие — торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям. Получают они назначенную цену деньгами и завязывают их в свои пояса»¹.

Свидетельство другого араба, Ибн Фадлана, еще более ценно, поскольку его подробный и длинный рассказ о внешнем виде, обычаях

Как он говорит, в определенное время года они собираются здесь, чтобы открыть торговлю:

«Они прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на Итиле [Волге], а это большая река, и строят на ее берегу большие дома из дерева, и собирается в одном доме десять и (или) двадцать, — меньше и (или) больше, и у каждого скамья, на которой он сидит, и с ними девушки — восторг для купцов. И вот один сочетается со своей девушкой, а товарищ его смотрит на него. Иногда же соединяются многие из них в таком положении одни против других, и входит купец, чтобы купить у кого-либо из них девушку, и застаёт его сочетающимся с ней, и он (рус) не оставляет ее, или же (удовлетворит) отчасти свою потребность...

И как только приезжают их корабли к этой пристани, каждый из них выходит и (несет) с собою хлеб, мясо, лук, молоко и набидз, пока не подойдет к высокой воткнутой деревяшке, у которой лицо, похожее на лицо человека, а вокруг нее маленькие изображения, а позади этих изображений высокие деревянные, воткнутые в землю. Итак, он подходит к большому изображению и поклоняется ему, потом говорит ему: «О, мой господин, я приехал из отдаленной страны, и со мною девушек столько-то и столько-то голов и соболей столько-то и столько-то шкур», пока не сообщит (не упомянет) всего, что привез с собою из своих товаров — «и я пришел к тебе с этим даром»; — потом оставляет то, что (было) с ним, перед этой деревяшкой, — «и вот, я желаю, чтобы ты пожаловал мне купца с многочисленными динарами и дирхемами, и чтобы (он) купил у меня, как я пожелаю, и не прекословил бы мне в том, что я скажу». Потом он уходит. И вот, если для него продажа его бывает затруднительна и пребывание его задерживается, то он опять приходит с подарком во второй и третий раз, а если (все же) оказывается трудным сделать то, что он хочет, то он несет к каждому изображению из (числа) этих маленьких изображений по подарку и просит их о ходатайстве и говорит: «Это жены нашего господина, и дочери его, и сыновья его». И не перестает обращаться к одному изображению за другим, прося их и моля у них о ходатайстве и униженно кланяясь перед ними. Иногда же продажа бывает для него легка, так что он продаст. Тогда он говорит: «Господин мой уже исполнил то, что мне было нужно, и мне следует вознаградить его». И вот, он берет известное число овец или рогатого скота и убивает их, раздает часть мяса, а оставшееся несет и бросает перед этой большой деревяшкой и маленькими, которые (находятся) вокруг нее, и вешает головы рогатого скота или овец на эти деревянные, воткнутые в землю. Когда же наступает ночь, приходят собаки и съедают все это. И говорит тот, кто это сделал: «Уже стал доволен господин мой мною и съел мой дар».

Ибн Фадлан описывает и супруг этих купцов-«русов», чей костюм очень похож на тот, что описан в главе 3: «А что касается каждой женщины из их числа, то на груди ее прикреплено кольцо или из железа, или из серебра, или меди, или золота [«черепашковидная» брошь?], в соответствии с (денежными) средствами ее мужа и с количеством их. И у каждого кольца — коробочка, у которой нож, также прикрепленный на груди. На шеях у них (несколько рядов) монист из золота и серебра, так как если человек владеет десятью тысячами дирхемов, то он справляет своей жене одно монисто (в один ряд), а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два мониста, и таким образом каждые десять тысяч, которые у него прибавляются, прибавляются в виде (одного) мониста у его жены, так что на шее какой-нибудь из них бывает много (рядов) монист. Самое лучшее из украшений у них — это зеленые бусы из той керамики, которая находится на кораблях. Они (русы) заключают

контракты относительно них, покупают одну бусину за дирхем и нанизывают, как ожерелья, для своих жен».

О мужчинах Ибн Фадлан пишет, что они красивы и высоки, как фиговые пальмы, но при этом у них отвратительно грязные привычки. Их правитель живет в крепости, и его окружает стража из 400 воинов и гарем из 40 девушек. Ибн Фадлан долго описывает их погребальные обряды, о которых мы подробно расскажем в главе 9. В рассказах этих мусульманских авторов прослеживается удивление и любопытство, с которым люди, принадлежавшие к передовой цивилизации, разглядывали тех, кого считали варварами, однако в целом у нас возникает достоверное представление о жизни скандинавских купцов, торговавших в России.

Богатство, приобретенное на Востоке, шло обратно в Швецию в форме серебра: в различных частях Скандинавии до сих пор было найдено около 85 000 арабских и около 500 византийских монет. Почти все они датируются IX—X веками. К концу этого периода серебряные рудники Багдадского халифата истощились, и последующие экономические трудности положили конец шведской торговле с арабами. Вместо этого скандинавы стали все больше и больше торговать с Германией, где только начали разрабатывать серебряные руды в горах Гарца. В Скандинавии нашли около 70 000 германских монет, которые датируются концом X века — XI веком. В тот же самый период появились тысячи английских монет, но это не столько результат торговли, сколько данегельд, который собирали викинги, и плата, полученная дружинниками на службе у Свейна и Кнута.

С монетами викинги не обращались как с настоящей валютой: их просто принимали на вес. Чтобы уплатить небольшие суммы, многие монеты рубили пополам или на четвертушки. Монеты входили в состав кладов наравне с серебряным ломом (серебряными кольцами и украшениями, разрубленными на произвольные куски) и с брусочками-разновесами. Серебро могло находиться в обращении вне зависимости от формы: все можно было сломать или переплавить так, как это было удобно. Серебряный лом уже давно стал устоявшимся средством оплаты.

В погребениях часто находят весы и гири. И это естественно: в них нуждались не только купцы, отправлявшиеся в дальнюю дорогу, но и те, кто оставался дома: охотники, ремесленники, крестьяне, видимо, использовали такие весы, продавая свой товар проезжим торговцам или отправляясь на местный рынок. Скандинавская экономика основывалась уже не на одном натуральном обмене или уплате скотом. Особенно интересны тонкой работы складные бронзовые весы: они, возможно, делались в Ирландии и были очень популярны в Норвегии: здесь найдено около 40 комплектов, нередко тщательно упакованных в коробку, кошелек или в круглые бронзовые или медные футляры (рис. 53). На одном наборе из Сигтуны в Швеции была надпись, которая гласила, что владелец весов приобрел их у одного человека в Самландии (богатая янтарем область Восточной Пруссии). Надпись заканчивалась двумя стихотворными строчками, в которых хозяин, видимо, хвастается, что убил вора и бросил его тело воронам: «Птица разорвала бледного вора, видел я, как жиреет падальщица-кукушка».

Диаметр чашек составляет всего 2—3 дюйма: использовались небольшие единицы веса. Одна из широко распространенных систем была основана на трех единицах: эр-тог (8,67 г), эре (24,55 г) и марка (204 г). Подлинные гири, обнаруженные в Хедебю, близко соответствуют теоретическим весам эртога и эре. Среди других гирь — несколько «двойных эре» (в среднем 49,5 г) и две «полмарки» (примерно 100 г). Очевидно, если у человека кошелек переполнялся мелкими кусочками монет и обломками колец, он мог их переплавить и отлить из них аккуратные брусочки, соответствовавшие стандартным весам. Можно добавить, что нечестным людям иногда удавалось расплачиваться брусочками, которые были железными и лишь покрыты тонким слоем

серебра.

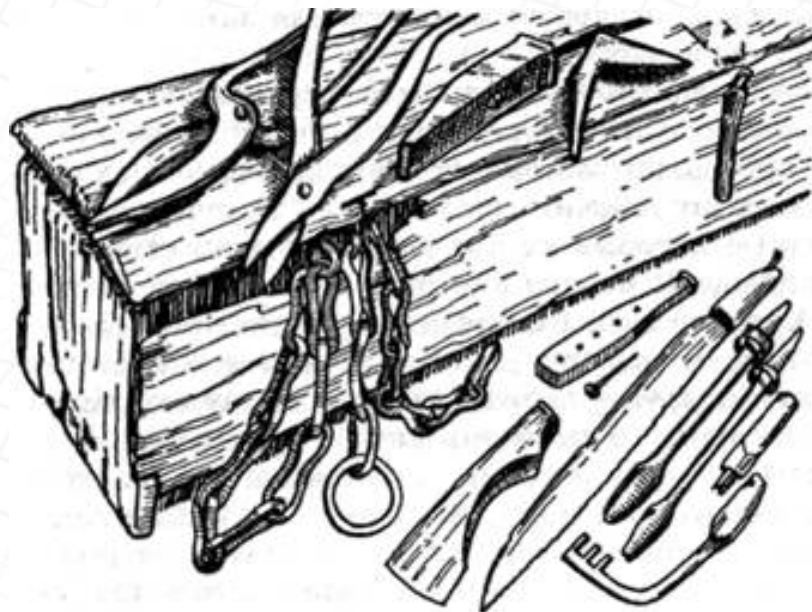

Рис. 54. Сундучок с инструментами

Товары на дальние расстояния всегда переправляли по воде — по морю или по речным сетям; однако существовала и местная торговля, пути которой проходили по земле. Многие широко распространенные местные изделия, например определенные типы брошей или браслетов, настолько похожи друг на друга, что должны были быть продуктами массового производства: их изготавливали в определенных центрах и продавали на местных рынках. Весьма вероятно, что ремесленники и мелкие торговцы путешествовали по стране — как, например, владелец великолепно оснащенного сундучка с инструментами (рис. 54), обнаруженного на Готланде: он, очевидно, был как кузнецом, так и плотником, чинил котлы и делал замки и коровьи колокольчики, которые носил с собой на продажу.

В некотором смысле зима была самым лучшим временем для путешествий: реки и болота замерзали, а снег делал склоны холмов гладкими. Широко использовались лыжи и снегоступы. Существовали также костяные коньки, которые подгоняли по ноге: человек мог скользить по льду с помощью заостренной палочки, даже не поднимая ног. Много таких коньков было найдено в Бирке. Нередко находили и шипы для ходьбы по льду, которые можно было приладить к обуви. Очевидно, в Бирке жизнь зимой не замирала: действительно, когда озеро и подходы к нему замерзали, она становилась прекрасным местом для зимнего рынка в самый сезон мехов.

Зимой товары можно было перевозить на санях. Множество саней обнаружено в погребениях там, где структура почвы могла сохранить дерево (см. вклейку); в других погребениях сохранились тяжелые крюки, с помощью которых их запрягали. Обычно сани тянула пара лошадей, подковы которых были снабжены шипами. Корпус саней был очень свободно присоединен к полозьям. В

Усеберге некоторые сани можно было поставить на другие полозья, а иные не подходили к полозьям, вместе с которыми они были найдены. Высказывалось предположение, что один и тот же корпус можно было присоединить к раме с колесами летом и к полозьям зимой, а может быть, даже и поднять на лодку, если часть путешествия приходилось проделать по воде.

Летом основным средством передвижения оставались лошади: на них ездили верхом, запрягали в повозки. В погребениях эпохи викингов часто находят упряжь и сбрую — как обычные вещи для ежедневного употребления, так и парадную сбрую княжеских скакунов. В искусстве того времени также присутствует множество изображений всадников (рис. 57, 70). Известно, что в ту эпоху лошади были мельче современных и, судя по всему, имели более толстые шеи и короткие спины. Гобелен из Усеберга и набросок, изображавший заднюю часть лошади на сломанной черепице из Ярлсхофа, свидетельствуют, что хвосты лошадей завязывали в декоративные узлы (рис. 55), хотя на артефактах из других мест хвосты ничем не украшены. Еще один интересный предмет, который в Норвегии часто находят среди упряжи, — погремушки из железных колечек. Погремушки одного вида прилаживали к оглобле, а другие были снабжены крючками, что говорит о том, что они свисали со сбруи или с гривы лошади. Вместе с ними иногда находят маленькие колокольчики. Как погремушки, так и колокольчики могли служить чем-то вроде талисманов, которые отпугивали злых духов.

Единственная сохранившаяся повозка эпохи викингов — повозка из Усеберга (см. вклейку) — являлась, судя по роскошной резьбе, церемониальным экипажем. Но нельзя сомневаться, что существовали также повозки и телеги для повседневного пользования, — хотя летом дороги могли быть не слишком ровными. На одном гобелене из Усеберга показано нечто вроде запряженных лошадьми грузовых телег. Их содержимое покрыто тканью, хотя, может быть, и вся повозка была покрыта тентом наподобие фургонов американских поселенцев (см. вклейку). Две упряжки ведут люди, которые идут рядом с ними, двумя другими правят один или два человека, сидящие в повозке. Рядом со всеми повозками идут воины, вооруженные копьями, и другие пешие сопровождающие. Судя по всему, это — сцена из какого-то мифа или легенды, хотя такие «караваны» могли быть вполне обычным делом на дорогах Скандинавии.

Наиболее надежная информация о дорогах эпохи викингов пришла из Швеции XI века (дорога через Хе-дебу была римской!), хотя, конечно, дороги существовали и в других регионах, и в более раннюю эпоху. Действительно, Снорри Стурлусон говорит, что первые дороги в Швеции построил живший в глубокой древности король по имени Онунд: он, по словам Снорри, расчистил пути через непроходимые леса, болота и горы. Возможно, это всего лишь легенда, однако и в более поздние времена у королей был обычай путешествовать по своим землям. Дороги были нужны и для того, чтобы добраться до основных храмов и мест собраний, а также до центров торговли. Древнейшие дороги, видимо, были естественными тропками, вроде тех, что идут по гладким, поросшим травой склонам гор в Швеции. Они практически не нуждались в усовершенствовании; лишь в нескольких местах нужно было положить каменные плиты, чтобы обеспечить безопасный переход через брод. Однако дороги в долинах, которые должны были проходить через леса, по болотистой и глинистой почве, нужно было постоянно поддерживать в подобающем состоянии.

В Скандинавии давно существовал обычай воздвигать камни в память об умерших — как правило, у дороги или вблизи брода, где их могли видеть все прохожие. Примерно с 1000 года в Швеции (и в некоторых других местах) появилось огромное количество таких камней, где не только упоминается имя умершего, но и говорится о том, что какой-нибудь его родственник «построил

этот мост» в память о нем и ради спасения его души. «Мостом» в этом случае называлось любое сооружение, которое улучшало дорогу, делало ее проезжей, как, например, гать на болоте, улучшенный брод и, разумеется, деревянный мост.

Эти камни, как зачастую явствует из самой надписи, воздвигали христиане, и очень возможно, что Церковь поощряла постройку дорог: она считала, что это — полезное, богоугодное дело. В других странах Европы в более позднем Средневековье есть много примеров тому, что Церковь даровала индульгенции как живым, так и умершим за ремонт мостов и дорог. На одном норвежском камне изображены три волхва, едущих в Вифлеем, — очень подходящий сюжет для того, чтобы увековечить работу, призванную облегчить жизнь путешественникам. Надпись гласит: «Гуннвор, дочь Тидрика, сделала этот мост в память о своей дочери Астрид. Она была самой умелой мастерицей среди девушек Хаделанда» (рис. 56).

Зачастую производились достаточно широкомасштабные работы. В Лебю, неподалеку от Упсалы, и до сих пор можно видеть настил длиной более 300 метров, который вел через болото и был достаточно широким, чтобы по нему могла проехать телега. В основу его был положен слой гравия толщиной около 30 сантиметров и шириной 6 метров, над которым лежал слой больших каменных блоков, некоторые из которых имели ширину по 4,5 метра, затем — настил из хвороста, а над ним, возможно, еще один слой гравия. В одном месте настил прерывается речкой, над которой, вероятно, был построен деревянный мост. На одном конце настила стоят два камня с рунами. Надпись говорит следующее: «Ярл, и Карл, и Ёкульбьерн поставили эти камни и этот мост в память о своем отце Ёфуре. Упокой, Господи, его душу».

До сего дня остаются следы множества таких настилов. Были и настоящие мосты. Например, Скала Рамсунда, знаменитая своими сценами из легенды о Сигурде (см. вклейку), отмечает место, где женщина по имени Сигрид увековечила память о своем муже, построив деревянный мост длиной примерно 60 метров, который шел через реку глубиной около 3 метров, а также ведущую к нему насыпную дорогу. Иногда в одном и том же месте можно видеть несколько камней, и это свидетельствует о том, что мост или гать неоднократно нуждались в ремонте и зачастую этим ремонтом занимались родственники первого строителя. Большинство из этих камней остаются на своих местах и до сего дня, и на месте старой дороги мимо них проходит современное шоссе. Неудивительно, что в надписях на этих памятных камнях все еще чувствуется гордость тех, кто их воздвиг, — особенно на камне из Сальны (к несчастью, слегка поврежденном):

«Эйстейн, и Ёрунд, и Бьёрн, братья, воздвигли [этот камень в память о X], своем отце. Господи, упокой его душу и дух, и прости ему его проступки и прегрешения.

Покуда мир существует, навеки будет стоять этот мост, мост доброго человека, широкий, прочный. В честь отца его юноши сделали; у дороги не будет благороднее камня».

Очевидно, не следует считать типичными неудачи поэта Сигхвата Тордссона, который оплакивает неудобства путешествия из Норвегии в Швецию зимой 1018 года и жалуется на натертые ноги, усталость от многокилометровых переходов по лесу, хлипкий паром и негостеприимных крестьян. Напротив, наземные пути сообщения были по средневековым стандартам совсем неплохими, и если саги чаще всего упоминают путешествия ко двору короля и на собрания, чем обычные поездки на рынок, то это просто связано с тематикой самих источников. В эпоху викингов, которую очень удачно называли Серебряным веком Скандинавии, материальные ценности могли свободно обращаться как через внешнюю, так и через внутреннюю торговлю и как по земле, так и по воде.

«Викинги. Быт, религия, культура» Жаклин Симпсон

[Следующая страница >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

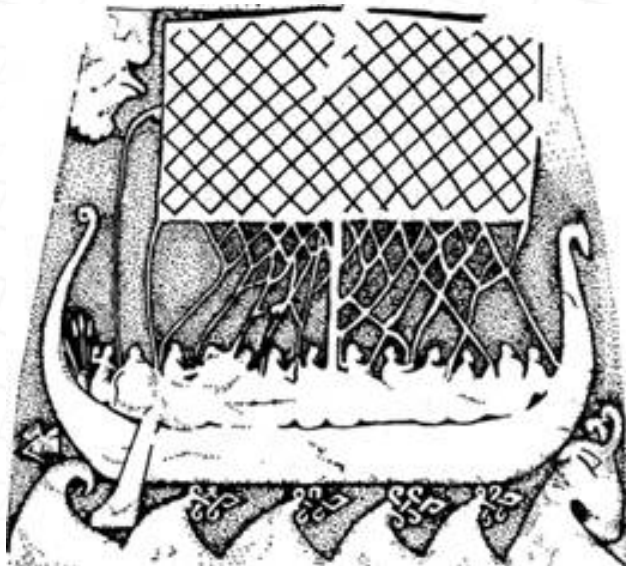
[Оглавление книги >>>](#)

лучшие книги от издательства ЦЕНТРПОЛИГРАФ

[РЕКОМЕНДУЕМ: лучшие книги от издательства ЦЕНТРПОЛИГРАФ>>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ВИКИНГИ

Быт, религия, культура

Глава 6. Оружие и войны

Хотя воинского сословия как такового в Скандинавии не было, каждый скандинав в эпоху викингов в какой-то степени был воином. Те, кто спокойно занимались сельским хозяйством у себя дома, в любую минуту могли на несколько месяцев или лет присоединиться к морским отрядам викингов или отправиться на поиски новых земель, что тоже не всегда проходило мирно. Купцы путешествовали за тридевять земель и всегда должны были быть готовы защищать свое добро от разбойников на земле и пиратов в морях. Даже в оседлых общинах, у которых не было внешних врагов — таких, о которых нам рассказывают исландские саги, — риск вооруженного столкновения всегда был велик. Умирая, викинг-язычник забирал оружие с собой в могилу, а при жизни не мог обходиться без него ни ночью ни днем:

Муж не должен хотя бы на миг отходить от оружия; ибо как знать, когда на пути копье пригодится¹.

Викинги сражались пешими. Естественно, они использовали лошадей для того, чтобы их отряды быстро перемещались с места на место, и на изображениях той эпохи часто фигурируют всадники, однако из всех описаний сражений очевидно, что воины приезжали на поле боя верхом, а потом спешивались и стреноживали лошадей еще до того, как начиналось сражение. Такой же обычай существовал и у англосаксов, как показано в поэме «Битва при Мэлдоне». В сценах сражений на камнях с Готланда мы видим лошадей без всадников, или привязанных, или стреноженных (см. вклейку). Археология подтверждает это правило: лошади в погребениях викингов снабжены богатой сбруей, рядом с ними лежат стремяна и другие атрибуты конской упряжи, однако ни разу не было найдено ничего похожего на защитные доспехи для лошадей, которые, безусловно, понадобились бы, если бы существовал обычай сражаться верхом.

В древнейший период основным оружием были меч и копье; позднее место копья нередко занимает топор, который стал считаться типичным оружием викинга. Викинги также использовали «сакс» — нечто вроде длинного ножа или однолезвийного меча, а иногда также лук и стрелы. Щиты были круглыми и достаточно небольшими. В литературе часто упоминается панцирь или кольчуга из переплетенных железных колец, однако небольшие фрагменты кольчуг находят лишь изредка. Возможно, кольчуги были короткими и совсем непохожими на те длинные кольчуги, которые показаны на гобелене из Байе. Большинство воинов не могли позволить себе кольчугу; вместо этого им приходилось надевать кожаные куртки с подкладкой, шивать в одежду костяные пластинки и использовать другие подобные домашние средства защиты. Даже князья иногда носили такие куртки. Рассказывают, что один знатный человек, который поднял мятеж против короля Олава Святого, заказал у лапландцев 12 курток из шкуры северных оленей для себя и ближайших сподвижников и что эти куртки отражали удар не хуже, чем любая кольчуга.

Шлемы в эпоху викингов использовались еще реже и сохранились в еще более фрагментарном виде, чем кольчуги. Изображения и барельефы показывают небольшие

конические шлемы (металлические или кожаные — сказать трудно), а к концу периода у них иногда появляется прямая носовая перекладина (рис. 58), что изображено на знаменитом гобелене из Байе. На камнях с Готланда также показаны воины в небольших круглых шапочках, которые повторяют очертания головы (рис. 32), а иногда и шлемы, увенчанные острием, — славянская мода, которую иногда перенимали шведы в России. Все эти шлемы, видимо, были обычным вооружением; они не украшены рогами и крыльями, которые так часто рисуют на современных иллюстрациях. Однако в более древние времена шлемы делали гораздо декоративнее, по крайней мере в королевских семьях, подобных тем, чьи захоронения были обнаружены в Венделе и Вальсгерде в Швеции. Здесь шлемы конца VII века с защитными пластинками

для щек и носа покрывают всю голову и лицо; пластинки, в том числе и над бровями, украшены богатым орнаментом, так что шлем становится похожим на страшную маску (рис. 59). Хорошо известный шлем из англосаксонского кургана в Саттон-Ху относится к тому же типу; вероятнее всего, он был изготовлен в Швеции. Возможно, такие сложные шлемы продолжали делать в эпоху викингов, по крайней мере в некоторых областях, поскольку на Готланде была обнаружена пара характерных надбровных украшений, инкрустированных серебром с орнаментом в стиле викингов. Однако, если даже подобные шлемы иногда и делались для королей или богатых князей, они, безусловно, не были частью экипировки рядовых воинов.

Ни на шлемах из Венделя, ни на шлемах эпохи викингов мы не видим рогов. Однако есть косвенные указания на то, что некогда они могли существовать, поскольку роскошные шлемы из Венделя были украшены выпуклыми пластинками с изображением человеческих фигурок. Некоторые из этих человечков носят шлемы с огромными гребнями в виде кабанов или хищных птиц (рис. 57, 83) или с рогами-полумесяцами, торчащими с боков (рис. 72, 74). В общем и целом, оружие, показанное на этих пластинках (и на штампах для их изготовления), точно отражает типы, которыми реально пользовались в Скандинавии VII века; поэтому, весьма возможно, существовали и рогатые шлемы, но из этого не следует, что они были широко распространены или служили для повседневного употребления. Пластинки, о которых мы говорим, безусловно, были предназначены не только для украшения, но и для магической защиты, поэтому фигурки на них вряд ли изображают обычных воинов; скорее всего, это — боги войны или посвященные, участники каких-то религиозных таинств.

Рис. 59. Шлем из Венделя

Сохранились изображения людей в рогатых шлемах, относящиеся и к самой эпохе викингов: металлическая фигурка из Бирки (рис.

⊠

Сцены на гобелене из Усеберга, вероятно, изображают какие-то мифы или легенды, а фигурка из Бирки может быть амулетом. В общем и целом, следует считать, что шлемы с рогами всегда были редкостью и что в эпоху викингов их рассматривали только как символы божественной силы.

Возможно, самым распространенным оружием было Копье. Археологи выцеляют множество типов копий с наконечниками различного размера и формы в зависимости от того, предназначались ли они для того, чтобы колоть врага или метать их в него. Назывались копья тоже по-разному: некоторые из них именовались тем же словом, что и стрелы, и, возможно, речь при этом шла об очень легких дротиках для метания. Некоторые именовались «извилистыми копьями»; утверждают, что их бросали с петлей из шнура вокруг древка и в полете они крутились. Оружие такого типа восходит к эпохе Великого переселения народов; его находили в болотах Дании со шнуром, все еще обернутым вокруг древка. На других старинных древках, найденных в

болотах, у центра тяжести имеются перевязки или обмотки: так сразу становилось ясно, как их нужно брать, чтобы метнуть как следует. Видимо, такими были и копья викингов (посмотрите на сломанные копья сражающихся на шлеме на рис. 59: здесь изображены по-хские перевязки).

Умение владеть копьем очень ценилось, и в нем приходилось постоянно практиковаться. Некоторые воины умели бросать по два копья одновременно, по одному каждой рукой; это был один из знаменитых приемов короля Олава Трюггвассона. Много лет спустя после кончины Олава появился человек, который называл себя Трюггви и, утверждая, что он сын Олава от брака с какой-то иностранкой, предъявил свои претензии на норвежский трон. Его соперники издевательски называли его «поповичем», однако в своей последней битве Трюггви метал копья обеими руками одновременно, восклицая: «Так учил меня мой отец служить обедню!» Часто упоминают и о другом мастерском приеме: можно было поймать копье в воздухе и немедленно швырнуть его обратно в противника. Для этого нужно было сместить корпус, уйти с линии атаки, поймать копье таким образом, чтобы ладонь была повернута от себя (большой палец — вперед). Описав рукой полукруг, копье одним движением поворачивали в противоположном направлении (наконечником вперед) для обратного броска.

Рис. 61. Человек в рогатом шлеме

Когда метательное оружие заканчивалось, бойцы начинали сражаться врукопашную, причем нередко использовались колющие копья. У таких копий были более широкие и тяжелые наконечники, иногда с длинными гнездами, чтобы не сорвались с древка. Их чаще, чем копья для метания, украшали серебряной инкрустацией, поскольку риск потерять их в сражении был гораздо меньше. Но колющее копье могло быть гораздо более поздним изобретением, чем метательное: язык поэзии был очень консервативен, и копья всегда изображались только летящими.

Другое оружие, появившееся сравнительно поздно, — боевой топор. Его предками были обычные рабочие топоры, размер и вес которых постепенно увеличивались. Существовало три основных типа боевых топоров. В «ручном» топоре оставалось еще много от рабочего инструмента: топор был достаточно легким, насажен на длинное, обитое железом топорщице, напротив лезвия располагался вполне пригодный для использования молоток. Такой топор продолжал оставаться оружием крестьянина, и люди могли постоянно носить его с собой в повседневной жизни, пользуясь им как инструментом или тростью и применяя как оружие в случае внезапного нападения. «Топор с бородкой» получил свое название от характерного квадратного выступа на нижнем крае лезвия; его особенно часто применяли в морских сражениях, поскольку из-за его формы такой топор прекрасно годился для захвата и абордажа. Третьим, наиболее известным типом был знаменитый «широкий», или «плотницкий», топор — тяжелая секира с длинной рукояткой. Им нужно было рубить двумя руками. Длина лезвия секиры доходила до 30 сантиметров, его украшали инкрустацией из серебра, золота или черни. Секира стала любимым оружием викингов, которые относились к ней запанибрата, с каким-то шутовым дружелюбием — в отличие от меча, окруженного ореолом ужаса и мистики. По крайней мере, такое впечатление создается из языка поэтов: прозвания для секир заимствовались из гротескного мира великанов, а не из возвышенных мифов и легенд. «Мечи, — говорит Снорри, — зовут «огнем Одина», а секирам дают имена великанов и обозначают их посредством слов «кровь», «раны», «лес» и «дерево»¹.

Из всего оружия скандинавов наиболее детально изучены мечи, и не только потому, что до нас дошло очень много древних мечей, но и потому, что множество пассажей в поэзии и прозе той эпохи описывают внешний вид меча, или процесс его изготовления,

или использование в сражении. В более древние времена меч, судя по всему, был оружием только знатных и богатых, и даже в эпоху викингов, когда мечами стали пользоваться чаще, в них все равно ощущалось нечто аристократическое. Хорошие клинки передавались по наследству; зачастую у них были собственные имена; нередко их окружали легенды и табу. Меч служил символом власти короля или вождя, на нем приносили клятвы верности. Меч был приличной наградой для верного дружинника или поэта, и, как и корабль, — постоянным предметом поэтического вдохновения.

Для меча в первую очередь было необходимо негнущееся лезвие, так как во время боя лезвием меча наносились тяжелые и быстрые удары; как колющее оружие меч практически не использовали. Для того чтобы добиться необходимой прочности, нужно было увеличить естественное содержание углерода в доступной кузнецу железной руде (поскольку оно было слишком низким). Этого добивались с помощью сложной и красивой техники, известной как «узорчатаяковка» (дамаскирование), известной задолго до эпохи викингов. Такое лезвие состояло из множества тоненьких брусков цементированной стали — то есть железа, «упакованного» в угли, которое раскаляли добела, пока его поверхность не впитает достаточно углерода и не превратится в сталь (хотя основа при этом оставалась железной). Сердцевина брусков была темной, а стальная поверхность — более светлой. Затем для более равномерного распределения стали бруски разрезали на несколько кусочков, перевивали и перековывали в другом порядке. Наконец, такой пучок перекрученных брусочков сваривали. Получалась центральная часть клинка. К ней приваривали две полоски из наилучшей стали, которые образовывали режущие края. Затем весь клинок полировали и придавали ему форму. В ходе этого процесса в центральной части клинка образовывался узор: переплетающиеся полосы стали и простого железа выглядели как клубящиеся светлые и темные волны, как извивающиеся змеи, ветви или колосья пшеницы. Конечно, цель сварки была чисто практической, однако полученные узоры так действовали на воображение германских народов, что упоминания о них стали частью обычного словаря поэтов как в Скандинавии, так и у англосаксов. В частности, вполне уместное сравнение меча со смертельно ядовитой змеей продолжало использоваться еще долго после того, как «узорчатаяковка» ушла в прошлое.

Если содержание углерода в клинке было достаточно высоким, то его можно было сделать еще тверже посредством закалки. Для этого меч снова раскаляли и затем охлаждали — так быстро и резко, как только было возможно, погружая его в какую-нибудь

жидкость. Неизвестно, какая именно жидкость использовалась. Вполне вероятно, что это была не просто вода, поскольку в таком случае вокруг раскаленного клинка слишком быстро образовался бы «барьер» из пара, который мог помешать ему охладиться мгновенно. Высказывались предположения, что это могло быть масло, мед или влажная глина. Процесс закалки был строго охранявшейся профессиональной тайной кузнецов. Нередко, что вполне естественно, встречаются и отголоски веры в то, что мечи закаляли в крови и такие мечи были гораздо опаснее обычных. В «Беовульфе» говорится, что один необыкновенно благородный клинок был «закален в крови». В одном из эпизодов «Саги о Ньяле» некто рассказывает, как он встретился с зятем Ньяля, Кари, спасшимся от пожара, в котором погибла вся его семья, и что он держал в руке свой меч — «его лезвие посинело, и мы сказали, что оно, наверно, потеряло закалку, но он ответил на это, что закалит его снова в крови сыновей Сиг-фуса или других участников сожжения Ньяля». У меча Кари было собственное имя — «Усыпитель Жизни».

Наконец, лезвия меча затачивали и всю его поверхность делали гладкой и блестящей с помощью какой-нибудь некрепкой кислоты (уксуса, мочи или дубильной кислоты), в результате чего «узоры» на поверхности выступали еще ярче. Возможно, именно из-за этой обработки кислотой поэты иногда упоминают о «яде» в связи с оружием, поскольку нельзя считать, что оно в буквальном смысле было отравлено. В одной поэме из «Старшей Эдды» описывается меч Сигурда Вэльсунга, причем, судя по всему, имеется в виду именно процесс изготовления:

Был клинок в огне закален, капли яда таил он в себе...

К началу эпохи викингов «узорчатая ковка» была уже старинной техникой, и к концу IX столетия (по крайней мере, на Западе, хотя у шведов в России, возможно, и нет) на смену пришли мечи нового типа, с гораздо более высоким содержанием углерода (до 75 процентов). Углерод равномерно распределялся по всему клинку, так что в «узорчатой ковке» нужды больше не было. Возможно, это улучшение произошло в результате того, что стали доступны более высококачественные руды. Видимо, совершенствовалась и конструкция плавильных печей. Новые лезвия были не только прочнее, но и легче, имели лучшую форму — к концу они резко сужаются и центр тяжести у них ближе к рукояти, поэтому ими было легче наносить быстрые удары. На самых лучших мечах нового типа присутствует инкрустация с именем «Ульвберхт». Впервые такие мечи появляются незадолго до 900 года. Их продолжали изготавливать на протяжении более 200 лет, видимо, потомки и ученики первого Ульвберхта, чье имя продолжали использовать в качестве фирменного знака, который тщательно заделывался в лезвие, так что подделать его было нелегко. По распространению мечей «Ульвберхта» кажется вероятным, что изготавливались они где-то в Рейнской области (которая и в последующие века славилась своими мечниками) и что они импортировались в Скандинавию через Хедебу. Вторая группа мечей — с метками «Ингле-рий» — начали появляться в Скандинавии в X веке; считается, что они франкского происхождения. Неизвестно, были ли более древние мечи «узорчатой ковки» также импортными и откуда в этом

случае их привозили. Неизвестно и то, существовали ли в самой Скандинавии какие-либо центры, где в достаточном количестве изготовлялось высококачественное оружие. Разумеется, должны были изготавливаться и мечи худшего качества из местного озерного железа, поскольку вряд ли большая часть оружия викингов могла быть импортной.

Импортные мечи прибывали в Скандинавию без рукоятей (партия таких лезвий без рукоятей была обнаружена в Хедебю), и уже на месте их приводили в порядок, смотря по тому, какая мода существовала в тот момент и в том месте, где жил новый владелец меча. Рукояти эпохи викингов можно разделить на множество типов по форме их головки и эфеса. Многие из них определенно связаны с различными областями и периодами. Украшения на головках и эфесах также могли быть самыми разнообразными; наиболее ранние густо выложены серебром и бронзой и сплошь украшены чеканкой — плотным узором из небольших колечек и крестиков. В IX и X веке появляются выполненные в серебре или черни орнаменты из текучих, переплетающихся линий; на других — простые и четкие узоры из перемежающихся полосок олова и меди. К концу этого периода на некоторых рукоятках появляются геометрические фигуры, инкрустированные латунью на оловянной пластинке и подчеркнутые медной проволокой. В общем и целом, рукоятки мечей кажутся живыми и яркими, но, кроме того, они были еще и весьма практичны. Мечи викингов отнюдь не были парадными украшениями на доспехах королей: их носили и использовали в бою воины самых различных рангов.

Рис. 63. Оружие

Естественно, до нас дошли только металлические части мечей и связанных с ними аксессуаров. На средней части рукоятки обычно была ручка из дерева, рога или кости. Ножны обычно делались из дерева, которое иногда покрывалось кожей; их всегда обкладывали чем-нибудь мягким и защищавшим от ржавчины — намащенной кожей, овчиной, мехом или навощенной тканью. В начале эпохи викингов на изображениях видно, что ножны носили высоко на левом боку, на перекинутой через плечо перевязи (рис. 64); позднее их стали подвешивать на поясном ремне (рис. 72).

Экипировку викинга довершал круглый щит. Его изготовляли из тонких деревянных пластин, сзади была железная перекладина.

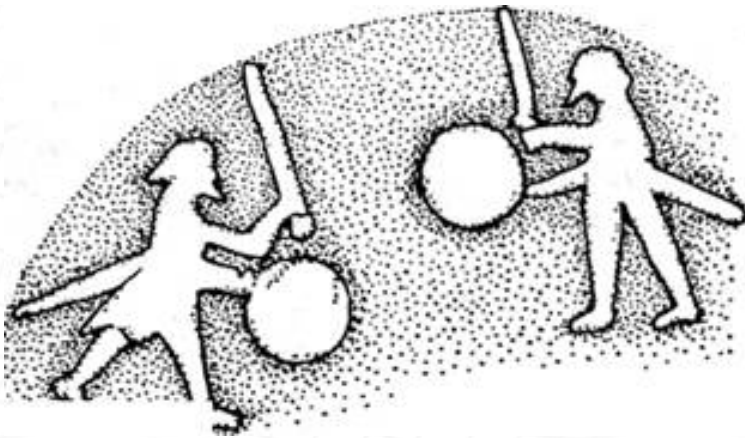
Воин держался рукой за перекладину, пропуская пальцы через отверстие, вырезанное в центре щита и защищенное железной шишкой. Кроме того, щит можно было повесить на ремне, надетом на шею; таким образом, обе руки оставались свободными. На этом же ремне он висел и тогда, когда им не пользовались. На передней стороне щита могла быть кожаная обивка, а вокруг него — оковка из железного обруча. Однако щит старались не утяжелять металлом, поскольку полезность щита зависела не столько от его прочности, сколько от легкости. По той же самой причине щит, как правило, был небольшим: щиты, украшавшие корабль из Гокстада, были примерно метр в диаметре, а те, что показаны на иллюстрациях, зачастую кажутся еще меньше. Щиты или раскрашивали каким-то одним цветом, или делили на сектора контрастного цвета, получая простые геометрические узоры.

Все сказанное относится не к богато украшенным, а к простым щитам, которые в первом же бою рубили в куски, и их оставалось только выбросить. Но существовали и гораздо более роскошные щиты, которые украшали пиршественные залы королей и князей, — огромные щиты с изображениями сцен из сказаний о богах и героях, обитые золотыми пластинками и драгоценными камнями. О них рассказывается в стихах трех поэтов IX века, которые получили такие щиты в подарок и в ответ, дабы восхвалить щедрость дарителя, сочинили длинные пересказы изображенных на них легенд. К несчастью, в поэмах мало говорится о том, как на самом деле выглядели щиты; самое большее, что мы можем сказать, — это что на каждом из них было несколько групп изображений, которые относились к различным мифам и легендам, и что эти картины, судя по всему, были нарисованы или вырезаны на самом щите, а не отчеканены, например, на прикрепленных к нему металлических пластинках.

Таково было оружие викингов. В сагах легко найти описания того, как его использовали, и есть даже несколько изображений поединков, например на лбу одного из шлемов из Венделя (рис. 59), а также на камнях из Готланда (рис. 64, 73). На первом мы видим, что оба воина начали сражение с метания копий и что каждому из них удалось пронзить щит или кольчугу другого; перекрученные древки беспомощно повисли — нам показывают, что они не выдержали удара мечом, и теперь воины сражаются только на мечах. Сломанное копьё заставило одного из сражающихся опустить щит: он потерял бдительность и вот-вот получит смертельный удар.

Сражаясь на мечах, бойцы отнюдь не старались парировать лезвием удар лезвия противника — это испортило бы острие. Вместо этого воин старался отражать удары быстрыми движениями щита, который держали как можно дальше от тела и постоянно перемещали. Самое безопасное было принять основную силу удара плоской поверхностью щита. Принимать удар на его железную оковку было уже рискованно — конечно, меч врага мог разбиться, но, если этого не случалось, щит точно оказывался разрублен. Если оружие врага увязало в щите, то быстрым движением можно было его отшвырнуть или даже разбить. Щит играл в сражении весьма активную роль, однако сам по себе был очень «раним». В формальных поединках каждый из сражающихся мог пользоваться щитом и брать новый, когда первый оказывался разрубленным в куски. А кое-где можно прочесть и о том, что бойцы договаривались сделать перерыв для того, чтобы взять новые щиты.

Меч почти всегда использовался для рубящих, а не колющих ударов. Он весил от 2 до 3 фунтов, и обычно его держали только в одной руке, хотя смелый боец мог отбросить щит или перевесить его на спину и использовать обе руки, чтобы нанести более тяжелый удар.

Многие могли держать меч и в левой руке, быстро перекладывая его из руки в руку — либо при ране в руку, либо стараясь вконец запутать противника. Излюбленной тактикой викингов было нанести тяжелый боковой удар по голове или отрубить руку или ногу противнику. Как говорил датский историк Саксон: «В старину в сражениях люди не стремились быстро и непрерывно обмениваться ударами; бывали перерывы и определенная очередь в ударах; весь поединок заканчивался несколькими ударами, но удары эти были ужасны. Почиталась скорее мощь, нежели число ударов».

В изложении Саксона сражение выглядит довольно статично, однако саги вносят в эту картину некоторые поправки. Напротив, поскольку защитное оружие было таким легким, без ловкости и скорости не стоило рассчитывать на выживание. Бойцам приходилось все время увертываться, отклоняться, «нырять», отпрыгивать вбок или назад, чтобы избежать ударов по ногам; они постоянно двигались, как современные боксеры на ринге. Чувство равновесия было жизненно необходимо. Саги с восхищением рассказывают о настоящих чудесах акробатики, показанных во время поединков. В «Саге о Людях с Песчаного Берега», например, говорится, что человек по имени Стейнтор спас своего поскользнувшегося на льду во время боя друга, подбежав и бросив на него собственный щит, чтобы отразить удар, в то время как другой рукой отрубил нападавшему на друга противнику ногу и в тот же самый момент подпрыгнул так, что удар, направленный в Стейнтора другим врагом, прошел у него между ног, не нанеся никакого вреда. В «Саге о Ньяле» приводится еще один прекрасный пример, также касающийся сражения на льду: Скарпхедин, сын Ньяля, увидел врагов на дальней стороне частично замерзшей реки, побежал сломя голову вниз по берегу, перепрыгнул через открытую воду, приземлился на гладком льду, удержал равновесие и заскользил «быстро, как птица». Он настиг врагов столь стремительно, что их предводитель не успел даже надеть шлем. Скарпхедин налетел на него, расколол ему череп топором и убежал прежде, чем кто-либо успел до него дотронуться. Кто-то бросил ему под ноги щит, чтобы он потерял равновесие, однако Скарпхедин перепрыгнул через щит и заскользил по льду прочь.

В массовых сражениях военная техника мало чем отличалась от той, что использовалась в сражениях один на один или между маленькими группками воинов. Битва начиналась с обстрела — летели стрелы, копья и камни. Но вскоре начинался рукопашный бой, который обычно представлял собой ряд поединков. Предпринимались лишь самые элементарные попытки собрать и скоординировать группы людей в какие-то стратегические построения. Одним из примеров может служить защитная «стена щитов», которую образовывали отборные бойцы, если удача склонялась на сторону врага: они собирались в тесный круг, щит каждого воина соприкасался со щитом его товарища. Так они стояли, пока не отобьют атаку или пока все не погибнут. Другое построение называлась «свинья»: бойцы шли в атаку клином, причем авангард называли «рылом». Как сам маневр, так и его название были усвоены столетия назад от римских легионов, которые называли его *caput porcinum* (свиная голова), а согласно скандинавской легенде, изобрел его сам Один. Однако подобные приемы играли лишь незначительную роль: в основном исход сражения зависел от боевых навыков каждого человека.

Короли эпохи викингов предпочитали сражаться на порту корабля в спокойных водах фьорда. Сосредоточившись, флоты плыли друг к другу, движимые при помощи гребцов; мачты при этом опускали. У некоторых кораблей могла быть железная рама, привязанная к носу, способная действовать как таран или просто мешать нюрдажу, а на некоторых можно было поднять деревянные щиты, отражавшие стрелы. Иногда несколько кораблей связывали вместе, чтобы их носы образовывали одну линию, и это давало некую «платформу» для сражений. В этом случае битва начиналась с пускания стрел и метания копий, затем корабли сближались и сцеплялись; бойцы шли на абордаж и сражались врукопашную, а после, говоря словами поэта, ликовавшего по поводу победы Харальда Прекрасноволосого над своими врагами при Хаврсфьорде:

Ползли на карачках Под скамьи раненые, Мужы головами Киль прошибали. Под градом камней Удирали премудрые, Черепицами Вальгаллы Прикрывши спины. Как стадо баранов На восток пустилось Домой с Хаврсфьорда — Утешиться медом.

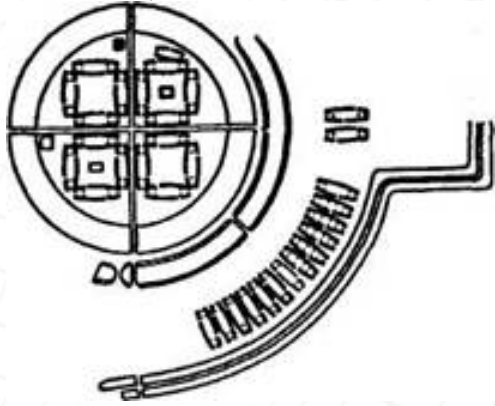
Воюя друг с другом, скандинавы скорее предпочитали вступать в открытые сражения, нежели укреплять и осаждать крепости, хотя они и воздвигали оборонительные валы вокруг некоторых центров торговли и своих лагерей. Однако нападения на Англию и континент, естественно, должны были научить викингов брать укрепленные города и мосты, используя тараны, катапульты, стенные буравы, штурмовые лестницы и тому подобные средства, а также защищаться плетеными щитами во время атак. Они также стали строить собственные укрепленные лагеря, и действительно, многие земляные укрепления во Франции и Англии называются «датскими рвами» или «датскими лагерями», хотя пока нет безоговорочных доказательств, что хотя бы одно из них принадлежало викингам.

Крупнейшими укреплениями из когда-либо воздвигнутых скандинавами являются сложные системы земляных валов, получившие название Даневирке. Они идут на протяжении почти 9 миль по основанию полуострова Ютландия — от начала фьорда при устье Шлеи до болот близ реки Трине. Строительство Даневирке началось в 808 году по распоряжению короля Дании Годфреда, который решил защитить свои южные границы от франков и саксов. Валы постоянно укрепляли в течение последующих веков, добавляя различные палисады, башенки и парапеты. Необходимость в этом великом образце защитного искусства возникла из-за риска атак с континента на Данию и прежде всего на торговый город Хедебю, который находился непосредственно к северу от защитных линий. Ничего подобного в Скандинавии не существует.

В Дании также находятся остатки четырех огромных военных лагерей, которые господствовали над морскими и сухопутными дорогами: Треллеборг на западе Зеландии, Аггерсборг на полпути вдоль Лимфьорда в Северной Ютландии, Фюркат на мысе чуть к югу от него и Ноннебакен в середине современного города Оденсе. Все они датированы примерно второй половиной X и началом XI столетий, хотя крупнейший из них, Аггерсборг, может быть более поздним, чем все остальные. Таким образом, они принадлежат к последней фазе эпохи викингов, когда могущество датчан было в 1сните при таких сильных королях, как Свейн Вилобородый и Кнут Великий.

Все эти лагеря поражают как однообразием, так и точностью своей конструкции. На плане Треллеборга сразу видны его основные особенности: совершенно круглая ограда с четырьмя воротами; две дороги точно разделяют внутреннюю территорию на четверти; вокруг нала проходит дорожка. Четыре группы из четырех домов, одинаковых по размеру и плану, образуют аккуратный квадрат. За пределами этих построек находил-•ч второй вал (это была особенность одного 1рсллеборга), в виде дуги второго концентрического i руга: он опоясывал внешний двор, на котором ради-і м.по стояли 15 домиков поменьше, кроме двух,

построенных чуть в стороне, по бокам от дороги. Внешний вал и не должен был образовывать полного круга, поскольку реки и

озеро служили естественной защитой лагерю; вместо этого вал поворачивал в сторону и огораживал четырехугольное пространство, которое использовали как кладбище, и оно, возможно, существовало еще до постройки лагеря. Симметрия Треллеборга почти безупречна; три или четыре постройки во внутренней части, которые не входят в схему, видимо, служили каким-то особым целям: сторожки у ворот и, может быть, дома для командующих. Планировка была выполнена с математической точностью. В качестве единицы измерения использовался римский фут, равный 11,3 дюйма (около 28,8 сантиметра). Это, видимо, означало, что инженеры, строившие лагерь, научились своему искусству в Византии. Сама постройка тоже была выполнена очень тщательно: дорожки

замостили деревом; валы, все одинаковой высоты и толщины, внутри укреплены бревнами, а снаружи — частоколами; на входах были построены крытые ворота, образовывавшие туннели, которые закрывались массивными двойными дверями — тяжелые ключи и ручки от них были найдены там, где они упали.

План самих домов ясно определяется по следам от столбов в земле. Боковые стены были значительно загнуты внутрь; матица была прямой. Внутри дом делился двумя стенами на большой центральный зал и две маленькие комнаты в торцах. В комнатах находились мощные столбы, которые поддерживали крышу. Было четыре двери — по одной в каждом торце (они вели в маленькие комнаты) и по одной в каждой боковой стене — обе открывались в центральный зал. Если два дома стояли друг напротив друга по двум сторонам дороги, то двери в них не делали лицом к лицу, чтобы при общей тревоге два потока людей не столкнулись бы и не стали мешать друг другу. Такая деталь типична для тщательной планировки подобных лагерей.

Люди жили в центральном зале. Они сидели и ели вокруг обложенного камнем очага, расположенного в центре пола, и спали на возвышении возле стен дома (см. вклейку). Если пространство использовалось полностью, то в каждом доме могло жить примерно 75 человек. Приблизительно такое количество бойцов могло находиться на одном боевом корабле. Было высказано предположение, что в каждом доме размещалась команда одного корабля боевого флота датских королей. Небольшие комнаты в торцах, видимо, были кладовыми для еды и напитков, которые иногда держали в обложенных досками ямах в полу; в некоторых могли быть и склады оружия. Дома во внешнем дворе, наверное, также использовались под склады, а может быть, и под мастерские. В любом случае только в двух из них есть главный признак жилого дома — очаг.

Хотя план домов в Треллеборге вполне очевиден, не совсем понятно, из какого именно материала они были построены. Положение стен отмечено внутренним рядом неглубоких ям от досок, поставленных очень близко друг к другу, и внешним рядом мощных ям, располагавшихся примерно на расстоянии метра одна от другой. Эти детали можно объяснить по-разному. Автор одной реконструкции предполагает, что это был высокий дом с дощатыми стенами и крышей из деревянной черепицы, а ряд столбов поддерживал необычно большую крышу, так что вокруг здания проходила своеобразная крытая галерея (см. вклейку). Согласно другому предположению, пространство между досками и столбами было заполнено землей и торфом: получалась длинная, низкая стена, такая, как в норвежских или исландских домах, а крыша тоже была из торфа и сравнительно низкая.

Три других лагеря очень напоминают Треллеборг, за тем лишь исключением, что там нет внешнего двора или внешнего вала. Хотя Фюркат построен по точно такому же плану, что и главный двор в Треллеборге, он несколько меньше как и в общем масштабе, так и в том, что касается отдельных домов, которые были той же формы, но при этом представляли собой обычные мазанки. Меньшая толщина вала восполнялась сложным каркасом из бревен и высоким палисадом. Кладбище располагалось вне лагеря; к нему можно было подойти по специальной дороге, которая вела на насыпь, возможно служившую для погребальных церемоний. Некоторые погребения на кладбище были христианскими, а некоторые — языческими, с богатым погребальным инвентарем. Лагерь в Ноннебакене нельзя было раскопать полностью из-за того, что над ним расположился современный город. Аггерсборг на сегодняшний день — крупнейший из таких лагерей; в нем в три раза больше домов, и они расположены по более сложному плану. Длина каждого дома составляет 110 римских футов (в Треллеборге — 100); вал исключительно массивен, а ворота некогда, возможно, были увенчаны деревянными башенками.

Несомненно, что в бараках военных лагерей размещалось значительное число воинов: было подсчитано, что в Фюркате могли располагаться около 800 человек, в Треллеборге — 1200, а в Аггерсборге, возможно, до 3000 (даже учитывая, что многие здания могли быть отведены под склады еды или оружия или служить кузницами). Обычно считается, что это были штаб-квартиры наемных армий, собранных Свейном и Кнудом; Аггерсборг лежит на Лимфьорде, где огромный флот Кнута собирался для вторжения в Англию в 1015 году. Разумеется, лагеря отражают позднюю стадию истории викингов, когда они уже не совершали набегов небольшими отрядами, сформированными для конкретной кампании, но служили за плату в хорошо организованных армиях могущественного монарха, который вел войну не ради добычи, но ради завоевания царства.

Если считать, что математическая точность планировки этих лагерей говорит о характере тех, кто их строил, там должна была господствовать железная дисциплина. Память о подобных военных общинах, возможно, лежит в основе в целом фантастической «Саги о ёмсви-кингах», где рассказывается об отряде воинов, якобы действовавшем на Балтике в конце X века. Жили они в крепости, под властью строгих законов. В отряд не мог попасть тот, кому было меньше 18 или больше 50 лет. Никого нельзя было принять в угодку родственнику. Каждый участник отряда должен был мстить за другого как за родного брата; никто не имел права ни словом выдавать свой страх. Всю добычу надо было сносить в одно место. Новости надлежало передавать только вождю. Ни одна женщина не допускалась в лагерь; ни один воин не мог отсутствовать в лагере более трех ночей; никто не мог затевать ссор. Даже если один из ёмсви-кингов некогда убил близкого родича другого, то тот должен был не мстить, а вынести дело на суд вождя.

В каких-то отношениях жизнь в Треллеборге не была столь суровой, как можно подумать по истории о ёмсви-кингах. Здесь были похоронены несколько женщин и один ребенок, найдены женские орудия для прядения и ткачества, а также несколько серпов и лемехов, и это заставляет предполагать, что некоторые припасы происходили из собственного хозяйства воинов. Возможно, такие лагеря были не просто средоточием барачков: в то время, когда король и основная армия отправлялись в поход, некоторые воины оставались дома, чтобы охранять берега от неожиданных набегов или подавлять любые внутренние восстания. Неизвестно, в течение какого времени лагерь продолжали использоваться, хотя мы знаем, что в 1086 году Аггерсборг был захвачен во время крестьянского восстания.

Рис. 66. Ранний шведский рунический камень с памятной поэтически-магической Надписью

Люди, которые служили в армиях Свейна или Кнута, прибывали со всей Скандинавии. Некоторые из них, чьи имена знакомы нам по руническим камням, воздвигнутым в память о них дома, были шведами, например Ульф из Борресты, на чьем камне гордо написано, что он «взял три данегельда в Англии»; он вполне мог жить в одном из этих лагерей как воин Кнута во время его третьей экспедиции. На другом камне говорится о человеке, который отправился из дома, чтобы присоединиться к армии, отплывавшей в Англию, но не добрался дальше Ютландии, где и умер и, может быть, был похоронен на кладбище в Аггерсборге или Фюркате. На его камне написано:

«Дьярф и Урокья и Виги и Егейр и Гейрхьяльм, все братья, воздвигли этот камень в память Свейна, своего брата. Он умер в Ютландии, но должен был отправиться в Англию. Пусть Бог и мать Божья помогут его душе и духу лучше, чем его собственные деяния».

«Викинги. Быт, религия, культура» Жаклин Симпсон

[Следующая страница >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

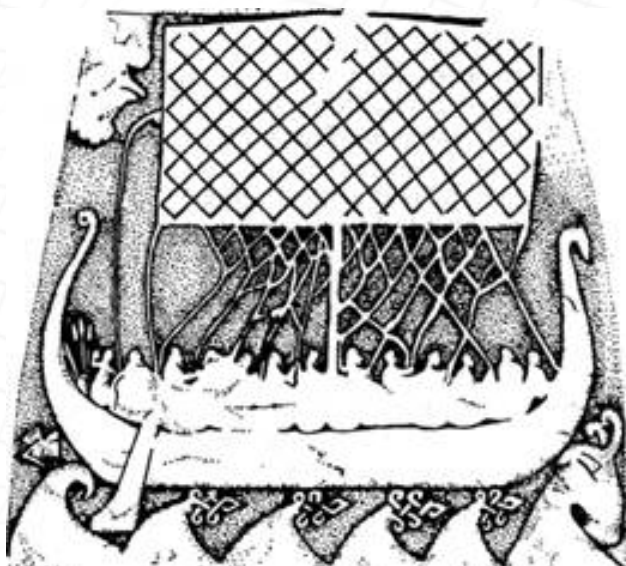
[Оглавление книги >>>](#)

лучшие книги от издательства ЦЕНТРПОЛИГРАФ

[РЕКОМЕНДУЕМ: лучшие книги от издательства ЦЕНТРПОЛИГРАФ>>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ВИКИНГИ

Быт, религия, культура

Глава 7. Семья и общество

Семейные связи были для викингов чрезвычайно важны. Люди гордились своими предками, помнили родословные за много поколений, имели высокое чувство долга по отношению к родным. Семья (в широком смысле этого слова, включая дядей и двоюродных братьев) была сплоченной группой; ее члены держались друг друга во всех трудных ситуациях и мстили за нанесенные родственникам обиды. У них было сильное общее чувство чести: оскорбление одного из них становилось оскорблением всем, и наоборот, позор, который навлек на себя трус, предатель, тот, кто совершил позорное преступление, также касался всей семьи. Кроме того, существовала общая ответственность: если один человек несправедливо убил другого, то платить за это штраф должен был не только сам убийца, но и его близкие родственники (доля, которую вносил каждый, определялась местным обычаем) и эту сумму разделяли по аналогичной пропорции среди родичей убитого. В интересах семьи было поставить на место неуправляемого, агрессивного родича прежде, чем он успеет наделать бед, даже если после семейная честь требовала помочь преступнику как только возможно.

Однако в то же самое время авторитет семьи не подавлял независимости и предприимчивости — до тех пор, пока все это не затрагивало честь. Сыновья были свободны в выборе образа жизни, будь то дома или за границей. В общем и целом кажется, что и дочерей вряд ли выдавали замуж против их желания, хотя в основном брак и был предметом соглашения между мужчинами из обеих семей. Семья давала помощь и совет, однако она никогда не была всемогущим авторитетом, перед властью которого отдельный человек должен был отойти на задний план.

Женщины имели достаточно высокий статус как по правовой теории, так и в повседневной практике. Они могли владеть землей и управлять собственностью, у них был полный авторитет в делах хозяйства, и нередко им приходилось в одиночку управлять фермой, пока мужа отсутствовали. Они не могли вести судебные процессы, но, если верить сагам, их неутомимая энергия нередко подливала масла в огонь кровной вражды, даже когда мужчины с удовольствием завершили бы ее. Есть даже упоминания о женщинах, обладавших личной властью, как, например, Ауд Мудрая, вдова царствовавшего в Ирландии викинга, которая руководила эмиграцией своей семьи и дружинников через Оркнейские и Фарерские острова в Исландию и которая распределяла между ними землю, как настоящий вождь. Позднее и шведские камни с рунами говорят о богатстве и активности женщин: на надписях говорится, что их заказали скорбящие супруги или дочери, и они строили в память об умершем насыпи и мосты. Некоторые из камней были воздвигнуты в память самих женщин; об одном таком камне уже упоминалось. Другой, весьма элегантный, был поставлен мужчиной в память о своей жене Одингсе: «Никогда не придет в Хассмюру лучшая жена, чтобы заботиться о хозяйстве» (рис. 67).

Рис. 67. Рунический камень в память доброй жены

Законная жена отличалась от наложниц (которых у богатых мужчин было много) тем, что муж платил за нее выкуп; как правило, она также получала приданое от отца и подарок от мужа в день после свадьбы. Первая и третья из этих сумм становились ее собственностью, и, если брак кончился разводом, муж обязан был выплатить приданое. На законной свадьбе, кроме того, должно было быть торжественное питье «свадебного эля» перед свидетелями, и свидетели должны были отвести мужчину в постель жены. При этом жена сохраняла свое имя и имя своего отца (отчество) и никогда не порывала связей со своими родичами. Если между ними и ее мужем разгорался конфликт, то, судя по всему, она могла встать на любую сторону, смотря по тому, на чьей стороне была правда. Двух героинь в цикле легенд о Вёльсунгах даже восхваляют за то, что они лично взяли на себя мрачную кровную месть своим мужьям ради погибших братьев.

Развод был нетрудным делом и не оставлял никакого пятна на том, кто выступил его инициатором, будь то жена или муж. Все, что было нужно, — это объявить перед свидетелями причину своего недовольства партнером и сообщить о желании развестись. У нас нет полного списка приемлемых причин для развода, поскольку все упоминания об этих вещах были выброшены из кодексов законов перед тем, как они были записаны в христианские времена; в сагах фигурируют такие причины, как импотенция, ношение женой штанов, а мужем — излишне женственной рубашки и дружелюбие мужа по отношению к человеку, который убил брата жены.

Главной особенностью законов о наследстве был «одаль» — закон, касавшийся наследования земли. Согласно ему, владение

родовым хозяйством принадлежало всей семье; после кончины отца его получал старший сын, однако он должен был выплатить своим братьям компенсацию за их долю в хозяйстве. Это предотвращало неэкономное деление владений и должно было заставлять младших сыновей искать себе новых земель или расчищая целину, или отправляясь за море. В то же самое время, поскольку владелец мог продать землю (при условии, что он разделит цену с совладельцами), эта система была менее жесткой, чем майорат.

Майорат — наследование родового поместья (как правило, старшим сыном или другим ближайшим родственником по мужской линии) без права продажи.

Другие участки земли, скот и серебро можно было разделить между ближайшими наследниками, и в кодексах законов даются детальные правила, определяющие порядок наследования и способ раздела. Необычайно сложные случаи запечатлевались на века; например, надпись на скале в Хиллерсьё в Швеции (рис. 68) объясняет, как женщина по имени Гейрлауг стала наследницей собственной дочери, вдовы, вышедшей снова замуж и унаследовавшей свою собственность от сына от первого брака:

«Читай эти руны! Гейрмунд женился на Гейрлауг, тогда девице. Позднее у них был сын, а затем Гейрмунд утонул. Потом сын

Сноттсы взял ее в жены. Потом он умер, и их сын тоже умер, и мать [Инга] стала наследницей своего сына. Потом Инга взяла в мужа Эйрика. Потом она умерла. Потом Гейрлауг унаследовала это наследство после своей дочери Инги. Поэт Торбьёрн вырезал эти руны».

Рис. 68. Рунический камень из Хиллерсьё

Незаконных детей было множество, поскольку большинство мужчин жили со своими рабынями, а у многих были и постоянные наложницы. По норвежскому закону сын рабыни становился рабом, если только ему не даровали свободу в законном порядке. У других не-

законнорожденных были определенные права: например, они могли получить небольшую часть виры за убийство отца или брата и наследовать некоторые не слишком ценные предметы от отца. Но на самом деле нередко их участь была гораздо более завидной, и разница между законной женой и наложницей стиралась настолько, что статус детей почти не зависел от этого. В королевской семье Норвегии незаконный сын не раз становился королем.

В любом случае, если отец усыновлял незаконнорожденного сына, тем самым он полностью уравнивал его с законными детьми. В Дании и Швеции вся процедура состояла в сажании ребенка на колено усыновителя. Затем следовало публичное объявление об усыновлении на собрании. В норвежских законах мы находим более красочную церемонию: сначала усыновитель резал трехлетнего вола и делал сапог из кожи на его правой ноге; затем ОН устраивал пир, в ходе которого этот сапог ставили в центр зала, и сперва усыновитель, потом ребенок, а потом все домашние по очереди ставили в него правую ногу, тем самым подтверждая, что ребенок стал полноправным членом семьи.

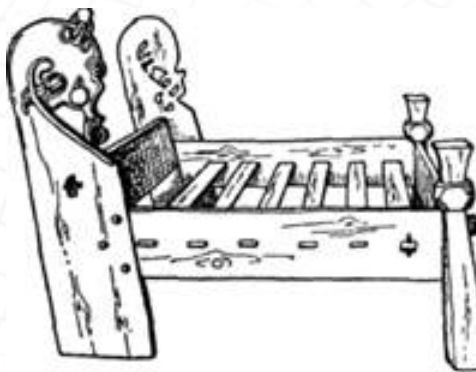

Рис. 69. Кровать из Усеберга

Новорожденного ребенка надо было сначала показать отцу. Если ребенок был болезненным или уродливым, отец мог велеть выбросить его и оставить умирать. Араб ат-Тартуши сообщает, что бедность нередко заставляла жителей Хедебю топить своих детей. Хозяева также могли приказать выбросить ребенка, рожденного среди рабов, чтобы в доме не было лишнего рта. Однако если ребенка оставляли в живых, то его обрызгивали водой — видимо, это был настоящий языческий обычай, а не простое подражание крещению. Затем отец выбирал имя, предпочтительнее такое, чтобы оно приносило удачу, или такое, которое носил недавно умерший родич, зачастую дядя или дедушка ребенка. Имена некоторых богов (особенно Тора) часто использовали в качестве элементов личных имен; первоначально это был признак того, что ребенок находится под защитой божества. Скандинавы использовали только личное имя и имя отца (например, «Хельги, сын Торстейна» или «Тора, дочь Торстейна»). Фамилий в современном смысле этого слова не было, хотя у некоторых семей, королевских или аристократических,

могло быть какое-то коллективное имя, обозначающее происхождение от знаменитого предка. Чтобы выделить человека, носившего обычное имя, нередко использовали прозвище, однако прозвище он получал, только когда становился взрослым, и оно относилось к его внешнему виду или характеру, а то и к определенному поступку, похвальному или смешному. Чтобы отпраздновать наречение имени, ребенок получал подарок, а позднее — еще один, когда у него прорезывался первый зуб. Получение прозвища также могло стать поводом для подарка, если прозвище было комплиментом.

Детей обычно воспитывали дома, однако мальчик очень часто проводил часть своего детства как приемный сын в другом доме, и отнюдь не по причине бедности: таким образом между двумя семьями образовывались узы почетной дружбы. В случае возникновения кровной вражды или в других трудных ситуациях мальчик мог ждать от семьи приемных родителей такой же помощи, как от кровных родственников, нес по отношению к приемной семье те же обязанности, что и к родной, и оставался очень привязанным к приемным родственникам на всю оставшуюся жизнь.

В языческую эпоху образования как такового не было, и даже позднее христианских школ было мало, и они были очень небольшими. Дети учились сельскому хозяйству и другим ремеслам, просто помогая взрослым в домашней работе по мере своих возможностей, и тренировались в воинском деле, сражаясь друг с другом. Ребенка, у которого был талант к какому-нибудь особенному ремеслу, вероятно, посылали учиться в другой дом, если им не владели в его собственной семье; таким же образом могло передаваться знание законов, истории и стихотворства, однако у нас нет никаких упоминаний о том, что ученые люди и знаменитые поэты собирали какие-то формально организованные группы учеников.

Считалось, что молодые люди должны работать не покладая рук. Никого так не презирали, как «жевателя углей» («запечника») — мальчика, который упорно сидел рядом с кухонным очагом, пока остальные были в поле. Юноши должны были быть смелыми, и, если даже при этом спорили со старшими, этим скорее восхищались, чем порицали. Если автор саги говорит о ком-нибудь, что «с этим мальчиком трудно было справиться; он был своеволен и драчлив», то это отнюдь не порицание.

Снорри рассказывает интересную историю о том, как святой Олав, который уже был знаменитым воином и королем Норвегии, проверял трех своих маленьких единоутробных братьев: он сажал их на колени и корчил страшные рожи; двое старших были напуганы, но трехлетний Харальд бросил в ответ свирепый взгляд и сильно дернул Олава за усы, на что Олав одобрительно заметил: «Ты, брат, видно, никому не будешь давать спуску!» На следующий день король и его мать Аста увидели, что все трое мальчиков играют у пруда; Хальвдан и Гутхорм строили маленькие фермы, но Харальд пускал по воде щепочки, которые называл «боевыми кораблями»:

«Конунг подозвал Хальвдана и Гутхорма и спросил Гутхорма:

— Что бы тебе больше всего хотелось иметь?

— Поля, — ответил тот.

Конунг спросил:

— А большие ли поля?

Тот ответил:

— Я хочу, чтобы каждое лето засевался весь этот мыс.

А на том мысу было десять дворов. Конунг сказал:

— Да, много хлеба там могло бы вырасти.

Потом он спросил Хальвдана, что бы тот больше всего хотел иметь.

— Коров, — ответил тот.

— А сколько же ты хочешь коров? — спросил конунг.

— Столько, что, когда они приходили бы на водопой, они стояли бы вплотную вокруг этого озера.

Конунг сказал:

— Вы оба хотите иметь большое хозяйство. Таким же был и ваш отец.

Потом конунг спросил Харальда:

— А что бы тебе больше всего хотелось иметь?

Тот отвечает:

— Дружинников.

— А сколько же ты хочешь дружинников?

— Столько, чтобы они в один присест могли съесть всех коров моего брата Хальвдана.

Конунг улыбнулся и сказал Асте:

— Из него, мать, ты, верно, вырастишь конунга».

Олав был совершенно прав, поскольку мальчик, когда вырос, стал королем Харальдом Хардрадом, чья полная приключений жизнь окончилась в 1066 году в Англии, в битве при Стэмфорд-Бридж.

По закону в 12 лет мальчик становился взрослым. Как правило, он оставался дома еще в течение нескольких лет, но иногда мог отправиться с викингами в поход даже в таком раннем возрасте: например, святому Олаву было только 12, когда он попал на корабль, которым командовал его приемный отец, и еще подростком (все юношеские годы он провел в набегах) сам стал вождем. Большинство молодых людей, собрав богатство за годы разбоя, возвращались домой, чтобы вести спокойную крестьянскую жизнь. Местные условия определяли, возвращался ли женатый сын в дом отца, строил ли новый дом рядом с его домом (как в Ярлсхофе) или перемещался на несколько миль от него (как обыкновенно бывало в Исландии). Конечно, многие решали поселиться за морем, и там к ним присоединялись их родственники. Другие проводили большую часть жизни, сражаясь на службе у того или другого вождя, и уже никогда не возвращались к сельскому хозяйству.

Хотя, конечно, семья и была очень важна, в жизни викингов играли большую роль и другие отношения. О связи между вождем и дружинником будет рассказано ниже. Существовали и взаимные обязательства между хозяином и гостем, а также такие, которые подарок налагал на того, кто его получил.

В Скандинавии, как и в Древней Греции, подарок означал нечто гораздо большее, чем простая любезность: он фиксировал взаимные обязательства (господина и дружинника, хозяина и гостя, друга и друга); он приносил честь получателю и обязывал его ответить подобающим образом — либо подарив в ответ какую-либо материальную ценность, или, чаще, давая дарителю защиту, помощь и верность, поскольку, как гласила скандинавская пословица, «подарок всегда ищет отдарок».

Дружба очень ценилась. Те, кто хотел этого, могли сделать дружбу столь же вечной, как и кровные узы, торжественно заключив кровное побратимство. Буквально у скандинавов это «побратимство» называлось тем же словом, что и отношения тех, кто

воспитывался вместе в приемной семье, но это только так говорилось: кровными побратимами становились взрослые люди, хотя побратимство и напоминало связи между ребенком и его приемной семьей, поскольку оно устанавливало связи, аналогичные кровному родству. Есть много рассказов об этой церемонии; самый лучший можно найти в «Саге о Гисли»:

«Вот идут они на самую стрелку косы и вырезают длинный пласт дерна [то есть длинную полосу, образовывавшую почти полный круг], так что оба края его соединяются с землей, ставят под него копьё с тайными знаками, такой длины, что стоя как раз можно достать рукою до того места, где наконечник крепится к древку. Им... надо было всем четверым пройти под дерном. Потом они пускают себе кровь, так что она течет, смешиваясь, в землю, выкопанную из-под дерна, и перемешивают все это, кровь и землю. А потом опускаются все на колени и клянутся мстить друг за друга, как брат за брата, и призывают в свидетели всех богов. Но когда все они подали друг другу руки...»

Символизм вполне очевиден: арка-петля из торфа символизирует лоно Матери-Земли, через которое проходят друзья, чтобы снова «родиться» уже как братья; они смешивают в земле свою кровь как знак того, что теперь они одной крови и приносят клятву. Тем самым они берут на себя обязательства, соответствующие их новому «родству», и подтверждают их, подавая друг другу руки — обычное завершение всех сделок.

Таковы были отношения, обычно связывавшие человека с ближайшим кругом тех, кто был равен ему, с его семьей и друзьями. В то же самое время, хотя общество викингов отнюдь не делилось на классы так четко, как во многих других культурах, человек должен был занять свое место в простой социальной иерархии. В прошлом зачастую существовала наивная тенденция рисовать жизнь викингов как некую демократическую идиллию, где весь уклад определялся только совместными решениями всех свободных мужей, которые принимались после споров и вынесения приговоров на тингах (собраниях). На самом деле, как будет показано ниже, юридические и политические решения тингов были в руках местных вождей и исход споров решала отнюдь не абстрактная справедливость, а сила. Конечно, вполне очевиден яркий контраст между Скандинавией и исключительным социальным неравенством в феодальной Европе, и точно так же очевидно, что средний викинг во многом был предприимчивым индивидуалистом. Тем не менее, мир викингов отнюдь не был миром, где все люди равны.

Есть даже одна исландская поэма — «Песнь о Риге», которая целиком посвящена классовым различиям и их происхождению. Там рассказывается, как бог по имени Риг бродил по свету и посетил три дома, в каждом из которых он делил стол и постель с хозяином и хозяйкой дома и зачал сына, который стал предком целого класса людей. Первый дом — это простая хижина, еда в которой — хлеб из грубо смолотой муки с офубьями и простая похлебка. Зачатого там сына назвали 1|Гль (Раб):

Кожа в морщинах была на руках, узловаты суставы, толстые пальцы и длинные пятки, был он сутул и лицом безобразен. Затем Трэль соединяется с Тир (Рабыней), которая выглядит соответственным образом, и множество их детей обречены на тяжкий труд:

Удобряли поля, строили тыны, торф добывали, кормили свиней, коз стерегли.

Затем Риг посещает добротный построенный дом, где могучий, хорошо одетый хозяин мастерит прялку, в то время как его жена в безрукавке и украшениях занимается прядением. Здесь Ригу подали тушеную телятину и сладости, и он зачал розовощекого мальчика по имени Карл (Крестьянин), который ведет крестьянскую жизнь:

Быков приручал, и сохи он ладил, строил дома, возводил сараи, делал повозки, и землю пахал.

Крестьянин женится на Снёр (Снохе), которая ходит в льняной рубашке и одежде из козьей шерсти и владеет связкой ключей. Их сыновья носят такие имена, как Боец, Дружинник, Земледелец, Кузнец и Землевладелец, и от них происходят все крестьяне. Наконец, Риг приходит в большой зал, где очень богато одетые мужчина и женщина сидят без дела и смотрят в глаза друг другу. Здесь ему подают пшеничный 'хлеб, жареную свинину и дичь на серебряных тарелках; они пьют вино из отделанной серебром кружки. Сына, которого он зачал здесь, назвали Ярлом:

Румяный лицом, а волосы светлые, взор его был, как змеиный, страшен. Ярл в палатах начал расти; щитом потрясал, сплетал тетивы, луки он гнул, стрелы точил, дротик и копья в воздух метал, скакал на коне, натравливал псов, махал он мечом, плавал искусно.

Затем появляется сам Риг, который учит этого прекрасного юношу мудрости, называет его своим сыном и побуждает завоевать себе землю, которая стала бы владением его сыновей. Так Ярл идет на войну, завоевывает земли и получает богатство, чтобы раздавать его своим дружинникам. Затем Ярл женится на благородной девушке и зачинает сыновей, которых зовут Наследник, Наследство и Юноша. Самого младшего из сыновей зовут Кон («Кон юный» — каламбур, намек на слово «конунг»). Он, в свою очередь, становится любимцем Рига и узнаёт от него тайны рун. Хотя, к несчастью, поэма не сохранилась полностью, вполне очевидно, что Кону суждено превзойти величие своего отца и стать королем.

Дата поэмы спорна. Некоторые ученые считают, что она датируется X веком и воплощает подлинные представления эпохи викингов, а другие полагают, что она была сочинена гораздо позже и не имеет корней в подлинной традиции. В общем и целом, перед нами трехчастное деление людей на рабов, крестьян-земледельцев и аристократический класс, в который входят ярлы и короли, что вполне соответствует основным классам общества эпохи викингов. С другой стороны, картина здесь оказывается несколько искаженной: границы между классами представляются более острыми и непреодолимыми, чем это могло быть в действительности, и к тому же предполагается, что принадлежность к определенному классу передается по наследству.

На самом деле то время было периодом значительной социальной мобильности. Даже люди, которые стояли на самых низких ступеньках социальной лестницы, рабы, нередко получали свободу и им позволяли завести небольшое собственное хозяйство. Более того, кто-то, а викинги должны были прекрасно понимать, что люди становятся рабами не по наследству и не по воле высших сил: это те, кому просто не повезло и кто попал в плен во время набега. У свободных людей также было множество способов улучшить свое положение. Те, кто не имели земли, могли отправиться за море; разбой или служба в королевской дружине за плату могли принести богатство; можно было получить выгоду от ремесла и торговли. Интересно, что в «Песне о Риге» не упоминается купец. Конечно, нельзя ожидать, что купцов будут считать отдельным социальным классом, но, наверное, было бы уместным назвать Купца среди сыновей Крестьянина. Как бы то ни было, поскольку Купца и Викинга явно не хватает, поэма изображает излишне статичную картину, не упоминая о двух основных способах получить богатство, которое — как и везде в мире — становилось ключом к продвижению по социальной лестнице. Если человек, у которого было богатство и земля, обладал сильным характером, он вполне мог стать местным вождем и обрести дружинников, которые искали бы его покровительства. В свое время он или его сыновья могли пересечь достаточно нечеткую границу между богатым крестьянином и местным князем — эти люди отличались от яр-лов и даже королей только по масштабу, а не по сути.

Более того, между скандинавским обществом и обществом феодальным, которое в то время возникало повсюду в Европе, была

одна существенная разница: здесь каждый человек владел землей совершенно свободно, он не должен был платить никакому землевладельцу ни налогов, ни аренды. Конечно, в случае распри с соседями ему могла понадобиться защита со стороны вождя, и он сам должен был верно служить своему вождю при разрешении возникших у того распрей и во время войны, сражаясь в его дружине. Однако эта связь оставалась личной и недовольный дружинник мог уйти к другому вождю. Конечно, с этим были связаны определенный риск и неудобства для самого дружинника, но ему отнюдь не грозили все те ужасные штрафы и наказания, которые могли ожидать феодального вассала, собравшегося уйти от своего господина. Обычно князь разбирал споры между своими дружинниками, поддерживал их в конфликтах с посторонними людьми, щедро вознаграждал за любую службу и, если они следовали за ним во время походов, делил между ними добычу и земли. Если князь не делал всего этого или не отличался способностью к лидерству, каким бы аристократическим ни было его происхождение, очень скоро дружинники могли перейти к его более удачливому сопернику.

Статус вождей мог быть очень разным — от небольшого местного князька, чья власть ограничивалась одним фьордом, до того, кто набирал себе дружинников из целой области, содержал отряд личных телохранителей, владел боевыми кораблями и мог именовать себя ярлом, а то и королем. Само понятие «король» было весьма растяжимо. В древности это значило только то, что князья выбрали кого-то из них, чтобы он был их вождем, однако такой король оставался зависимым от поддержки князей и от решений местных тингов. Однако постепенно сильным королям удавалось утвердить свою власть над все большим и большим числом областей (часто вопреки упорному сопротивлению местных вождей), пока наконец в каждой из скандинавских стран не воцарилась единая династия, способная придать государству политическое и религиозное единство. Тем не менее многие ярлы сохранили исключительное могущество. В Норвегии ярлы Хладира всегда оставались потенциальными соперниками королей, а иногда и фактически правили страной. Колонии викингов управлялись по-разному. Исландия сознательно отвергла королевскую власть, поскольку многие ведущие поселенцы с неприязнью относились к намерению Харальда Прекрасноволосого подчинить себе всю Норвегию. Исландцы вручили власть 36 вождям, статус которых теоретически был одинаковым. На Оркнейских островах правила династия ярлов, чья власть иногда простиралась на Шотландию и Мэн; при этом они достаточно неопределенным образом зависели от норвежского короля. В Ирландии и Англии у викингов было множество вождей, которые иногда называли себя королями, а иногда и нет. Сфера их влияния менялась от десятилетия к десятилетию. «Песнь о Риге» вполне разумно показывает короля Кона только как одного — хотя и самого славного — из сыновей Ярла, не наделяя его божественным происхождением. Одним из неотъемлемых признаков ярла или короля было то, что он держал в своем доме группу людей, более приближенных к нему, чем обычные дружинники. Основной обязанностью его личных телохранителей было сражаться за своего господина, когда бы в этом ни возникла необходимость. В остальное время они жили на добычу, а в конце службы получали землю, золото или товары. Некоторые могли оставаться на службе только на год или два: это были молодые люди, искавшие приключений, добычи и почета (пробыть хотя бы некоторое время дружинником великого вождя считалось почетным). Другие проводили на службе большую часть своей жизни и формировали ядро княжеского двора. Глубокая личная преданность, которая возникала в результате таких отношений, была очень велика; героическую верность телохранителей, погибавших в битве бок о бок с

господином, можно считать одной из излюбленных тем в литературе скандинавов и германцев. Щедрость господина по отношению к дружинникам также не обойдена поэтами; один поэт при дворе Харальда Прекрасноволосого нарисовал блистательную картину жизни придворных воинов:

«Их одарили богатством и прекрасными клинками, металлом из страны гуннов и девами с Востока. Рады они, когда приближается битва. Они быстро вскакивают и хватаются за весла, они рубят снасти и раскалывают уключины, и отважно раздают удары по приказу князя».

Поэты, как и воины, получали прекрасные подарки от короля:

«По их платью и золотым кольцам видно, что это приближенные, друзья короля: красны их плащи с богато отделанными краями, мечи выложены серебром, прекрасны кольчуги, позолочены пряжки, резьбой украшены шлемы, на запястьях — кольца, что дал им Ха-ральд».

Согласно тому же самому поэту, при дворе Харальда существовала группа избранных воинов, которым он особенно доверял — берсерков, именуемых также «волчьими шкурами». Из многих текстов очевидно, что этих людей окружала аура тайны и мистического страха; согласно Снорри, они поклонялись Одину, который давал им силу; они сражались обнаженными, полные животного бешенства:

«Его [Одина] воины бросались в бой без кольчуги, ярились, как бешеные собаки или волки, кусали свои щиты, и были сильными, как медведи или быки. Они убивали людей, и ни огонь, ни железо не причиняли им вреда. Такие воины назывались берсерками».

Само название «берсерк» значит «медвежья рубашка», а отнюдь не «голая рубашка» (то есть обнаженный), как можно было бы подумать по рассказу Снорри. Как слово «берсерк», так и альтернативное прозвище «волчья шкура» предполагают, что эти люди одевались в шкуры животных или даже что они, как считалось, могли по своей воле превращаться в зверей, как оборотни. Такое представление, а также представление о непобедимом обнаженном герое, судя по всему, отражено в шведском изображении двух фигур, которое предшествует эпохе викингов. Один из воинов обнажен — на нем только рогатый шлем, а другой, вероятно, — человек, одетый в волчью шкуру с головой, которая используется в качестве маски; судя по всему, они участвуют в ритуальном танце или сражаются (рис. 72). Позднее на ковре из Усеберга появляются воины, одетые в странное одеяние с капюшоном; возможно, имелась в виду медвежья шкура (рис. 71).

Многие короли, как исторические, так и легендарные, говорят, держали у себя при дворе берсерков. Возможно, братства преданных воинов, посвященных в культ Одина, существовали на самом деле. Ритмичный вой, прыжки и другие подобные методы самогипноза, описанные в некоторых сагах, могли стимулировать их боевую ярость. На службе сильному королю они делали полезное дело, однако без такого контроля бешенство и пренебрежение законами обычной жизни превращали их в угрозу обществу. Поэтому в позднейших сагах берсерков иногда изображают удивительными героями, но чаще всего представляют грубыми хулиганами, которые терроризируют всех, пока герой саги не поставит их на место.

Рис. 72. Берсерк и «волчья шкура»

С течением времени, когда монархия развивалась, первоначально простой и примитивный двор стал более сложно организован: дружинники различных рангов образовывали королевский совет. Вокруг короля днем и ночью была вооруженная охрана, которая поддерживала его авторитет, собирала налоги и представляла его на местных тингах. Дошедшие до нас детальные повествования об этом относятся к Норвегии XIII века, однако уже во времена святого Олава или Кнута Великого королевский двор заметно усовершенствовался. Летом король и его дружина путешествовали по стране: король председательствовал на тингах и выносил решения; зимой они в основном жили в поместьях короля, если их не приглашали в дома других знатных людей на зимние пиры.

Мы мало знаем о том, какое место занимали торговые центры в системе распределения власти. В ранние времена они, видимо, находились под контролем местного вождя, как это было в Исландии. Там, как только корабль подходил к берегу, прибывал местный вождь и диктовал условия торговли между купцами и крестьянами. Однако то, что и Каупанг, и Хельгё, и Бирка находятся вблизи центров королевской власти, не может быть совпадением. Не случайно и то, что многие ожесточенные конфликты между королем и князьями в более отдаленных областях возникали в том случае, когда король пытался взять торговлю под личный контроль. Очевидно, главные торговые центры были под контролем представителя короля; именно у такого человека святой Анскарый, прибыв в Бирку, добился позволения проповедовать. Видимо, королевский представитель взимал пошлину с купцов; в обмен на это король должен был гарантировать мир и закон во время торговли (необходимое условие там, где собирались люди из множества различных мест); возможно, король также играл главную роль в организации обороны от грабителей.

Одним из основных жизненных принципов в скандинавском мире было то, что рано или поздно человек обязательно становится участником кровной мести. Вся сложная система взаимоотношений, в которые вступал викинг — кровное родство, связь с семьей приемных родителей, дружба, брак, преданность вождю, — должна была прийти ему на помощь, когда возникал конфликт. Как это осуществлялось на практике, легко понять, рассмотрев ход хотя бы одной типичной семейной распри, о которых рассказывается в столь многих исландских сагах.

Первоначальная ссора могла возникнуть из-за какого-то совершенно незначительного дела, которому обе стороны сначала не

придавали никакого значения, так что до возникновения открытой вражды могло пройти много времени. Однако рано или поздно член одной семьи оскорблял члена другой словесно или физически. Честь семьи оказывалась задета. Самым мудрым и мирным выходом для жертвы было потребовать денег в возмещение ущерба: только самые высокомерные и нечестные люди могли отказаться от уплаты. Но многие пострадавшие считали, что отомстить с помощью кровопролития — это более мужественно. Быстро возникала кровная вражда, поскольку было просто невысказано, чтобы один родич позволил убить другого, не убив по крайней мере одного человека в качестве возмещения, причем это не обязательно должен был быть убийца, поскольку, как говорится в одном норвежском кодексе законов: «В этой стране издавна существовал злой обычай: когда человека убивали, его родичи нападали на любого человека, который в роду убийцы считался самым лучшим (хотя убийство могло быть совершено без его ведома или желания, и он не принимал в нем участия), и они не мстили самому убийце, хотя это легко можно было сделать». Мечь влекла за собой мечь, которая иногда увенчивалась настоящей битвой между двумя семьями, их друзьями и подвластными, а то и такими радикальными действиями, как сожжение, когда одна сторона запирала другую в доме и поджигала его. У взрослых мужчин не было другого выбора, как сгореть или выйти наружу и вступить в неравный бой. В конце концов, или потому, что силы обеих сторон истощались, или потому, что их лидеры погибали, наставало время для мирного урегулирования. Штраф за убийство удовлетворял оскорбленную честь, и кровопролития прекращались.

На этой стадии существовало три дальнейших способа действия: дать «единственное суждение» пострадавшей стороне, обратиться к третьей стороне? судьям или начать судебный процесс. В первом случае одна из сторон признавала свою вину и шла на уступки противникам, прося их назначить любую компенсацию, на которую они, по их мнению, имеют право, и соглашаясь принять любые наказания, которые будут ими наложены. Обычай и общественное мнение должны были удержать противника от злоупотребления этим соглашением. Этот способ удовлетворял чувство чести и поэтому был наиболее приемлем для пострадавшего.

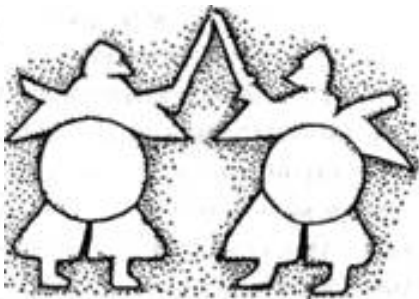
В сложных случаях, когда с обеих сторон были правые и виноватые, дело зачастую передавали третьей стороне судьям, чье решение все клялись выполнить. Судьи оценивали компенсацию, на которую каждая сторона имела право за ущерб, нанесенный другой стороной. При таких расчетах равные потери, понесенные обеими сторонами, погашали друг друга. Рана приравнивалась к ране, отрубленная рука или нога — к отрубленной руке или ноге, смерть — к смерти, при условии, однако, что жертвы были примерно одной «ценности», то есть имели равное положение в обществе: так, смерть слуги в одной семье не могла «погасить» убийства хозяина в другой, а гибель крестьянина — гибели сына вожда. Другим фактором в расчетах была словесная или физическая провокация: считалось, что некоторые оскорбления дают право на любую мечь. Приняв все в расчет, судьи подводили итог, объявляя, что одна сторона должна другой такую-то и такую-то сумму в возмещение убийств и увечий. Были основные масштабы уплат, определенные традицией: например, в Исландии цена за жизнь свободного человека составляла 120 унций серебра. В противном случае (или вдобавок) судьи могли приговорить человека к изгнанию из области, а то и из страны — на определенный срок, на всю жизнь или до тех пор, пока живы его враги. Это отчасти было наказанием, а отчасти — средством предотвратить возобновление распри. Изгнаннику давали определенный срок на то, чтобы уладить свои дела и организовать

не рискуя.

Третий способ состоял в том, чтобы начать судебный процесс перед народным собранием (тингом). Тинг был неотъемлемой частью всех скандинавских обществ. Он действовал одновременно как суд и как первобытный парламент: все свободные люди, владевшие более чем довольно скромным минимумом собственности, должны были присутствовать на тинге, хотя фактически решения зачастую отражали волю наиболее могущественных из присутствующих. В каждой области существовали небольшие местные тинги, собиравшиеся на определенном месте, нередко отмеченном какой-нибудь природной особенностью: скалой, холмом или курганом, с которого ясно слышался голос председательствовавшего на собрании князя или других ораторов; иногда границы участка отмечал круг стоячих камней. Существовали также и региональные тинги, на которых решались более серьезные проблемы, а в Исландии около 920 года был организован альтинг — ежегодное всеобщее собрание всей страны. Обычно тинги собирались в определенное время, но иногда их можно было созвать, чтобы обсудить срочные вопросы общественной жизни: например, тинг мог принять или отвергнуть претендента на трон или предложение изменить религию в данной области. Тинг также мог принимать новые законы. В Исландии, во всяком случае, существовал обычай, согласно которому человек, которого называли «законоговорителем», каждый год читал треть кодекса законов на альтинге, чтобы традиционные законы не были забыты. В существующих писаных кодексах законов иногда заметны следы ритмических фраз и аллитераций, которые помогли людям запомнить устные законы.

Собрания играли важную роль в жизни людей. Обычно они длились несколько дней (исландский альтинг продолжался две недели). В этот период люди жили во временных постройках недалеко от места собрания или гостили на близлежащих фермах. Это был удобный случай, чтобы развлечься, посплетничать, заключить помолвку и поторговать. Содержание места собрания в порядке обычно вменялось в обязанности какой-нибудь жившей поблизости состоятельной семье: как и строительство дорог и мостов, это была своего рода общественная работа, которая приносила почести км, кто ею занимался. Поэтому на многих шведских рунических камнях начертаны имена тех, кто «сделал место для тинга» или усовершенствовал существующее место аллеей из стоячих камней. Первоначально тинг был в каком-то отношении религиозным собранием, «освященным» во имя богов, и мир, который надлежало любой ценой поддерживать во время всех тяжб и споров, был сродни священному миру, который надлежало соблюдать в святилище. Согласно «Саге об Эги-ле», один норвежский суд в языческие времена заседал внутри священной ограды: «Местом суда было ровное поле, окруженное вехами из орешника. Между вехами была протянута веревка. Она называлась границей суда. А в кругу сидели судьи: двенадцать из фюлька Фирдир, двенадцать из фюлька Согн и двенадцать из фюлька Хардаланд. Эти судьи разбирали тяжбы».

Процедура подачи иска перед тингом, вероятно, в разных регионах была различной. Лучше всего нам известно, как это происходило в Исландии, и здесь мы вкратце об этом расскажем. В случае убийства родственники убитого в первую очередь решали, кто из них будет истцом, или, если ни один из них не считал себя способным справиться с этим делом из-за отсутствия юридических знаний или влиятельных знакомых, должны были просить кого-нибудь действовать от их имени. Далее, жалобщик должен был отправиться в дом убийцы в определенный законом день, провозгласить обвинение перед свидетелями и потребовать, чтобы он явился перед тингом. Личность убийцы, как правило, была известна, поскольку он должен был объявить о факте убийства, как только оно случилось, поскольку если он этого не делал, то обычное, непредумышленное убийство превращалось в тайное убийство из-за угла — самое позорное преступление.

До начала следующего тинга как истец, так и ответчик старались получить как можно более широкую поддержку среди своих родственников и друзей, а также добиться поддержки вождя. Если двое противников были дружинниками разных вождей, то каждый мог автоматически рассчитывать на то, что господин ему поможет, но если оба служили у одного и того же человека, то одному или другому приходилось искать поддержки в другом месте — если только, конечно, они не просили его выступить в качестве судьи описанным выше образом. Иногда велась и закулисная борьба за то, чтобы дело слушалось на одном тинге, а не на другом, поскольку было более выгодно, если дело слушалось там, где у человека имелось много друзей. Если сами тяжущиеся были вождями, то они добивались того, чтобы на тинг их сопровождало как можно больше вооруженных дружинников.

Добраться до самого тинга само по себе могло оказаться проблемой: противники могли силой мешать друг другу проехать туда, поскольку считалось, что тот, кто не являлся на тинг, проигрывал дело. Оказавшись на месте, истец и ответчик должны были облечь свои жалобы в сложные юридические формулы (одна ошибка в изложении могла провалить все дело!) и каждый должен был предоставить «свидетелей». Это не были свидетели в современном смысле слова, а просто соседи, которые были готовы поклясться, что, по их мнению, все сказанное — правда и что каждый шаг в юридической процедуре выполнен правильно. Жалобу выслушивала коллегия из 36 «судей», функции которых были примерно теми же, что и у современных присяжных, — они не должны были вести следствие или обладать какой-то особой юридической подготовкой: их делом было просто вынести решение в пользу той или другой стороны. «Судьи» назначались председательствовавшими на тинге вождями: на местном исландском тинге три ближайших вождя назначали каждый по 12 судей. Однако на альтинге этим занималось большее число вождей, так что каждый назначал меньшее число судей, поскольку и здесь всего их было 36. Именно поэтому для каждой стороны было жизненно важно обеспечить себе поддержку. Фактически суды были лишь слегка замаскированной проверкой сил истца и ответчика, и если ни одному не удавалось подловить другого на какой-либо юридической тонкости, то на судей почти всегда влияла та поддержка, которой могла заручиться та или другая сторона, и особенно отношение к делу вождей, которое, конечно, было всем известно. Нередко, несмотря на все законы о соблюдении мира, судьи, запуганные открытой демонстрацией силы, расходились, не вынеся никакого решения.

Жалоба истца в основном представляла собой простое обвинение в убийстве. Обвиняемый пытался защищаться, утверждая, что погибший так спровоцировал его своими предшествующими нападениями или оскорблениями, что убийство было вполне оправданным и за него не следует ни платить штраф, ни нести наказания. Если судьи с ним соглашались, они объявляли, что на время убийства убитый был «нечистым» и что его родственники не могут требовать возмещения. Если же они вставали на сторону истца, то могли наложить на ответчика такое же изгнание, как нередко делали третейские судьи, но чаще налагали более жестокое наказание — ставили убийцу полностью вне закона.

Человек, оказавшийся вне закона, не имел никаких прав. Его собственность переходила к тому, кто подал на него в суд (причем определенная доля отходила к приговорившим его к изгнанию судьям). Любой, кто хотел, мог убить его безнаказанно, и его родичи не могли требовать за это никакого законного возмещения (хотя имели право мстить по личной инициативе).

Теоретически, никто не должен был помогать изгнаннику или прятать его. Единственным выходом для него было покинуть страну или спрятаться в лесу или каком-нибудь диком месте и жить разбоем. Но на самом деле все было не так страшно. Наблюдать за исполнением приговора должны были личные враги приговоренного: им поручалось прийти, силой захватить его дом и имущество и, если возможно, убить его на месте. Если истец не мог найти желающих поддержать его в этом деле, то друзья изгнанника могли помочь ему выбраться из страны или найти себе убежище в доме могущественного покровителя, а то и вообще остаться в собственном доме, полагаясь на свою популярность среди местного населения. Конечно, если его преступление привело общественность в ужас, то у него было меньше шансов уйти. Как правило, преступников, к которым относились с презрением — воров или колдунов, занимавшихся черной магией, — ловили и казнили без лишних проволочек, как только суд выносил приговор. Однако тот, кто был приговорен за обычное убийство, вполне мог с помощью родных и друзей начать новую жизнь в другой стране.

«Викинги. Быт, религия, культура» Жаклин Симпсон

[Следующая страница >>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

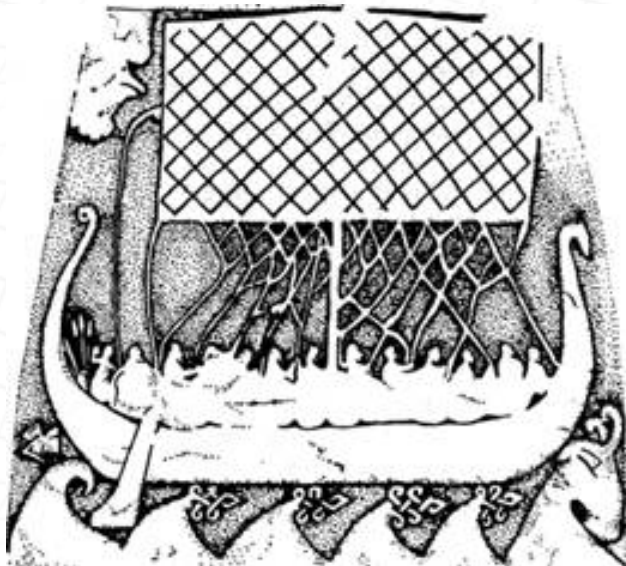
[Оглавление книги >>>](#)

лучшие книги от издательства ЦЕНТРПОЛИГРАФ

[РЕКОМЕНДУЕМ: лучшие книги от издательства ЦЕНТРПОЛИГРАФ>>>](#)

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)

ВИКИНГИ

Быт, религия, культура

Глава 9. Религиозные и погребальные обряды

Языческие мифы, пожалуй, наиболее известное явление скандинавской культуры. Им повезло: они дошли до нас в стихах «Старшей Эдды» и в энергичной, увлекательной прозе Снорри Стурлусона. Благодаря бесчисленным пересказам и переработкам, все мы знаем о борьбе Тора с великанами, о том, что Один покровительствует воинам, и о его небесном пиршественном зале — Валгалле, о хитростях Локи, о смерти Бальдра и о Гибели богов. По этим сказаниям и по другим данным можно составить себе достаточно подробное представление о богах, прежде всего о трех главных — Торе, Одине и Фрейре, которых больше всего почитали в эпоху викингов.

Культ Тора (рис. 90) был наиболее живым, распространенным и устойчивым; викинги разнесли его во все страны, где они селились. Один английский проповедник утверждал, что Тор — это бог, которого больше всего почитают даны, а ирландец назвал норвежцев Дублина «племенем Тора». Его культ в IX и X веках стал еще более распространенным, так что с приходом христианства именно Тор стал главным соперником и противником Христа. Ярким свидетельством почитания Тора является огромное количество личных имен с элементом «Тор-», особенно в Норвегии и Исландии. Многие названия мест в этих странах также хранят имя Тора.

Тор был небесным божеством и прежде всего — богом грозы. Он владел молотом, который символизировал молнию, и, как и у Зевса, его культ был связан с дубом. Моряки молились ему, как богу грозы, который может послать хорошую и плохую погоду; крестьяне обращались к нему с просьбой о плодородном дожде (особенно в Швеции). Как и другие небесные боги, Тор был хранителем закона и справедливости в обществе. На священных кольцах, хранившихся в его храмах, приносились клятвы, и исландский альтинг всегда открывался в четверг — день Тора. Тор также играл важную роль в семейных обрядах и был

защитником отдельных людей: его символ, молот, использовали при благословении невесты, новорожденного и погребального костра. Маленькие молоточки были очень популярны в качестве амулетов; на памятных камнях нередко писали формулы, прося благословения Тора; иногда на них изображался знак молота. Считается, что свастика и топор также были символами его могущества.

В мифах Тор фигурирует как победитель великанов, огромный, могучий воин, который сокрушает гигантов одного за другим ударами своего молота; он пытается бороться с гигантским Мировым Змеем, которого вытащил на удочке из океана (рис. 82). В скандинавской мифологии чудовищные волки, змеи и драконы были символами зла и хаоса; их нападения угрожали упорядоченному миру богов и людей, и в конце концов им суждено его уничтожить. Поэтому любого бога или героя-человека, который убивал или связывал чудовище, считали могущественным защитником человечества; его подвиги имели религиозное значение и были достойным предметом для поэзии или изобразительного искусства. Тор, который превосходил всех остальных как неутомимый истребитель великанов, был богом, могущество которого больше всего охраняло людей от сил зла.

Характер Одина (рис. 83) был гораздо более сложным, и различные его аспекты отражаются во множестве имен и эпитетов, — более 150! — которыми награждают его скандинавские поэты. Его главное имя — Один или Водан — помогает понять суть его природы: оно связано с прилагательным, означающим «бешеный, сумасшедший». Точно так же Адам Бременский, писавший о шведском язычестве примерно в 1070 году, кратко замечал: «*Wodan, id est Furor*» [Водан, то есть Ярость]. Мифы и легенды говорят нам, что он был одарен тремя видами безумия — безумием воина в битве, безумием погруженного в экстаз провидца и безумием поэта.

Как бог войны, Один владел копьем; его сопровождали пожиратели падали — вороны, волки и орлы. Он получал удовольствие, сея раздоры, и под его влиянием люди забывали самые святыя узы родства и свойства и начинали убивать друг друга. Некоторые знатные герои были его любимцами: он открывал им секреты стратегии и давал волшебное оружие. Другим воинам, берсеркам, он внушал такое безумие, что они сражались как дикие звери и, несмотря на свою наготу, уберегались от ран. Один повергал своих врагов в панику или нечто вроде паралича, который называли «оковы боя»; видимо, поэтому одним из символов Одина был узел в виде тройного треугольника (рис. 89). Однако милость бога войны была ненадежной: рано или поздно он покидал своего почитателя, посылая его на смерть. Поэтому Один был еще и богом смерти — во всяком случае, насильственной; его посланницами были валькирии, «выбирающие мертвых», которые одним даровали победу, а других призывали с поля боя в мир иной. Говорили, что убитые посвящены Одину и что после смерти они попадают в Валгаллу, «чертог убитых», о котором будет подробнее рассказано ниже. Отношение к такой судьбе было двойственным: большинство поэтов называют такую смерть славной, но некоторые скорбят о том, что бог награждает своих почитателей смертью.

Рис. 83. Один с орлом и вороном

Один также был богом мудрости, прежде всего оккультной мудрости провидцев и колдунов; он превосходно владел рунической магией и всевозможными заклинаниями. Он мог вызывать умерших из могил, возвращать к жизни тех, кто висел на виселице, и заставлять их прорицать будущее. Его конь Слейпнир (часто говорили, что у него восемь ног!) мог везти человека по воздуху или переправлять вниз, в загробный мир. Один мог менять свой облик; дух его бродил по миру в виде птицы или зверя, в то время как тело оставалось на месте, как будто он заснул или умер. Его магическая мудрость была завоевана ценой множества страданий — согласно одному преданию, он потерял глаз; согласно другому, провисел в течение 9 дней на дереве в качестве человеческой жертвы, «посвященный Одину, в жертву себе же». Из таких мифов очевидно, что Один был покровителем и божественным первообразом провидца и мага, прежде всего такого, который (как шаманы арктических областей Европы и Азии в наше время) должен был проходить ужасные инициации и общаться с иными мирами путем экстаза и медиумического транса. В скандинавской мифологии поэзия изображается в весьма конкретной форме — как священный мед. Первоначально его варили все боги, но потом он попал в руки карликов и гигантов, и именно Один вырвал его из их рук и вернул богам и людям. Кажется странным, что это воззрение на поэтическое вдохновение как на некое мистическое опьянение пришло к нам от скандинавских скальдов — ведь в их поэзии нет совершенно ничего экстатического. Возможно, миф этот очень древний и первоначально относился к религиозным песнопениям, и в этом случае он также отражает роль Одина как хозяина тайных искусств. Как бы то ни было, среди скандинавских поэтов миф о меде поэзии пользовался огромной популярностью и, соответственно, почитание Одина заставляло скальдов восхвалять его за счет других богов.

Почитание Одина очень ясно проявляется в писаниях Снорри: для него Один — повелитель всех богов, творец человечества, правитель неба и земли, который, когда приблизится конец мира, поведет дружину избранных героев на войну против сил зла и героически погибнет в битве с чудовищным волком (рис. 8). Тем не менее вполне вероятно, что культ Одина в основном был свойственным нескольким классам людей — князьям-правителям и служившим им поэтам, тем, кто был посвящен в эзотерические мистерии или состоял в отряде воинов, посвятивших себя божеству. Мог он проявляться и в особых обстоятельствах на войне.

Третьим главным богом был Фрейр (рис. 84), самый выдающийся из целой группы мужских и женских божеств, ведавших миром и изобилием, а также плодородием людей, животных и растений. Отцом Фрейра был Ньерд, бог богатства и мореплавания; его

сестрой-близнецом — богиня любви Фрейя, а в некоторых источниках она называется и его женой. Единственный дошедший до нас миф о Фрейре рассказывает о его любви к Герд — прекрасной великанше, которую его вестник пытается вызвать из мира иного. Очевидно, этот миф символизировал оплодотворение земли теплом солнца. Сохранилось значительное количество листов тонкой золотой фольги, где вычеканены фигуры обнимающихся или, может быть, в некоторых случаях танцующих мужчины и женщины (рис. 85). Иногда считают, что они изображают брак Фрейра и Герд, хотя их находят во множестве различных регионов, и нередко они древнее, чем эпоха викингов, так что вряд ли всегда и везде изображают одну и ту же пару. Однако эти амулеты несомненно символизировали любовь, брак и плодородие, словом, все то, что в эпоху викингов находилось под покровительством Фрейра. Особенно он почитался в Швеции; там наиболее распространены географические названия, где фигурирует его имя. Часто они относятся к полям и лугам, подчеркивая таким образом важность его культа для общин земледельцев.

Древнейшие места религиозного культа находились на открытом воздухе, в священных рощах и лугах, перед скалами и холмами или на берегах болотистых озер, куда бросали приношения. Многие области в Скандинавии изобилуют такими географическими названиями, как Луг Одина, Поле Одина, Скала Тора, Поле Фрейра и тому подобными. Помимо мест, посвященных какому-то отдельному богу, были и многие другие священные места; возможно, они считались жилищами богов или добрых духов, даже если не давали определенного имени. То же самое можно сказать и о некоторых скалах, колодцах и других природных объектах, которым отдельные семьи приносили жертвы. Следы этого обычая мы находим во многих сагах, а также в жалобах христианских проповедников и законодателей. Долгое время после обращения в христианство люди все еще верили, что «добрые духи земли» живут в рощах, холмах или водопадах, и женщины продолжали собираться у пещер и курганов и ели пищу, которую предварительно посвящали духам.

Есть много указаний на то, что викинги и за пределами Скандинавии почитали богов на открытом воздухе. Например, у викингов Дублина была роща из огромных дубов и других деревьев, которую называли рощей Тора; ее сжег король Бриан Бору. В России, согласно византийскому императору Константину Багрянородному, шведы приносили в жертву птиц на острове посреди Днепра, «так как там стоит громадный дуб». Из увлекательного рассказа Ибн Фадлана о молитве купца-«руса» не вполне понятно, находились ли все эти идолы и столбы вне дома, однако отсутствие каких-либо упоминаний о постройках делает это весьма вероятным.

*Культовые места на открытом воздухе на родине викингов, в Скандинавии, могли быть значительно более сложными. Одним из типов святилища было *ve* — открытое пространство, отгороженное какой-либо оградой, например канатами или частоколом. Эту священную землю нельзя было осквернять кровопролитием и вносить туда оружие. *Ve* могло быть достаточно большим, если судить по тому, что ученые считают остатками памятника такого типа, воздвигнутого датским королем Гормом Старым, который царствовал в Еллинге и умер около 940 года. Сооружение представляло собой искусственный холм с двойной погребальной камерой (возможно, для самого Горма и его супруги); к югу от холма находилось несколько стоячих камней. Высказывалось предположение, что первоначально камней было около 200 и они огораживали узкое пространство в форме буквы «V» длиной около 200 метров. Археолог, который вел раскопки, пришел к выводу, что это и есть *ve* — священная ограда для общественного культа. Однако, чтобы подтвердить эту гипотезу, нужны дальнейшие раскопки, поскольку, согласно другой*

теории, эти камни всего лишь надгробные памятники, такие, какие иногда ставили вокруг могил.

Весьма спорно, что у викингов существовали настоящие храмы (в отличие от небольших святилищ, где могли храниться статуи и другие священные предметы). Во многих письменных источниках сведения о них есть, однако \% V«5 W / археология этого не подтверждает. Воз- \ ^ ^ Йрг / можно, средневековых авторов ввела в заблуждение христианская практика религиозного культа, когда верующие собираются внутри особых зданий. Языческие способы жертвоприношения (которые будут описаны ниже), очевидно, проводились на открытом воздухе, однако следовавший за ними общий пир, конечно, было удобнее проводить под крышей, особенно в плохую погоду. Известно, что подобные пиры устраивались на фермах местных вождей и богатых людей, и весьма вероятно, для них не строили специальных помещений, а использовали главную комнату обычного дома. Хотя в этом отношении рассказы о «храмах» эпохи викингов в сагах, очевидно, неточны, в них, тем не менее, содержатся интересные детали. В «Саге о Людях с Песчаного Берега» так описывается воздвигнутый исландским поселенцем «храм» Тора:

«Это был большой дом. В боковых стенах, ближе к углам, были проделаны двери. Внутри стояли столбы почетной скамьи; они были закреплены гвоздями; гвозди эти звались «боговыми». Внутри капища было большое святилище. В помещении была постройка вроде хора в нынешних церквях, и там посреди пола стоял жертвенник, как алтарь в церкви. Поверх него лежало незамкнутое кольцо весом в двадцать эйриров. На нем следовало приносить все клятвы. Кольцо это годи2 капища должен был надевать на руку на всех сходках. На жертвеннике также должна была стоять жертвенная чаша с прутом наподобие кропила. Им следовало разбрызгивать из чаши ту кровь, что звалась «долей», — то была кровь умерщвленных животных, принесенных в жертву богам. Вокруг жертвенника в задней части капища стояли боги».

Снорри также дает описание «храма» в Трондхейме в Норвегии в X веке, в котором встречаются многие из этих деталей. Во время праздника туда собирались все местные крестьяне; они приносили с собой достаточно еды и питья, чтобы хватило на весь праздник, а также скот и лошадей для жертвоприношения. Кровь собирали в чаши и разбрызгивали по всему зданию, как внутри, так и снаружи, и на всех людей. Мясо варили в котлах, стоявших на огне в середине храма, и люди собирались вокруг них и пировали. Вождь, проводивший жертвоприношение, освящал мясо и напитки, пирующие передавали друг другу роги над огнем для торжественного питья. Первый тост был за Одина, победу и успех короля, второй — за Ньерда и Фрейра, за добрую жатву и мир, затем следовал «тост вождя», потом тост за умерших родичей.

Древнейшее описание изображения божества дает путешественник X века Ибн Фадлан: «высокая воткнутая деревяшка, у которой лицо, похожее на лицо человека»; перед ней викинг падал ниц и приносил ей жертвы. Тот исландец, который построил описанный выше «храм», привез с собой из Норвегии «столбы для почетной скамьи», на которых было вырезано изображение Тора. Соблазнительно было бы предположить, что на столбе не просто были вырезаны сценки из жизни Тора, как это могло быть, например, на деревянных панелях в зале, а сам столб символизировал тело божества, как это было в случае с идолами, упомянутыми у Ибн Фадлана.

Различные пассажи у Снорри и в других сагах описывают внешний вид более сложных изображений. Они также были сделаны из дерева, очевидно в натуральную величину, стояли на пьедесталах или платформах или сидели в колесницах. Идолы были украшены золотом и серебром, одеты в браслеты, а в одном случае говорится, что на изображении богини было льняное покрывало. Идолы можно было выносить из храма: Снорри рассказывает о том, как пустую внутри статую Тора с молотом в

руке вывезли на поле тинга на платформе. Этот идол ежедневно получал приношения из хлеба и мяса, и, когда христианский король Олав Святой разбил статую, из нее побежали змея, лягушки и крысы, которые растолстели, питаясь приношениями.

В поздних сагах мы читаем более сложные описания норвежских идолов:

«Тор сидел посредине. Он был наиболее почитаем. Он был огромный и весь украшен золотом и серебром. Тор сидел в колеснице, и вид у него был самый великолепный. Перед ним были запряжены два козла, прекрасно сработанных. И колесница, и козлы были на колесах. Веревка вокруг рогов козлов была из плетеного серебра, и все это было великолепнейшей работы».

В другой саге рассказывается история, хотя и шутливая, которая, по-видимому, сохраняет подлинные традиции культа. Там говорится, что в Швеции в конце X века деревянный идол Фрейра возили в повозке от фермы к ферме; его сопровождала вполне живая женщина, которая ехала рядом и которую называли «супругой Фрейра». Вся церемония происходила осенью; ее целью было благословение урожая следующего года. Когда статуя прибывала в дом крестьянина, ее встречали пиром. Все это очень напоминает обряды, проводившиеся датскими племенами в I веке н. э. в честь богини Нерты: символизировавшие богиню предметы возили в повозке по поселениям. Возможно, существовала длительная традиция культов богов и богинь, связанных со священными процессиями; не исключено, что небольшая, но покрытая сложнейшим орнаментом повозка из относящегося к IX веку погребения в Усеберге (см. вклейку) была предназначена именно для такого ритуала.

Из различных источников можно извлечь еще несколько деталей, относящихся к религиозным церемониям. Представляется, что культ Фрейра в Упсале подразумевал какие-то драматические представления с хлопками, «недостойным мужа звоном колокольчиков» и «женственными движениями». В шведском храме Тора находились огромные, тяжелые бронзовые молоты, чьи удары имитировали удары грома. Естественно, обряды сопровождалась песнопениями и обращениями к богам; возможно, они напоминали некоторые отрывки из исландской поэзии конца X века, где Тор восхваляется за то, что истреблял гигантов и великанш (рис. 87): «Ты сломал члены Лейкн, ты сокрушил Тирвальди, ты поразил Старкада, ты попираш погибшего Гьялла», а также: «Твой молот раздробил череп Кейлы, ты смолот в кусочки Кьялланди, ты убил Лут и Лейди, ты пустил кровь Бусейре, ты не давал покоя Хенгьянкьяпте; еще раньше погибла Хюррокин, и еще раньше вся жизнь покинула темного Сивора».

Самый драматический рассказ современника о языческом храме принадлежит перу Адама Бременского и содержится в его «Истории гамбургских архиепископов», написанной около 1070 года. Хотя к тому времени Дания, Норвегия и Исландия уже были христианскими, в Швеции язычество все еще процветало бок о бок с новой религией. Центром его был покрытый золотом храм в Старой Упсале, где, согласно Адаму, стояло три идола: в середине на троне восседал Тор со «скипетром» (молотом?), рядом с ним находился вооруженный Один, а с другой стороны — Фрейр, который, как «бог мира и чувственных наслаждений», был показан с огромным фаллосом. Тору приносили жертвы в минуты опасности голода или чумы, Одину — во время войны, а Фрейру — при праздновании свадеб.

Кроме того, Адам говорит, что каждые 9 лет отмечался большой праздник, который длился 9 дней, и на него со всей Швеции собирались люди с дарами. Христианам, которые отказывались являться на этот праздник, приходилось откупаться, платя штраф. В жертву на этом празднике приносили 9 человек и по 9 самцов от многих видов животных, в том числе собак и коней; кровь приносили в жертву богам, а тела вешали на ветви деревьев в близлежащей роще, каждое дерево в которой из-за крови

жертв считалось священным. Адам говорит, что один христианин, который рассказывал ему об этом, видел, как там одновременно висели 72 трупа (рис. 88).

Практика человеческого жертвоприношения имела у германских народов долгую историю. Тацит, Иордан, Прокопий и другие авторы часто упоминают о племенах, у которых в различные периоды — от I до VI века н. э. — захваченных в битве пленных приносили в жертву своему богу войны. Неоднократно говорится о том, что жертв, вместе с захваченным оружием и другими приношениями, вешали на деревьях; в других случаях их бросали в реки и болота, подтверждением чему служат кучи костей и доспехов, обнаруженные в торфяных болотах Дании.

Рис. 88. Сцена повешения на ковре из Усеберга

В эпоху викингов упоминания о человеческих жертвах становятся реже, однако их, тем не менее, достаточно, чтобы подтвердить рассказ Адама о церемониях в Упсале; помимо ценных данных, которые дают нам арабские авторы, в одной из исландских саг мимоходом упоминается, что «язычники приносят в жертву худших людей, бросая их с утесов и скал». В другой говорится, что некоторых преступников приговаривали к «принесению в жертву» и ломали им спины на камне в священном месте, посвященном Тору. Более того, есть предания о полубогородных королях, которые погибли при обстоятельствах очень напоминающих ритуальное убийство. Самый очевидный случай произошел с норвежским королем Викаром, которому по жребию выпало быть принесенным в жертву Одину. Он надеялся избежать своей участи, подготовив фальшивый обряд. Викар встал на деревянную колоду под самой тонкой ветвью можжевельника, надев себе на шею свисавшую оттуда петлю из кишки теленка, а его самый верный дружинник приготовился ударить его тоненькой камышинкой. Однако камышинка внезапно превратилась в копьё, а кишка теленка — в прочную веревку; колода выпала у него из-под ног, а ветка взлетела вверх, так что он погиб, пронзенный копьем и повешенный одновременно. Такая сцена явно указывает на культ Одина — бога повешенных; сцена на одном из камней с Готланда (рис. 89) изображает символ Одина — тройной треугольник, а рядом — повешенного, на которого вот-

вот сядет смотрящая вниз птица. Группа воинов держит другую птицу, возможно также предназначенную в жертву.

Рис. 89. Жертва Одину

Повешение животных в роще Упсалы отнюдь не уникально; один арабский автор упоминает о повешении животных среди шведов в России, в то время как другой описывает похожий обычай насаживания трупа на шест — или целиком, как в Хедебю, или одной головы, как среди русских шведов. Насаживание на шест конской головы встречается и в исландских сагах в качестве ритуала проклятия или оскорбления врага. Однако наиболее обычной была форма жертвоприношения, когда животное освящали, убивали, а затем поедали во время пира.

Такие кровавые ритуалы не должны заставить нас забыть о других, менее драматичных церемониях, которые, безусловно, были частью повседневной жизни сельских общин. Очевидно, например, что пахота, сев и жатва должны были сопровождаться надлежащими обрядами для обеспечения плодородия. Однако, чтобы понять, какими могли быть эти обряды, мы должны обратиться к народным обычаям более позднего времени, таким, какие еще на памяти старожил проводились в Швеции. Во время весенней пахоты жена крестьянина приносила в поле немного эля и большой пирог или хлеб, оставшийся от рождественской выпечки. Пахарь и животные в упряжке съедали по кусочку пирога, а остаток растирали в крошки и смешивали с посевным зерном. Эль также разделяли на три порции: одну выпивал крестьянин, другую выливали на лошадей, а третью — на плуг. Первые три борозды надо было провести так, чтобы комья земли были повернуты к солнцу; шеи и лбы лошадей натирали землей. Когда работа заканчивалась, все инструменты украшали венками из цветов. Подобные обычаи, конечно, должны были существовать и в эпоху викингов, хотя, в отличие от крупных общественных праздников и жертвоприношений, никаких рассказов о них не сохранилось.

Один из аспектов частной религиозной жизни — а именно использование амулетов — оставил множество следов. В сагах иногда говорится о том, что люди носят в кошельках небольшие изображения богов из слоновой кости или серебра и поклоняются им. Многие из таких статуэток дошли до нас. Одна из них, обнаруженная в Швеции, изображает обнаженного мужчину с браслетом на руке, сидящего на корточках, с поднятым фаллосом; судя по последнему признаку, это, скорее всего, Фрейр (рис. 84). Другая, обнаруженная в Исландии, — это, несомненно, Тор, восседающий на троне с довольно странным молотом в руке (рис. 90). Обе статуэтки сделаны из бронзы, и на обеих бог носит отчетливо показанные усы и бороду и одет в коническую шапочку. Есть еще костяная фигурка из Лунда, по которой трудно сказать, что это за бог (рис. 91), а также странное норвежское изображение зверя, сидящего на троне, — возможно, это тоже амулет. Следует заметить, что сидящая на корточках фигурка, обнаруженная среди игральных фигурок в исландском погребении, сжимает свою бороду тем же жестом, что и статуэтки богов (рис. 76), так что, возможно, это тоже амулет, который лишь случайно оказался среди игральных фишек.

Едва ли не самым популярным амулетом был молот Тора (рис. 94). Было обнаружено более 40 таких молотов; в основном они датируются концом X или началом XI века. Обычно у них есть петелька, за которую их можно повесить, а иногда также цепочка или кольцо. Размер их может быть разным — от 2 до почти 8 сантиметров; материал и качество тоже разное — от самого простого, ничем не украшенного железа до изящно обработанного серебра или бронзы, украшенного головкой, похожей на птичью. Молоты носили как мужчины, так и женщины — их находят в могилах и тех и других; еще чаще их находят на месте домов или похороненными в составе клада, возможно, как магическая защита против воров.

Возможно, популярность молотов Тора стимулировалась христианским обычаем ношения миниатюрных крестиков. И то и другое продавали бок о бок, поскольку в форме ювелира, обнаруженной в Ютландии, можно было отлить как молоточки, так и крестики. В Исландии был найден бронзовый предмет, который, если его повесить за голову зверя на одном конце, выглядел как молоточек, а с другой стороны напоминал крест; более того, в нем было вырезано отверстие в форме креста (рис. 92). Можно вспомнить о мировоззрении исландца Хельги Тощего, человека со смешанными верованиями, который, хотя и был христианином, все-таки зывал к Тору на море и во время опасности.

Отдельные скандинавы могли с большим энтузиазмом поклоняться одному богу, чем другому, однако, когда люди собирались на общие церемонии и праздники, многие боги почитались бок о бок. Содержание в порядке главного храма в округе было долгом местного вождя; помогали и другие семьи, вносившие свои взносы. Судя по всему, на жертвоприношениях и религиозных праздниках всегда председательствовал вождь (или король), по крайней мере в Норвегии и Исландии. В Швеции же, с другой стороны, мог существовать класс профессиональных служителей культа, поскольку Адам Бременский упоминает о «жрецах» в храме Упсалы; действительно, вполне естественно предположить, что для такого масштабного культа, как тот, что он описывает, действительно были необходимы профессиональные жрецы. Точно так же Ибн Русте, говоря о шведских торговцах в России, упоминает и о профессиональном жречестве:

«Есть у них аттиба (знахари), из которых иные повелевают царем, как будто бы они их начальники. Случается, что они

приказывают принести жертву творцу их тем, чем они пожелают: женщинами, мужчинами, лошадьми. И если знахари приказывают, то не исполнить их приказания никак невозможно. Взяв человека или животное, знахарь накидывает ему на шею петлю, вешает жертву на бревно и ждет, пока она не задохнется, и говорит, что это жертва богу».

В Дании также были свои языческие жрецы, чей ранг зафиксирован на их надгробных памятниках; наиболее ясная информация содержится на камне из Снольделева, на котором начертаны религиозные символы (свастика и переплетающиеся роги для питья) и написано: «Камень Гунвальда, сына Роальда, тула в Салхауге». Слово «тул» встречается и в других местах; оно может значить что-то вроде «предсказатель» или «произносящий заклинания».

На более низком уровне существовали люди, которые жили тем, что применяли свои волшебные чары. В сагах встречается множество упоминаний о том, как какого-нибудь мужчину или женщину нанимают для совершения различных магических или гадательных обрядов — от поисков потерянных вещей или предсказания урожая до черной магии и вызывания бури. Многие из этих историй могут быть сплошной выдумкой, однако другие выглядят вполне правдоподобно и, видимо, основаны на реальных обычаях. Очень часто говорится, что знахарь или провидец — «финн», то есть принадлежит к племени лапландцев, которые, вероятно, были аборигенами северной Скандинавии, и вполне возможно, что некоторые из них действительно зарабатывали на жизнь, получая от соседей-скандинавов плату за свое искусство.

Среди таких людей были женщины-прорицательницы, которых называли вэльвами; этот термин встречается как в поэзии, так и в прозе, и женщины, которых так называют, являются не «финками», а скандинавками. Во многих сагах говорится о том, как они путешествовали с фермы на ферму, иногда группами, и отвечали на вопросы о будущем. Перед тем как дать ответ, вэльва входила в транс, иногда сидя на высокой платформе; ее ассистенты при этом исполняли песнопения и заклинания. Самый полный рассказ о таком «сеансе» содержится в «Саге об Эрике Рыжем», созданной в конце XIII века, где описываются события в гренландском поселении в начале XI века. В контексте саги этот эпизод, конечно, может быть выдумкой, однако рассказ автора явно показывает, что он должен был много знать о таких процедурах.

В саге говорится, что в гренландском поселении была вэльва, которая ходила по домам зимой и отвечала на вопросы о следующем годе или о судьбе отдельных людей, и в ее честь устраивали пиры. Однажды в голодный год ее пригласили в один дом, где для нее приготовили высокое сиденье с подушкой из куриных перьев:

«На ней был синий плащ, завязанный спереди ремешками и отороченный самоцветными камушками до самого подола. На шее — стеклянные бусы, а на голове — черная смушковая шапка, подбитая белым кошачьим мехом. В руке она держала посох с набалдашником, оправленным желтой медью и усаженным самоцветными камушками. Пояс у нее был из трута, а на поясе висел большой кошель, в котором она хранила зелья, нужные для ворожбы. Она была обута в мохнатые башмаки из телячьей кожи, и на них были длинные и крепкие ремешки с большими пряжками из желтой меди. На руках у нее были перчатки из кошачьего меха, белые и мохнатые изнутри».

Вэльву почтительно приветствовали и попросили «окинуть взглядом стада, домочадцев и дом». Для нее приготовили специальную еду — кашу на козьем молозиве и блюдо из сердец животных всех доступных видов. На следующий день, готовясь пустить в ход свои заклинания, она потребовала себе в качестве помощницы какую-нибудь женщину, которая знала бы, как читать некоторые заклинания для вызывания духов; с трудом такую женщину удалось найти. Вэльва поднялась на

платформу, вокруг которой женщины встали в круг, и «сеанс» начался. Когда песнопения закончились, она предсказала наступление лучших времен, ответила на вопросы, а затем ушла на другую ферму.

В этом описании как платформа, так и пение, вызывание духов и сложный костюм из шкур зверей напоминают шаманские ритуалы, в то время как узорчатый жезл с набалдашником изображался в руках некоторых датских фигурок из золотой фольги еще в VI веке (рис. 93). Такие магические обряды (и другие, более зловещие, о которых источники говорят лишь намеками) некоторым образом были связаны с культами Фрейи и Одина, которые, как говорили, оба занимались магией.

Дать общий очерк представлений викингов о смерти, о том, как они поступали с мертвыми, — очень сложная задача, вне зависимости от того, подходит ли к ней с археологической или с литературной стороны. На практике обычаи были очень разными. Даже самый распространенный обычай — класть с умершим в могилу его личные вещи — был отнюдь не всеобщим: это было принято у шведов и норвежцев, но не так часто встречалось у датчан.

Основными обрядами погребения были ингумация и кремация, однако и в том и другом случае существовали различные варианты. При ингумации тело обычно укладывали прямо в землю, в естественной скорченной позе; иногда можно предположить, что тело было покрыто плащом или лежало на подушках. На умершем была обычная одежда и украшения; вокруг тела сложено оружие, инструменты и другие вещи. Нередко могилу ничем не отмечали, но в некоторых случаях ее покрывали земляным или каменным курганом; вокруг нее могли устроить ограду из стоячих камней в форме круга, квадрата, треугольника или корабля (см. вклейку). Но тело могли положить и в гроб с небольшим количеством инвентаря или вообще без него; такими были могилы на городских кладбищах Бирки и Хедебю, где этот обычай мог распространиться под чужеземным влиянием. Сложнее был способ погребения, популярный среди более состоятельных шведов (так обычно хоронили мужчин): сооружалась специальная деревянная погребальная камера, в которую помещали тело и различные вещи, принадлежавшие умершему; зачастую там, у входа, клали трупы коней и собак. Этот обычай шведы принесли с собой в свои русские поселения; видимо, именно об этом говорит Ибн Русте, когда рассказывает о «русах»:

«Когда у них умирает кто-либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда и вместе с ним кладут в ту же могилу его одежду и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и жена умирает в заключении».

Хотя последняя деталь может показаться сенсационной, отчасти она подтверждается находкой камерной гробницы в Бирке, где были обнаружены тела двух женщин; одна была погребена в обычном положении, а другая лежала скорчившись; это заставляет предполагать, что вторая женщина была погребена заживо. Возможно, она была рабыней, которая сопровождала свою госпожу. Почти столь же примечательным был обычай убивать рабыню, которую затем хоронили или сжигали вместе с хозяином. Этот обычай у шведов в России подробно описывает Ибн Фадлан. В исландских стихотворениях и сагах есть некоторые намеки на это, а также на обычай «сати», убийства жены, которая должна была сопровождать своего супруга в могилу. Однако такие обычаи не могли быть распространены на родине викингов, в Скандинавии, настолько, насколько, по словам арабских авторов, они были распространены в России. В противном случае их следы чаще обнаруживали бы археологи. Возможно, в силу того, что у работорговцев-«русов» под рукой было достаточно женщин, которых можно было использовать для этого обряда, он обходился

им дешевле, и они могли не отказывать себе в том, что в других местах было редкой роскошью.

Самой живописной формой погребения была та, когда тело клали в корабль и в изобилии снабжали его едой, оружием, инструментами и домашней утварью; корабль полностью оснащали. Животных (прежде всего собак и коней) приносили в жертву и клали их трупы рядом с умершим. Наконец, все это старательно хоронили под курганом или в яме ниже уровня земли. Сначала мы находим этот обычай в Швеции; он засвидетельствован еще до начала эпохи викингов и был привилегией нескольких очень богатых семей. В Венделе и Вальсгерде есть несколько таких погребений, которые относятся к эпохе от 600-го до 1000-го или 1100 года. Здесь поколение за поколением главу семьи хоронили одним и тем же образом: он сидел или лежал на корме лицом к целой гряде добра, сваленной на носу корабля. Рядом с ним или даже у него в руках было оружие. Принесенных в жертву коней и лошадей укладывали парами внутри или снаружи корабля. Этот удивительный консерватизм тем более бросается в глаза, что в то время обычным обрядом погребения

в этих местах была кремация, даже тогда, когда христианство достигло здесь своего полного могущества. Очевидно, что в этих двух семействах существовала весьма прочная фамильная традиция.

В Норвегии, прежде всего в Гокстаде и Усеберге, также встречаются богатые княжеские погребения в кораблях, где тело лежит на кормовой части палубы, на ложе в небольшой постройке, напоминавшей палатку. Вместе с умершим было захоронено огромное количество всевозможных вещей и принадлежностей; вокруг кораблей лежали останки множества коней и собак. В Туне церемония включала отчасти кремацию, отчасти ингумацию: от тела человека остались только обугленные кости, однако сам корабль не сжигали. Однако в Норвегии, в отличие от Швеции, мода на погребения в кораблях в эпоху викингов быстро распространилась во всех слоях общества. Было найдено около 1000 таких могил как в самой Норвегии, так и в поселениях, хотя, конечно, во многих случаях «корабль» представлял собой всего лишь небольшую лодку. Бревна почти всегда сгнивали, однако ряды заржавленных скоб все же свидетельствуют о наличии корабля.

Наконец, следует упомянуть и об уникальном погребении в лагере Фюркат, где тело женщины было положено в колесницу — интересная параллель к одному пассажиру в «Старшей Эдде», где рассказывается, как Брюнхильд положили в крытую повозку и собирались сжечь на костре и как потом она поехала в этой колеснице по дороге в загробный мир.

Другим основным обрядом погребения была кремация, которая, как утверждает Снорри, характерна для почитателей Одина: «Один... постановил, что всех умерших надо сжигать на костре вместе с их имуществом. Он сказал, что каждый должен прийти в Валгаллу с тем добром, которое было с ним на костре... В память о знатных людях надо насыпать курган, а по всем стоящим людям надо ставить надгробный камень... Люди верили тогда, что чем выше дым от погребального костра подымается в воздух, тем выше в небе будет тот, кто сжигается, и он будет тем богаче там, чем больше добра сгорит с ним».

Кремация была распространена во всех скандинавских странах. Обычно само сожжение происходило не на том месте, где затем хоронили тело, и, когда огонь догорал, все небольшие остатки — обугленные кости человека и животных, уголь, пепел и обгоревшие кусочки металлических вещей — приносили на место погребения и рассыпали там ровным слоем на площади 1 — 2

квадратных метра. Более крупные предметы, такие, как мечи, топорница или шишки от щитов, могли сложить в центре, иногда на котле или под ним. Нередко эти предметы нарочно повреждали, сгибая их, пока они были еще горячими. Потом останки покрывали слоем земли, над которым могли воздвигнуть курган из камней или земли. Как и в обычных погребениях, количество вещей и животных, которые должны были отправиться на тот свет с умершим, было различным. В некоторых кремациях находят множество скоб от лодок; хотя иногда это может быть результатом использования старых лодок в качестве топлива, очевидно, что в более богатых погребениях центром погребального костра был корабль умершего, и, возможно, в кораблях не только погребали, но и кремировали.

Наконец, из литературы мы узнаем о редком, но впечатляющем обычае: огонь разжигали прямо на борту корабля, который затем отправляли на волю волн; плывущий корабль пылал. Говорят, что таким образом был погребен бог Бальдр, а также два очень древних короля — король Норвегии Хаки и король Швеции Сигурд Кольцо, которые жили (если только они вообще не персонажи легенд) задолго до эпохи викингов. Не следует считать, что это было погребение типичное для вождя викингов. За всеми этими различными обрядами лежали два основных представления о загробной жизни: мертвые «живут» в своих могилах, как в домах, либо «отправляются» в путешествие в мир иной. Кремация, скорее всего, соответствовала второй точке зрения (и Снорри, ви7 димо, интерпретировал ее именно таким образом), в то время как обычные погребения, особенно в камерных гробницах и те, где умерших укладывали на ложа, больше соответствуют первой. Основная проблема касается кораблей и лошадей: были ли они просто любимым имуществом умершего, или их считали средством транспорта, которое доставит его в загробный мир? Против второго предположения может говорить то, что в некоторых случаях перевернутую лодку ставили над телом, «ставили на якорь» либо придавливали с помощью булыжника. Кроме того, в скандинавской литературе нет ясных указаний на то, что до царства мертвых можно добраться по воде, хотя часто утверждается, что умершие едут верхом или идут в Валгаллу. Между тем корабль в обычном положении, безусловно, заставляет думать о плавании, и представление о «корабле мертвых» является настолько древним и широко распространенным, что было бы просто невероятно, если бы оно не играло никакой роли в верованиях народа мореходов, каким были древние скандинавы.

Обращаясь к скандинавской литературе, мы сталкиваемся с некоторой двойственностью. В большинстве саг умершие изображаются «живущими» в своих курганах, а иногда внутри какой-то священной горы; они окружены сокровищами и оружием и готовы сражаться с теми, кто нарушит их покой. Злодеи могут выходить из своих могил по ночам и бродить по земле, убивая людей и скот, пока такого «зомби» не обезглавят или не сожгут. С другой стороны, благожелательно настроенные покойники могли помогать и приносить удачу живым. В мифах и поэмах, напротив, гораздо больше говорится о далеком загробном мире — о мрачном царстве богини Хель и рае Одина — Валгалле. Валгаллу изображали как огромный пиршественный чертог, в котором валькирии и герои древних легенд приветствовали благородных воинов, любимцев Одина; здесь избранным предстояло пировать до конца света. Эта идея прекрасно выражена в трех стихотворениях X века. Стихотворение, созданное в память о короле Эйрике Кровавая Секира (умер в 954 году), начинается с того, что Один предчувствует прибытие гостя-героя: Странен сей сон — сказал Один, — будто встал я до свету убрать Валгаллу для павших воинов. Велел я эйнхериям живеи подыматься, скамьи застилать и мыть чаши. Вином валькирии вождя встречают.

Прибытие воина в Валгаллу

Рис. 95. Прибытие воина в Валгаллу

Сцены с камней Готланда могут отражать то же представление. На двух из них (например, на рис. 95) на верхних панелях показан человек на восьминогом коне, который приближается к куполообразному дому; его встречает женщина, протягивающая ему рог для питья. Определенно это умерший воин (если только это не сцена из мифа о самом Одине): он едет в Валгаллу на коне Одина Слейпнире и его приветствует валькирия. На другом изображении (см. вклейку) показана сцена, которая, возможно (хотя уверенности в этом нет), представляет погребение. Сначала показана битва — орлы разрывают мертвые тела; затем — группа воинов с опущенными мечами (в знак траура?) и восьминогий конь, на котором лежит тело — возможно, Слейпнир, везущий труп; и в-третьих — триумфальная процессия, которая может изображать вход того же человека в загробный мир. Как это нередко бывает, проблема в том, в каком ключе следует интерпретировать изображения: как религиозную символику, как легендарное повествование или как случай из реальной жизни. Тот же самый вопрос встает и относительно кораблей, которые так часто изображаются на этих камнях, которые могут быть «кораблями мертвых» или просто указанием на то, что умерший был мореходом. Однако изображение женщины, предлагающей всаднику напиток, встречается так часто, причем не только на камнях, но и в виде металлических фигурок (рис. 96), что оно должно было иметь какое-то религиозное значение; из всех известных нам женских персонажей так, скорее всего, могли изображать именно приветствующую героя валькирию. К счастью, благодаря арабскому путешественнику Ибн Фадлану, до нас дошел весьма живой рассказ из первых рук о похоронах викинга. Ибн Фадлан интересовался такими вещами и описал церемонии, свидетелем которых он стал после кончины шведского вождя в районе Волги примерно в 922 году. Его рассказ удивительно напоминает то, что нам уже известно из археологии и литературы; в нем есть масса деталей, которые нельзя узнать ни из какого другого источника. Вначале Ибн Фадлан подчеркивает, что виденные им похороны — удел лишь богатых; бедных людей просто сжигают в небольшой лодке, однако богатство состоятельного человека разделяют на три части — одну для наследников, другую — на

одежду (и видимо, другую утварь) для умершего, а третью — чтобы приобрести эль для погребального пира. Требуется 10 дней, чтобы приготовить одежду и все необходимое. В это время умерший находится во временной могиле; рядом с ним — еда, напитки и музыкальный инструмент. В связи с этой могилой Ибн Фадлан говорит не просто о земле, но и о каком-то «дереве»; вероятно, это было нечто вроде деревянных камерных гробниц, о которых мы упоминали выше. Между тем следовало соблюсти и другой обычай: «И если умирает главарь, то говорит его семья его девушкам и его отрокам: «Кто из вас умрет вместе с ним?» Говорит кто-либо из них: «Я». И если он сказал это, то это уже обязательно, так что ему уже нельзя обратиться вспять. И если бы он захотел этого, то этого не допустили бы. И большинство из тех кто поступает (так), девушки. И вот, когда умер этот муж, о котором я упомянул раньше, то сказали его девушкам: «Кто умрет вместе с ним?» И сказала одна из них: «Я».

С этой минуты девушку уже не оставляют одну. За ней постоянно наблюдают две другие рабыни, а она сама «каждый день пила и пела, веселясь, радуясь будущему». Между тем Ибн Фадлан наблюдал за приготовлением погребального костра. Корабль умершего вытащили из реки на сушу, подперли кольями и окружили конструкцией, похожей на большие помосты, на которые он опирался. На палубе корабля поставили палатку; люди принесли скамью и поместили ее туда. Скамью покрыли коврами и подушками из расшитого византийского шелка; это делалось под руководством «женщины, старухи, которую называют Ангел Смерти». По словам Ибн Фадлана, это была «ведьма большая и толстая, мрачная». Палатка и ложе внутри нее находят точные соответствия в погребениях в кораблях в Гокстаде и Усеберге, где тело лежало на ложе внутри небольшого деревянного сооружения, весьма похожего на палатку.

валькирия

Итак, когда все было готово, умершего достали из временной могилы, сняли с него одежду, в которой он умер, и вновь одели в специально изготовленную одежду из богатого шелка с золотыми пуговицами, отороченную соболиным мехом. Тело внесли на борт корабля, в палатку, где его положили на ковры и подперли подушками.

☒

перед ним, и принесли собаку, и разрезали ее на две части, и бросили в корабле. Потом принесли все его оружие и положили его рядом с ним. Потом взяли двух лошадей и гоняли их обеих, пока они обе не вспотели. Потом разрезали их обеих мечом и бросили их мясо в корабле, потом привели двух коров и разрезали их обеих также и бросили их обеих в нем (корабле). Потом доставили

в одну за другой из юрт, причем с ней соединяется хозяин юрты и говорит ей: «Скажи своему господину: «Право же, я сделала это из любви к тебе».

Теперь девушке предстояло сыграть главную роль в весьма любопытной символической церемонии. Какие-то люди подвели ее к чему-то наподобие дверной коробки, заранее ими приготовленной; девушка «поставила обе свои ноги на руки мужей», и трижды они поднимали ее достаточно высоко, чтобы она могла заглянуть за верх «дверей»; при этом каждый раз она что-то говорила. Затем девушке дали курицу; она отрезала ей голову и отбросила ее, и бросила тушку курицы в корабль. Ибн Фадлан попросил своего переводчика объяснить, что произошло:

«Она сказала в первый раз, когда ее подняли, — вот я вижу моего отца и мою мать, — и сказала во второй (раз), — вот все мои умершие родственники сидящие, — и сказала в третий (раз), — вот я вижу моего господина сидящим в саду, а сад красив, зелен, и с ним мужи и отроки, и вот он зовет меня, так ведите же к нему».

Очевидно, «дверная рама» символизировала барьер между этим миром и загробным; девушка, которой вот-вот предстояло умереть, могла видеть за ним рай. Убийство курицы, которое нам кажется почти случайным, становится гораздо более значимым ввиду того, что петухов и кур очень часто находят в могилах в качестве приношений, а также ввиду странной истории, рассказанной датским историком Саксоном Грамматиком о легендарном герое по имени Хаддинг. Героя провела через загробный мир таинственная женщина, которая, наконец, привела его к высокой стене, преградившей им путь. Затем она достала петуха, открутила ему голову и бросила голову и тело через стену. Петух немедленно ожил и закукарекал. Конечно, между этой легендой и обрядом, который провела девушка, должна существовать какая-то связь. Вместе они представляют собой живой символ обновления жизни за порогом смерти.

После этой церемонии девушку передали старухе, которую называли Ангелом Смерти, и двум ее дочерям; девушка отдала им свои ручные и ножные браслеты. Они вели ее на корабль, однако не впустили в палатку.

«И пришли мужи, (неся) с собой щиты и деревяшки, и подали ей кубком набид, и вот она пела над ним и выпила его. Переводчик же сказал мне, что она прощается этим со своими подругами. Потом дан был ей другой кубок, и она взяла его и затянула песню, причем старуха побуждала ее к питью его и чтобы войти в палатку, в которой ее господин. И вот я увидел, что она уже заколебалась и хотела войти в палатку, но всунула свою голову между ней и кораблем, старуха же схватила ее голову и всунула ее (голову) в палатку и вошла вместе с ней (девушкой), а мужи начали ударять деревяшками по щитам, чтобы не был слышен звук ее крика, при чем взволновались бы другие девушки, и перестали бы искать смерти вместе со своими господами. Потом вошли в палатку шесть мужей и совокупилась все с девушкой. Потом положили ее на бок рядом с ее господином и двое схватили обе ее ноги, двое обе ее руки, и наложил старуха, называемая Ангелом Смерти, ей вокруг шеи веревку, расходящуюся в противоположные стороны, и дала ее двум (мужам), чтобы они оба тянули ее, и она подошла, держа кинжал с широким лезвием, и вот, начала втыкать его между ее ребрами и вынимать его, в то время как оба мужа душили ее веревкой, пока она не умерла. Потом подошел ближайший родственник мертвеца, взял деревяшку и зажег ее у огня, потом пошел задом, затылком к кораблю, а лицом своим... 1 зажженная деревяшка в одной его руке, а другая его рука на заднем проходе, будучи голым, пока не зажег сложенного дерева, бывшего под кораблем после того, как положили девушку, которую они убили, рядом с ее господином. Потом подошли люди с деревяшками (кусками дерева для подпалки) и дровами, и с каждым (из них) деревяшка, конец которой он перед тем воспламенил, чтобы бросить ее в эти куски дерева. И принимается огонь за дрова, потом за корабль, потом за палатку, и мужа, и девушку, и все, что в ней (находилось), подул большой, ужасающий ветер, и усилилось пламя огня, и разгорелось неукротимое воспламенение его. И был рядом со мной некий муж из русов, и вот, я услышал, что он разговаривает с

Это он сказал: «Воистину, вы берете самого любимого для вас человека и из вас самого уважаемого вами и бросаете его в прах (землю), и съедают его прах и гнус и черви, а мы сжигаем его в мгновение ока, так что он входит в рай немедленно и тотчас».

действительно, не прошло и часа, как превратился корабль, и дрова, и девушка, и господин в золу, потом в (мельчайший) пепел». Очевидно, что с Фадланом разговаривал почитатель Одина; его вера в то, что огонь может привести умершего в Валгаллу, полностью соответствует тому, о чем говорил Снорри. Способ, которым убили девушку, весьма напоминает жертву Одину, в которой сочетались повешение и удар копьем; различие может быть обусловлено полом жертвы. Самое странное во всем этом — фигура женщины, которую называли Ангелом Смерти; по-видимому, именно она руководила ритуалом и убивала главную жертву собственными руками; ее звание похоже на перевод слова «валькирия» — «Выбирающая мертвых». Конечно, не исключено, что это просто совпадение, однако возможно, что в культуре Одина существовали настоящие жрицы, которые называли себя так же, как сверхъестественные богини войны — вестницы Одина. В отношении этого, как и многого другого, например ритуальной наготы (знак траура) и сексуальной стороны обряда, прямой и беспристрастный рассказ Ибн Фадлана сохранил для нас детали архаических религиозных обрядов, о существовании которых мы едва ли могли подозревать из скандинавских традиций в той форме, в которой они дошли до нас — измененные под влиянием поэзии или христианства. Ибн Фадлан заканчивает свою историю рассказом о постройке кургана. Как и показывает археология, его строили не на том месте, где горел погребальный огонь. К несчастью, Ибн Фадлан не сообщает, положили ли пепел в курган; возможно, так и сделали, хотя известно, что в Скандинавии строили и пустые курганы-кенотафы. Последнее, что делают друзья умершего, — ставят деревянный столб с надписью, своего рода прообраз памятных камней, которые впоследствии стали столь популярными у шведов. Здесь столб ставят на сам курган, как последнюю дань вождю викингов: «Потом они построили на месте этого корабля, который они вытащили из реки, нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревяшку хаданга (белого тополя), написали на ней имя (этого) мужа и имя царя русов и удалились».

«Викинги. Быт, религия, культура» Жаклин Симпсон

[Вся библиотека >>>](#)

[Оглавление книги >>>](#)